

ЛАВА

18

журнал поэзии

Харьковский Ренессанс

Харьков
2013
СЛОВО

ISBN 581-764-7875-11-19

Главный редактор:

Богдан Ант — Андрей Костинский — Герман Титов

Редакция

Богдан Ант
Виталий Ковальчук
Андрей Костинский
Евгений Кривочуприн
Герман Титов
Юрий Шкурко

Издание является неотъемлемой частью
проекта клуба поэзии «АВАЛ»
(руководитель – Андрей Костинский)

Концепция и дизайн номера – Герман Титов

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Новый, 18-й номер журнала поэзии «ЛАВА»
продолжает тему лишь частично затронутую в прошлом
— 17-м номере нашего журнала —
тему того уникального явления литературы и культуры,
которую безо всякого преувеличения можно назвать Харьковским Ренессансом.

В середине 60-х годов минувшего века в сонном и почти провинциальном
культурном мире Харькова вдруг
— как бы «ниоткуда» —
явилось целое соцветие разнообразных и уникальных талантов.

Имена Мотрича и Чичибабина, Милославского и Бахчаняна, Лимонова, etc. etc,
составили бы честь любой другой культурной столице.
Однако, Харьков, по-видимому, легко забывает о своём замечательном прошлом.
Мы же видим свой долг в том, чтобы спасти от забвения и вернуть в культурный обиход
всё самое важное. Всё, что — в первичном смысле этого выражения —
не подвластно роковому действию времени.

В рамках этой задачи мы открываем этот номер
представительной публикацией стихов Леонида Викторовича Иванова —
человека поистине легендарного, современника и неперемного участника
харьковского культурного Ренессанса с нач. 60-х годов и до нашего времени.

В оформлении номера использованы фотографии города
в самом непарадном, и — оттого подлинном — его изводе.

Кроме того, как всегда, в «ЛАВЕ» широко представлены новые стихи и прозаические творения
(в т. ч. — дебюты) авторов Харькова, а также ближнего и дальнего русского зарубежья.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Леонид ИВАНОВ

ЕФНМЕРІС

Леонид Викторович Иванов — человек, несомненно, легендарный. Практически во всех мемуарах и публикациях, посвящённых Харьковскому Ренессансу 60-х, непременно упоминается его имя. И, однако, даже в этой среде — художников, поэтов, музыкантов, числясь всеобщим другом или знакомцем, он не пытался по-лимоновски выпятить грудь: я, мол, здесь самый талантливый, самый яркий, самый умный etc. И, тем не менее (а, скорее всего, — и тем более), его собственное поэтическое творчество, его неутомимые изыскания — философские и филологические, заслуживают самого пристального интереса. Его великолепное пренебрежение «прижизненной славой», печатными публикациями и прочей окололитературной суетой заслуживают едва ли не восхищения. Его размышления о Мандельштаме, о Мотриче, о поэзии вообще — можно слушать часами. И, конечно, надо бы записывать. Никто так не знает центр Харькова — каждый дворик, каждый переулок — как Леонид Иванов. Будем надеяться, что он допишет и свои мемуарные заметки о той легендарной эпохе. Во всяком случае, эта публикация восполняет, смеем надеяться, существенную лакуну, и являет читателю крупного и оригинального поэта и мыслителя.

* * *

Один был стоек как истукан,
Другой небрит, что репей.
До края один наливал стакан,
Другой говорил — пей!

Что ваши Максимы и Яры,
Славянские ваши пиры —
Нам ближе вокзалы-базары
И все проходные дворы.

Беснуются жёны, как ведьмы,
Но мысль завсегда об одном:
Успеть бы, успеть бы, успеть бы,
Пока не закрыт гастроном.

Вливается в сердце отвага,
И что нам указа аркан,
Когда драгоценная влага
Струится в гранёный стакан.

А после всё что не неси я,
В обход или напролом —
Исцелительница-амнезия
Нетопырьим смахнёт крылом.

* * *

В мерцаньи шума городского
Под гнётом мёртвых пирамид
В раскопах сна тот не раскопан
Кто добровольно не убит

Но дезертиру гороскопы
Ночного неба не солгут —
Для самовольного холопа
Есть у владык и цепь и кнут

И истинный беглец однажды
Отыщет выход и исход
В колодец сна скользнув как Гаршин
Шагнувший в лестничный пролёт

* * *

Чёрная клетка — судьба моя,
А рядом — таков удел их —
Братья мои, рядовые как я,
Мечутся в клетках белых.

Клетка за клеткой, за шагом шаг,
Но шанс твой пробил — не мешкай —
Пожертвован ты, иль названный враг
Сшиблен тобою — пешкой.

Судьба моя черна и легка —
Мною играет свыше рука.
Клетка моя — мой чернозём,

И если когда хвачу через край,
То впереди не ад и не рай —
Я обернусь ферзём.

(май 1985)

* * *

Он не Христос, я не Пилат,
И что за дело мне?
Вином расстрелянный собрат
Сползает по стене.

И звонкий ледяной асфальт
Его щекой согрет —
Ты пал солдат — ты виноват,
Тебе держать ответ,

Не проклиная, не моля,
Вмерзает в землю он.
Махну умытою рукой —

Пусть берегут его покой
И неподмоченный закон
И мачеха земля.

* * *

Сизый дым истлевших сигарет
Сладок хмель — мучительно похмелье
И в кармане — скомканный билет
В мутное сырое надземелье

Тускло-жёлтый карантинный свет
Лестницы проплёванная пропасть
И бескрылый ангел — твой сосед
Получивший в рай досрочный пропуск

На немой вопрос — немой ответ
И ползёт ломаясь и сутулясь
Тень в бескровный лагерный рассвет
В лабиринт труда бегущих улиц

(январь 1983)

* * *

Наутро премудро рассвечен
Плыву сквозь похмельную муть
И крыть недоверчивых нечем
А надо б до вечера гнуть

Наутро вдыхая прохладу
Сквожу по ухабам скользя
И вижу похабно как надо
И знаю как надо нельзя

Ложатся снежинки на плечи
И щепки бегут топора
Я видимо вечен но вечер
Порой наступает с утра

* * *

Для новичков не помнящих родства,
У коих отчих уз надломлен стебель,
Рисковое искусство воровства
Я возвожу в сравнительную степень.

Да будет вам чужой карман не чужд,
Враг или друг, радетель иль родитель
Для непотребных и насущных нужд
У дальнего и ближнего крадите.

А коль не вор — живи среди дерьма.
 Но что ни день, пушок сбрываю с рыльца я.
 Что с той, что с этой стороны тюрьма.
 И, да хранит меня моя милиция.

(декабрь 1983)

* * *

Я рекрут и смазчик, хранитель шарниров
 Машины, раскрученной раз навсегда,
 Копатель квартиры, которую вырыв
 Другому занять не составит труда.

В забвеньи гражданские распри и казни,
 И водобоязнь больны облака.
 Ржавеет земля, но — по-прежнему дразнят
 Багряные призраки око быка.

Немой дегустатор дегтярного мёда —
 Скреплённому мир не мирволит иной,
 Пока вожделенное слово — «свобода»
 На серых губах не вскипит беленой.

(1984)

РОМАНС

Не уходи, побудь еще немного,
 И шепоткам холодным не внемли.
 Я вижу сам что так далёк от Бога
 Как Он, порой, от правильной земли.

Не уходи, прошу тебя, ответствуй.
 Всего лишь слово, лишь один намёк —
 Как удержаться на такой отвесной
 Земле, стоящей неба поперёк?

* * *

Молоточки подкованных фетром
 Звуковая знакомая вязь —
 Это звон разряжённого ветра...
 Эх, Россия, расинова Федра,
 Ты своих иноходцев не глазь.

Молоточки срываются с визгом,
 И возница летит, невесом,
 Дабы быть опрокинутым, изгнанным
 Центробежным, стремительным диском —
 Обручальным твоим колесом.

Брата брат нацепивший на вилы,
 Сыновья на цепи у отцов —
 Бьют копыта в трёхструнные жилы...
 Эх, Россия, достанет ли силы
 Воскрешать дорогих мертвецов.

♠

(декабрь 1988)

* * *

Обережно, но внимательно
 Вы шагнёте? Выше гните!
 И не обременематерно —
 Вовремя провороните.

На канате пляска с умыслом.
 Ну-ка, нате! Вы шагните!
 Два в уме, а раз додумал сам.
 Наши дети — ваши нити.

* * *

Какое мы, в сущности, право
 Имеем на эти тела,
 Что душная смертная слава
 На пир всеблагих призвала?

Пусть плети и слепни сомнений
 Устали их жечь и колоть —
 Устами мятущейся тени
 В пространство отброшена плоть.

И доблестный экс-гуманоид,
 Потомок номадов-гостей,
 Такие крупички намоеет
 Из трубчатых полых костей!

Но полно над павшими плакать —
 Взрывая слои и пласты,
 В гниющую смертную мякоть
 Вонзайте живые персты.

* * *

Внезапно о себе напомнила зима.
Ночные облака вдруг вмиг как ветром сдуло,
И острая луна по лужам полоснула,
И залил мёртвый свет и лица и дома.

Нет в лабиринте стен спасительного лаза,
Пусть мотыльки летят на тот запретный свет.
Нам остаётся ждать, когда воскресший Лазарь
Для преданных теней откроет лазарет.

А небо и луна — всё это только снится,
И тот и этот свет равно сошли с ума.
Стена, стена, стена...
А может, мир — больница?
А может просто боль,
Не Ницца, а тюрьма?

Ψ Ы

For Ю.Л.

У райских врат парит архангел-птаха
У адских врат царит цепной черепрум

На стогнах Рима пепелеют маки
Блудят кометы в зернах звездной ржи
Пасуют гуси — Рим пасут собаки
Тревожно спят хоромы и бараки —
Сторожевые псы не спят во мраке
Мир бороня от порчи и парши

Истлев, дорожных карт линияют знаки
И тяжелеют веки мудрых сов —
Сторожевые псы не спят во мраке,
Блюдя устой осей и полюсов

Учуя зов зловещих голосов
Скулят вразброд придворные собаки
И вторит им проворно вой низов

Сторожевые псы не спят во мраке
Им нипочём тягучий зов часов
Остерегись их яростной атаки —
Рот на замок и двери на засов

* * *

Когда незрячий воздух рассецёт
Топор ладони, падая как кречет,
Слепой историограф обеспечит
Всем смертным послезиженный учёт.
Сквозь пальцы глядя — время не течёт.

В песок пустыни воля кости мечет,
Оазис сна кочевника влечёт,

Слепой игрок играет в чёт и нечет
И слепень жажды жалит и печёт.

Жестокость боли жалует и лечит,
Неровен час, но непрерывен счёт:
Ручное время нам противоречит,

Лишь смерть улыбкой нас очеловечит,
Сравняв в правах бесчестье и почёт.

* * *

От гения и до злодейства
Сквозит игла Адмиралтейства,
Где от угла и до угла
Произлегла *иная* мгла,

Аллея истоптанная пыль,
Дневник темнот — глоссология.
В венце плетущаяся Лия —
Околицейная Рахиль.

Противовес небесным войнам —
Земное царство черт и рез
Свой в нас имеет интерес.

Объявленное недостойным
Земное царство с оком хвойным —
Камей и стел могучий вес.

ШРИФТ

*Киркою рудокопный гном
Согласных хрусты рушит в томы
Я — стилистический приём
Языковые идиомы*

А.Бельй

Какая брешь — потерянное слово.
Какая блажь — потерянная речь,
Но, преклиняю, — доброго от злого
Не убережь, mein Gott, не убережь.

Минають дні, mad reed почти не ропщет,
И в недорослях щуплая трава.
Казалось бы, may be, и, или проще:
Le mots, le mots, слова, мин херц, слова.

*Дні промайнули. Віра стала майной.
Це тільки сон, прострел и динозавр —
Це напівострів, сон-трава, я — зайвий.*

Хрустит коленолоктевой сустав,
Не uber-речь, и лайнер ухнет в lajn
о
Полуустав, mein Herz, полуустав.

LUFT

*В Париже площадь есть
Ее зовут Звезда
О.М.*

1.

На каком я живу этаже?
Непохоже, но всё же уже.
Может уже? — но тоже не жжёт,
Эта жизнь этажи бережёт.

Береги берега — не беречь
Эту черезпорожную твердь,
Затверди, и жалея, не жаль
Эту Лету, иль ту l'Etoile.

2.

В пустотемени мглы завис
Узел жизни меж *верх* и *низ*.
В темя иглами вой и визг
И в зеницах ни зги до искр.

Коловратное зим и лет
Равноденствие пустоты,
И кружит суета сует
Безвоздушные миражи,

И курится простылый след
Тех, которых в помине нет —

Проживающих этажи
Прожигателей сигарет.

Лишь стелясь на стену легла
Задарма дарящая свет,
Астра стреляного стекла —
Летописная l'Etoile,
Та, которой в помине нет.

* * *

Бежит вода, течёт вода,
Живеет млечный сок.
По что ж толкуют провода,
Глухаревинный ток?

Почтовых ящеров среда
Покоемых тревог:
С утра, содрав себя с одра,
Узреть — вчера была беда,
А нынче — срок истёк.

С утра утрат не оберёшь
И день со днём не схож.

Пусть истолкуют толмачи —
Хоть бисер по миру мечи —
В чём истинная ложь?

(ноябрь 2011)

Л. Иванов. «Автопортрет»

Г Н О М Ы

* * *

*Но будь к оружию готов –
Целует девку Иванов!
Н.З.*

Я Иванов
хоть имя дико
но с неких пор
в петлице у меня гвоздика
в петле — топор

* * *

У корытца бы укрыться
У колодца б уколиться

* * *

Есть ли тесть вино?
Есть естественно ...

* * *

Петров с протянутой рукой
стоял. — Такси летели мимо.
Красуйся, грабь, Петров, и стой
Неколебимо!

* * *

Дантеса пуля, поц Арапа-ли,
Но Натали-то поцарапали?

* * *

На гроб Петрова некто Сидоров
Несёт цветочки. —
У Бога не проси даров —
Проси отсрочки.

* * *

Не губи сук
За которых сидишь

* * *

Я не доверяю голосам
И не верю видимому миру
Я себе ещё сумею сам
Вырыть одноместную квартиру

* * *

и крик кирки
летел —
жарим мираж
сажу и ужас
корми и рты вытри им рок

* * *

Ich sterbe — Чехов
Ишь, стервы — Бунин

* * *

А они тут как тут
и без стука войдут,
и под белые руки возьмут.
Говорят: гнида-вошь —
Доигрался? Хорош!
Ты у нас — говорят —
Запоёшь.

О, эти пернатые астры —
Ich дань ни собрать ни отдать
Крылатые Яsterb und Айstreb
Вдоль Леты хотят полетать

DIGITALIA

А digit це цыфра, це палець,
А зовсім не horsemen — djiguit
Та з іншого боку —
Мах Digger — це Рыльскы
Достатньо відомий піт

ДОН КИХОТ

Ни копья, ни щита —
Никопья, нищета...

* * *

Я им шепчу: chercher le femme...
 А мне в ответ: пошёл, бля, хам!
 Так мало надо для души
 И я пошёл...
 Шурша — шурши.

* * *

О, не шер псов — воспрещено

* * *

Рыбка робкая пиранья
 Эмигрантка равных стран
 Дан ли дар мне умиранья?
 Умиранья дар ли дан?

* * *

*И грянул на весь оглушительный зал —
 Покойник из царского дома бежал !*

Н.З.

И сунул я свой лик в калашный ряд
 Но темнота мне память засветила —
 Пусть с мёртвыми спокойно говорят
 Толковые лиловые чернила

* * *

Народовольцы
 И народоволки
 Наро — довольцы
 Инародоволки

* * *

В.Клч.

1

Набравшись сполна алкоголя и блох
 Чешусь озираясь устало
 Пора бы успеть под забором как Блок
 Но мне даже этого мало

2

Какой вопрос в уме ни висни
 Я погружаюсь в облака
 И коротаю время жизни
 Дыша туманом табака

3

Жизнь ухабиста но я до
 Легкомыслия богат
 Остаётся выпить яда
 И заглохнуть как Сократ

* * *

Друзья, закурим трубку мира,
 Испепеляя труп кумира

(9 января 2011)

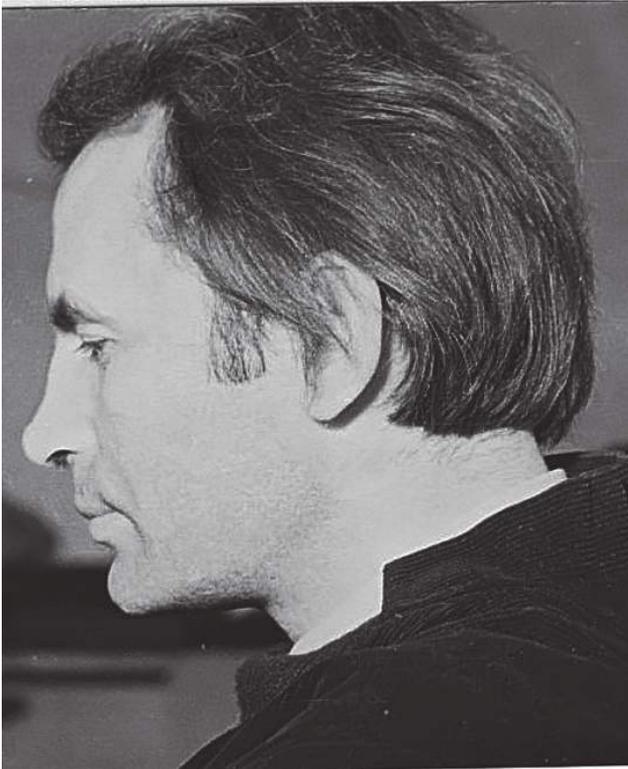
* * *

— Растолкуй, приятель, в самом деле,
 Как же Робинзону без жены?
 — У него семь пятниц на неделе.
 Робинзону жены не нужны!

* * *

В меня п-дец вонзает жало
 И не сносить мне головы
 А ведь МИНЗДРАВ предупреждало !
 Я не послушался, увы...

Владимир МОТРИЧ

В этом номере мы продолжаем публикацию стихотворений Владимира Мотрича, по каким-либо причинам недостаточно известных широкой публике.

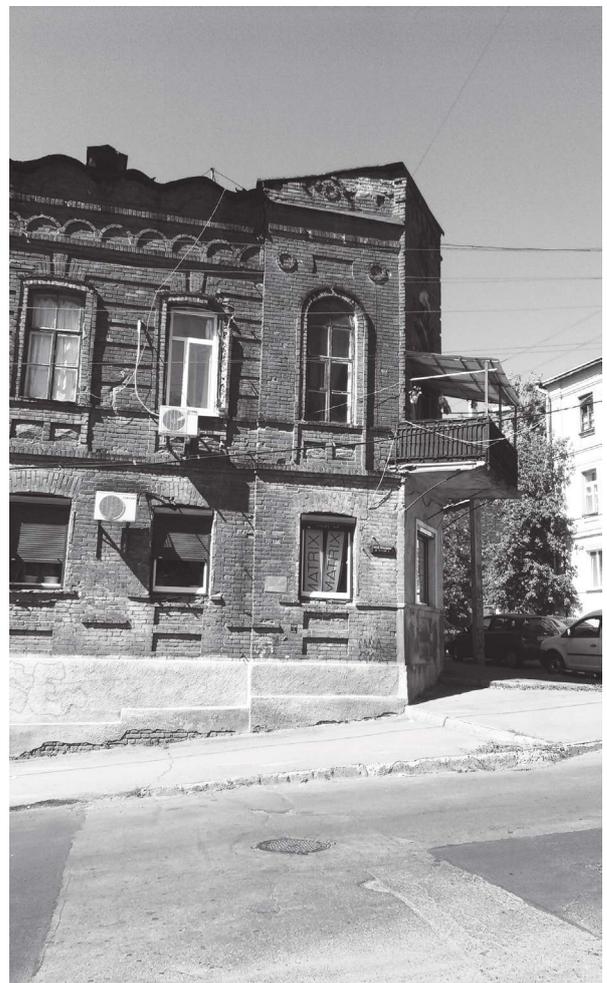
* * *

Мне Господом
смешная роль дана:
кривляться и любить
в едином страхе,
веселым быть,
когда слепая пряха
ужалит острием веретена.

И в темноте
искать упрямо свет,
и закрутить
немыслимый сюжет.

И все же я достоин лучших дней,
но все углы
да ропот под сурдинку,
все крайним быть
не зная серединки...
Оно, конечно,
Господу видней.

Но и тогда,
в трагическом конце
я сохраню улыбку на лице.

Сергей ЧЕРНЯЕВ*Харьков***ЗАКЛЯТЬЯ НАД БЕЗДНОЙ**

Я родился под знаком Подвоха
 На хвосте огнеперых комет
 Я не знаю, какая эпоха
 Меня вывела в люди и в свет

Не имея канона и нрава
 Не сползая ни в чью колею
 Я сужу безпристрастно и здраво
 Современность больную мою

В наше новое средневековье
 Моден стал инквизиторский тон
 Тех, кто счета покончил с любовью
 И смешал с произволом закон

Мир запрудой невежества заперт
 Вновь завета разбита скрижаль
 И спешит за подачкой на паперть
 Попрошайка со стажем – мораль

И похоже – плюют им на кровли
 Херувимы всех райских мастей –
 На мздоимцев от работоторговли
 Продающих под скальпель детей

И пронзит то гнев то досада
 Сердце рвущее струны силков
 А людское безумное стадо
 в пастухи выбирает волков

Ум кипит не найдя приговора
 Глядя как под поповский «аминь»
 Раздает сатанинская свора
 Мертвечины подложных святынь

Нужен Бог – не смиренник, а воин
 Чтобы этот зверинец людской
 Образумить заклятьями боен
 У последней черты роковой

ВЕЧНОЕ ПРИЗВАНИЕ

Мы крепим днем каркасы наших снов
 А ночью раздуваем страхов пламя
 Бегущее за нами под полами
 Ордою неизвестных грызунов

Мы слишком часто пестовали плоть –
 Другим досталась истина, как виза
 Заученно вперяясь в телевизор
 Стремимся скуку жизни побороть

Нам слышен зов архангельских высот
 Который обжигая благодатью
 Подобен не прощенью а проклятью
 Для сердца где страстей кромешен гнет

Танцуем как снежинки на ветру
 И падаем в горячие ладони
 И тем они роднее чем бездонней
 И страшивая плоти мишуру

Становимся водой господних слез
 На пажити и пашне мирозданья
 И вспоминаем вечное призванье –
 Страдать и верить и любить всерьез

ГАДАЛКА

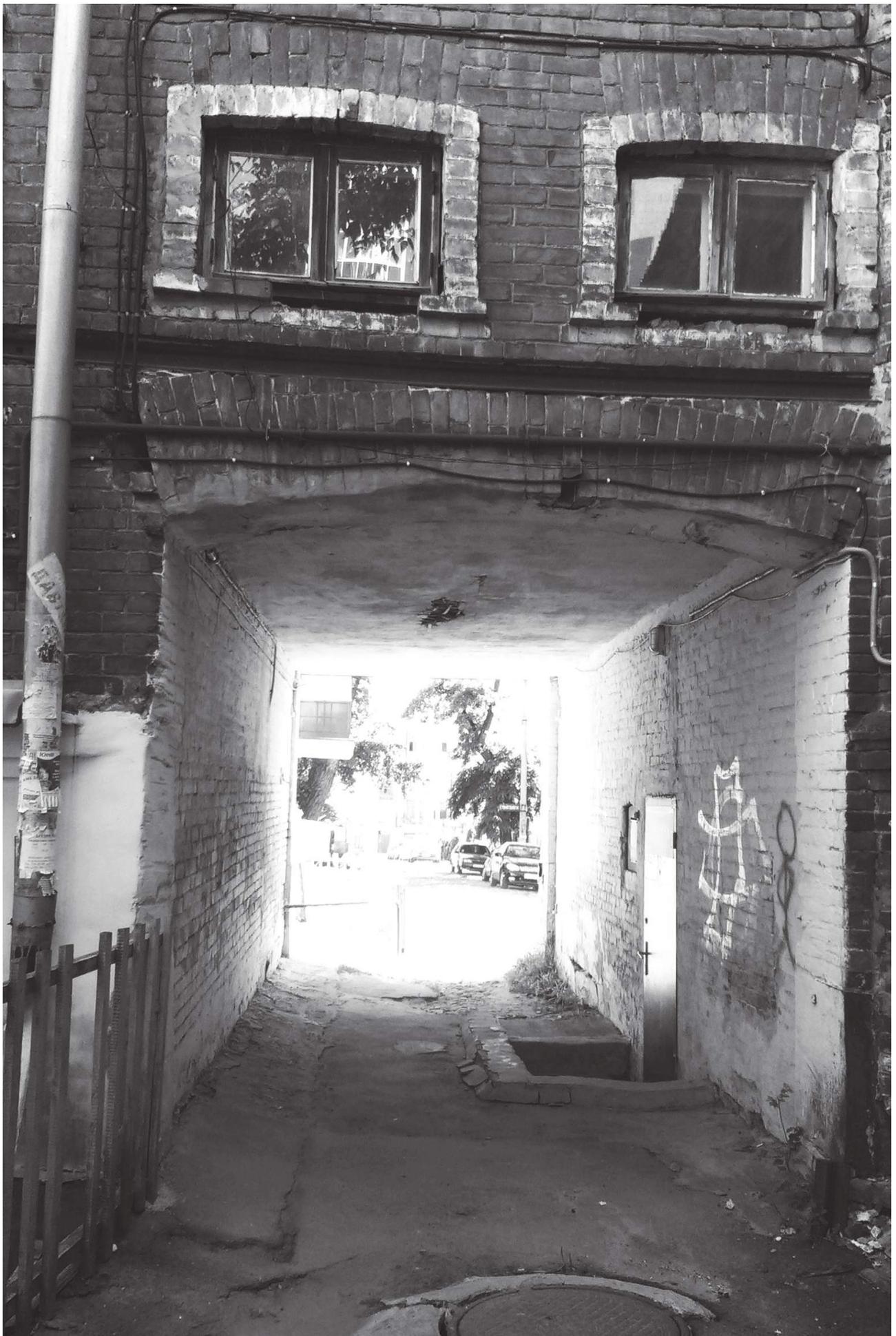
На золоченых куполах – кресты вповалку
 Соборов лысины все более тусклы
 И осень словно пьяная гадалка
 Охапку листьев достает из-под полы

И с глупою улыбкой безучастья
 Тасует так, что молкнут шулера
 Ее колода – вся червовой масти
 Как пламя inferнального костра

И падшим ангелам уставшим от разлуки
 С высотами она сулит зенит
 Хоть эти карты обжигают руки
 И хоть бессмертье на кону стоит

Но так сладки имбирные надежды
 И веры голубые миражи
 Что невозможно фальшь заметить прежде
 Чем мед преобразится в деготь лжи

Души проигранной прогаданной не жалко
 Лишь черным птицам злобы и хулы
 На золоченых куполах – кресты вповалку
 Соборов лысины невзрачны и тусклы

ПОЭЗИЯ:
родные пенаты

ПОЭЗИЯ: родные пенаты

Ольга АНДРУС

Харьков

Харьковчанка, программист. Член МСПУ, ВКЛ, клуба АВАЛ, клуба им. Визбора. Лауреат и дипломант международных конкурсов. Автор трёх поэтических книг.

ЗИМНИЕ СНЫ БАБОЧЕК

Светает, у птиц — распевки.
Бунтарская или кроткая
жизнь бабочки-однодневки
и хрупкая и короткая.

Осенней порой, весенней
у бабочек мало времени —
день боли и день веселья.
Не взвесили, не измерили.

Кружатся безумно-слепо,
снуют мотыльки невзрачные.
Немыслимая нелепость —
короткое укорачивать.

Исчезнем, себя не зная,
в день рая и бесконечности.
Мы — бабочек хрупких стая.
Мы — тени в потоке вечности.

* * *

Не ведать бы, чего я лишена,
не вспоминать... не помнить тихий голос,

не знать безмолвием рожденный голод...
Тебя я ненавижу, тишина!

Поймать пытаюсь мимолетный звук
в беззвездном небе — сереньком, неброском.
Пусть уши намертво залиты воском,
оглошшая, не опускаю рук.

Душа — захваченный врасплох цветок во льду,
глаза нещадно порожат метели.
Не сдамся, выдержу! К заветной цели
ослепшая, на ощупь я иду.

* * *

До последней линии,
чертовой черты,
шли, брели, скользили мы,
а вокруг кресты,
черные промокшие,
помощи не жди,
солнце стало роскошью,
целый век — дожди.
Робкие, неспешные,
тихие шаги,
не смотри, что грешные,
просто помоги.
Вдоль последней линии,
что там? что? скажи!,
шли и слезы лили мы,
мысли, как ножи.

Черные веревочки,
медные кресты...
боязно по кромочке?
медлим у черты.

* * *

Счастье, смешанное с болью
и мелодией любви,
песню вольную, соколью,
пой, меня с собой зови!

Город мудрый, город сутра,
тишина монастыря,
город, где застыло утро,
пусть зажжет тебя заря!

Ветер, пей мои печали,
в перезвон колоколов
погребальный звон венчальным
замени, и плачь без слов!

Древний город, тени горя
и прозрачных облаков.
Запах счастья, песня моря,
дождь... мелодия веков.

* * *

Что ты, девочка, слезы льешь?
Посмотри-ка, как день хорош:
Капли — золотом по листве,
Капли — шорохом по траве...
Заплутал воробей в ароматах
Лилий, ливнем немного примятых.
Все прошло, даже ветер стих.
Ну, не плачь, это просто «псих».
Жизнь таким — только грязь в горсти,
А иное и не в чести.
Тьма из тьмы расплодилось на свете:
Каждый — то ли второй, то ли третий.
Хоть и птицы, не тот полет:
Свой курятник и свой помет.
Не Земля, параллельный мир,
Прикоснешься и свет не мил.
Люди — странные чудаки.
Не по улицам, не по аллеям
По невидимым параллелям
Разбредаются... чужаки.

* * *

Отчерком по песку
Волны прибрежные.
Гонит ветер тоску —
Тень неизбежного.
Стынет кровью заря
До нестерпимости.
Встать бы у алтаря
Вымолить милости.
Алым шелком по льну
Боль рассыпается,
К света сполохам льну:
Страшно, красавица?
Не пойти мне ко дну.
В глубь ледниковую.
Я рассвета глотну
Синь родниковую.

Анжела АРСЕНОВА

Харьков

СМС ДЛЯ МАРИ

Кладёт её руку себе на грудь.
И в бухту входят киты...
И сердце силится не утонуть,
И в небе горят мосты.

Ю. С.

Она согласна сестрою быть...
Но пламя ветром не погасить.

Он взглянет так пристально, что стрижи
Навyleт в сердце — ангелу дней —
Летят — оптические миражи —
Кометами — в мириады свечей.

И названный брат, завершая путь,
Напишет: «Мари, без тебя не уснуть...»

Считает Мари сотни дней до встречи,
И вишнями в тёплом варенье стынет,
И белый ангел обнимет за плечи,
И ангел чёрный засов задвинет.

А он ей напишет: «Проблемы с сервером».
И ангел южный примчится с севера.

Пускай прикорнёт, посолив свекольник,
Чтоб сон досмотреть, как он хлеб преломит.

Радуюсь так, что дороги окольные
Встретились в их галактическом домике..

Спи же, Мари, отдыхай до рассвета..
Маяться хватит: июнь завтра... Лето...

ПЕСКИ

Ю. С.

Я отправляюсь в твои пески
Сердцем, трепетным, как прибой...
Мысли — стайки юной трески
Бликами солнц набегают, волной...
Ты принимаешь пульс маяка,
И на сетчатке — охра и медь.
И обнимает твоя рука
Мрак мой и ветер, дыханье и снедь.
И на бликующий свет огней,
Затрепетав, уронив пыльцу,
Сонм мотыльков из глухих дверей
Ластится бело-лиловым к лицу...
Дай же мне руку твою на миг —
Птицей присесть на излёте лет.
В час, когда мой океан притих...
Время отлёта. Неблизкий свет...
Я постою на семи ветрах,
Лунную пыль сберегая впрок...
Слушая ветер в твоих словах
И уходя, как вода в песок...

* * *

Ю. С.

Чудные, дивные острова
Радости его, его грёз,
Как ракушку, растворяю слова
В тёплом сердце тишины и гроз.
Я скажу ему: Ясным будь...
И откроются пределы миров.
Повторю дороге: Не забудь
Тропку до заветных островов.
Так, чтоб было всех песков в морях,
Сколько тайных несказанных слов,
Сколько света в тёплых маяках,
Ветра вдоль притихших берегов.
А себе лишь озерцо до дна
Попрошу у ветреных небес,
Вот и не останусь я одна,
И покину сумрачный свой лес.
Ветер пусть приникнет к парусам,
Тёплым светом ляжет на корму,

Чтоб он вышел к новым берегам,
И навстречу вышла я к нему...

* * *

Ю. С.

НЕМОТА

Затаись же в сердце, усни,
 Одинокий шёпот ли, крик...
 В ледяное сердце весны
 Забредёт ли мальчик, старик...
 Забредёт весёлый, родной,
 Отворяя кровь, как окно,
 Пусть совсем недолго с тобой
 Разделяя хлеб и вино...
 Ты пребудешь чистой такой,
 Что подлунный блик на зрачках
 Упадёт, мерцая слезой,
 На жасмин в твоих волосах.
 Промолчи о серых ночах,
 Когда сердце рвётся и жжёт,
 Чтобы он, помешкав в дверях,
 Разглядел души небосвод.

Чтобы ты посмела мечтать,
 Разделив с ним сумрак и свет,
 Прясть цветное небо в полях,
 Шить рубашки цветом в рассвет...

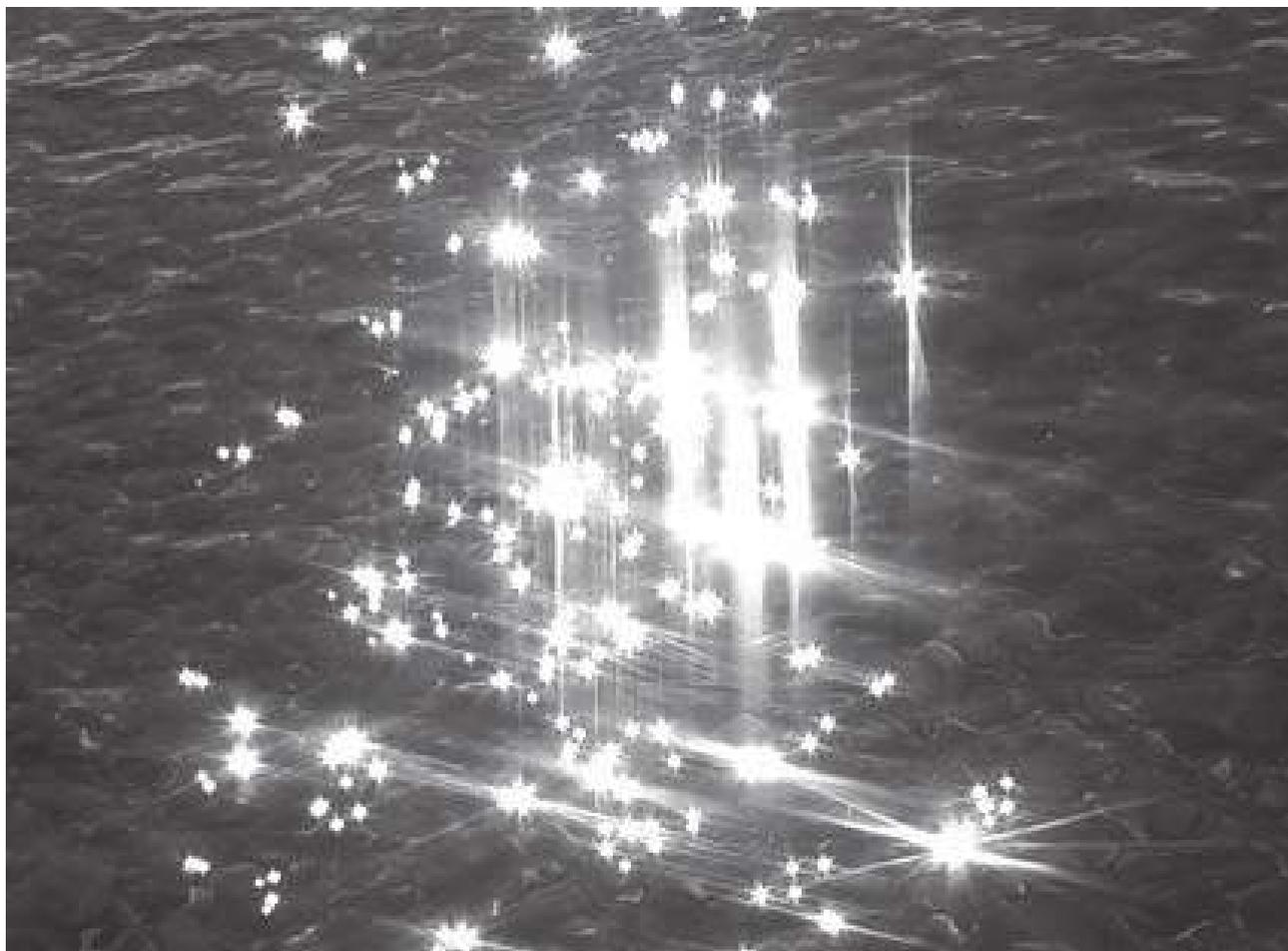
Виснет на сердце твоя немота,
 Как на двери подкова.
 пеной сирень вскипает у рта,
 Только ни звука, ни слова.

Так расходилась чёрная кровь —
 Будет ли впредь неповадно?
 Всё не ржавеет бывшая любовь, —
 Плачут дожди в парадном.

Дай мне дозваться из будущих гроз,
 Голос твой, сделай милость.
 Свидеться нам в последний пришлось,
 Может, разок. Обломилось.

Даже понять, что тебе хорошо
 Сердце толочь в ступке —
 Скверно мне. В проруби нагишом,
 Верно, теплей, чем в разлуке.

Дай же в последний разок пригубить
 Русую прядь с сединою —
 Чтоб, как хотел ты, благословить
 Быть не со мной: не собою...

Галина БАБАК

Харьков — Прага

* * *

Так місто, певно, дихає вночі —
як я пишу
тобі.
Дорогами неходжених доріг.
І навіть не питаю, чи зберіг
У скрині спогадів непевний рух душі.
Так вперше в море ходять кораблі,
Віднесені вітрилом від землі.
І вірять в рибу, сіль морську
і мудру сіль людську.

Так я пишу тобі й
ретельно вибираю знаки,
аби не помилитися.
Хоча яка різниця —
акценти розставляємо не ми.
І наголос блукає диким звіром
аж поки не прокинеться в пітьмі
не Іродом,
а вівчарем.
Мовчи.

Ніч обережно гасить голоси
і притуплює спогади в мені.
Так лезо притуплюється ножа —
коли іржа.

* * *

Коли пан Зузук починає свій ранок, він відкриває очі і дивиться.

Дивиться він на підвіконня, де у глиняних горшечках ростуть бусинкові помідори та цибуля. “Ви знаєте, я так люблю рослинки. Іноді хочеться кинути все і бути біля самої землі”.

Коли пан Зузук починає свій день, він не думає про роботу: “Делаю деталі, за станком, для аудіо і таке все, знаєте”.

Він не думає про борги за квартиру: “Міг би й меншу знімати, але, бачите, у мене дві мансарди — тож, можу запрошувати художників”.

Пан Зузук дбайливо готує сніданок для себе і дорослого сина. Іноді лінується і випиває міцного чаю із чеською ковбасою — “досить!”

Ввечері він охоче ходить з друзями на пиво, суботами слухає джаз, музика робить його молодим івано-франківським хіппі.

Пан Зузук любить жіночу компанію і часто закохується. Але про свої любові мовчить — вони всі у ламких, як життя, лініях його полотен. Ще місяць тому у пана Зузука була галерея в центрі...

Дівчина, якій він про це розповідає, уважно дивиться на його натружені пальці. Пан Зузук перехоплює її погляд, посміхається і ховає їх до теплих долонь.

УРОКИ ПО РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ

Образуйте словосочетания и «вашего мужа»

Он спорил с отцом, продавцом, одним москвичом, врачом, французом, вашим мужем.
Она говорила о списке, миске, большом словаре, чертеже, силе мысли, мяче и вашем муже.
Мы были довольны спектаклем, осмотром, докладом, вкладом и вашим мужем.
Они искали ключи в багаже, гараже, кармане, шкафу, на ветру и вашем муже.
Дети играли у дома, катка, фонаря, костра, забора, дворца и вашего мужа.

Реагируйте по образцу.

1. Она приехала без мужа? — Нет, с мужем.
2. Он здесь без отца?
3. Вы приехали без багажа?
4. Ты пришел без плаща?
5. Дети играют без мяча?
6. Вы пришли без врача?

Дополнить по смыслу

На доске пишут мелом. Ошибки правят красным цветом. Замок открывается ключом. Хлеб режем ножом. Рисунок делаем карандашом. Дети играют с огнем. Все происходит днем.

Скажите, где кто живет?

В Румынии живут румыны. В Болгарии живут болгары. В Украине живут украинцы. В России живут россияне. В Испании живут испанцы. В Греции живут греки. В Грузии живут грузины. В Армении живут армяне. В Италии живут итальянцы. В Англии живут англичане.

В Дании живут датчане. В Норвегии живут норвежцы.

В Австрии живут австрийцы. Во Франции живут французы. В Голландии живут голландцы. В Литве живут литовцы. В Швеции живут шведы. В Финляндии живут финны. В Венгрии живут венгры. В Шотландии живут шотландцы. В Швейцарии живут швейцарцы. В Японии живут японцы. В Бельгии живут бельгийцы. В Сербии живут сербы. В Хорватии живут хорваты.

Образуйте словосочетания

Один армянин, два армянина, все армяне, несколько армян. Один сосед, два соседа, все соседи, несколько соседей. Один трамвай, два трамвая, все трамваи, несколько трамваев. Один муравей, два муравья, все муравьи, несколько муравьев. Один гражданин, два гражданина, все граждане, несколько граждан. Один медведь, два медведя, все медведи, несколько медведей. Один гараж, два гаража, все гаражи, несколько гаражей. Один поляк, два поляка, все поляки, несколько поляков. Один медвежонок, два медвежонка, все медвежата, несколько медвежат. Один офицер, два офицера, все офицеры, несколько офицеров.

СВЯТ ВЕТРОВ

Донецк

ННЗ Н2О НН4ОН

Я помню себя маленьким ребенком,
ведомым пальцем матери в ладони.
Я помню грузовые КраЗы, и запах
этой вездесущей вони.
Агонию несмазанных машин.
Лязг нержавеющей и ржавых механизмов.
Безводные фонтаны, парки без людей,
в виду чрезвычайных катаклизмов.
Я помню страшных, в шесть колес, гигантов,
перевозивших химию в цистернах.
И караван из вагонеток на канатах.
И известь ярко-снежную на стенах.
Я помню вой сирен и первобытный страх.
Щетину из газоотводов.
Охрану на постах. Зеленоватый дым и прах.
Отходы в воду,
И бурный шум неправильных аккордов.
Аварии из фур и сварочные искры,
на них не получалось не смотреть.
Химический осадок золотистый, психоз у птиц,
их медленную смерть.
Угрюмое молчание рабочих.
Пустые силуэты в респираторах.
Негласную тоску внутри подстанций,
в трансформаторах.
Печаль высоковольтных линий, генераторов.
Я помню этот удушающий из пара след,
гидрата аммиака резкий смрад.
И все это запомнилось в пять лет,
пока я с мамой шел в свой детский сад.

ИЗ КЕТАМИНА

Гитарные переборы
в струнном квартете тела —
это не то, чего ты хотела,
но пока глаза у тебя блестят
от счастья из кетамина,
Я пью за твое здоровье,
но витамины.
В витринах макетных
осталась твоя душа.
Моя же — в газетах,
в пролетах площадок
высохла.
Сидим мы теперь, на крыше,
и натоцак:
Ни скучно, ни весело,
Высоко.

ЛЕГКОЕ ДЫХАНИЕ. СО2

Я буду воздухом, который ты вдыха...
А нет, теперь, пожалуй, просто цэ о два.
Я углекислый выдох впопыхах,
все потому, что на твоих цехах

работает сменивший меня мастер.
Воспоминания. Все, что о нас — стёр
и без меня теперь горит костёр —
другой навстречу руки распростер.

Ты знай: я рядом, я недалеко.
И пусть заметить будет нелегко,
но я в бокале. Виден сквозь стекло.
Я пузырьки шампанского, на зло,

на брудершафт, на «горько» и на бис.
Я канабис, смотри не бей сервис.
Наполеон — ты, я — твой Аустерлиц.
Прощай. Теперь ты — вверх, я — вниз.

Нина ВИНОГРАДОВА

Харьков

* * *

Какое небо! Синее, как кровь!
Мучительно глубокое. Погибель.
Хотя январь и снежен, и суров.
И если это реализм, то — гипер!

Бочонок города избыточен и тих.
И каждый думает, что он не сельдь,
а соль.
Но всё намного проще: каждый — стих,
а если вдуматься, то каждый — боль.

* * *

Посапывая в темную овчину,
угомонился миллионный город.
Кромешных кажанов бесшумное бесчинство
тяжелое, расплавленное олово
полета, прописи, и род черновика
не брезгующей тарой Мнемозине,
застенчивые тени по дворам,
омела (омела?) и гнезд корзины
полны осколками предметного стекла.
Рассматривая темноту,
здесь крестная жила
(икра из синеньких!)
А там болело горло.
Расстрелы на рассвете.
Темный Борман.
Чернеет шоколад.

Больное горло.
И плиточный завод.
Просветы ржавчины —
и кружевная ветхость,
кружење водостоков
Спит восток.

* * *

Шарик Луны сквозь облака —
голая пятка в дырке носка.
Космическое сиротство.
А казалось бы — рытый панбархат ночей!
Волчицы двухжильная виолончель.
Бездонное эхо колодца.

Неправдоподобно? А кто соотнес
високосный февраль и дрожь стрекоз,
когда налетает ветер?
Твердые тени от полной луны
и полдень, когда реют ленивые
мелкие сладкие дети.

* * *

В Москву не езжу,
нагромождаю мифы
фундаментальные, медвежьи, от души
большой, необозримой, с рифами
незрячести и нежной женской лжи.
Шалунья-ложь на паутиных ножках,
как в Красной книге нервных окончаний,
про падежи страдательно-подложные.
Подкожный жир
пара-правительственных зданий.
Здесь замуж невтерпеж. Там — терема терпенья.
Пиши, губерния! Вода на киселе
блажит и точит твердые ступени
Блаженного Емели на Кремле.

* * *

Варят курицу не птицу и не знавшую гнезда.
Выдох Фета в горло флейте на закате резеда
источает синий синий астровский туберкулез.
Звон — разбил стекло разиня.
Ветер вечный сколиоз.
Золотом плюются кроны
огнедышащих каштанов.
Штрыкает сентябрь уколы из магнезии и тайны

* * *

Бывает темное окно,
но лучше, когда светлое.
Хрустальное глазное дно
приветствует, советует,
подсовывает эхолот,
утопленный сестрой козла.
Плывут лета, плывет платок,
поток зеленый, как ислам.
Агой, Азов! А в чем изюм?
А соль уже в моих коленях.
Одно окно — дневной ресурс
необходимой светотени,
и нетто нежных воробьев,
и бронзовых базаров брутто.
Как землеройка — мозг живьем
съедает (жаркое жнивье) —
меня проглатывает утро.

* * *

Давно забыто. Некий Гантенбайн.
Я никого бы так не называла,
в пару и крови бойнь и бань,
учитывая лязг и вой вокзалов.
Возможно повернуть сознания поток
на север, к голове, наддав напора крови.
Раздрызганный роман уже из глаз потек,
смешав течение жалости с любовью.
Белужьи лужи. Лучшие жалейки.
Того еще тысячелетия журналы.
Не все понятно. Много просто так
(как мне тогда казалось), бритты, галлы.
Полынь между страниц

* * *

Усталый сустав души.
Железный состав упрямства,
цистерны, болезни, дрезины
по пустырям, по глуши.
И вам это нравится? Нравится...
На бегу. Влет и захлеб.
рискуя упасть, подавиться,
хлебает дождь и бьет лед
полей царица
(пехота, там, кукуруза?)
а, все равно — красавица.
Тщетно разума обуза
подвергать старается
анализу и свет и цвет.
Буксует внедорожность.
Съест эмоция послед.
Счастье незаконнорожденное.

* * *

Гимны Гагарину.
Гемма огарь.
Над Харьковом гарь заводская.
Окраина.
Каин.
Окалина.
Ангел Гагарина,
Полетай!
Собери, забори,
нанижи на корабль.

Трехнефное тело имперского шкафа:
Бумага, белуга, иго и гага.
Как много было!
ВСЁ, почитай
Гуру Гагарин.
Гирия востока.
Быль или небыль?
Летучая белка.
Улыбка.
Яркий белок восторга
на темном пути,
указанном Стрелкой.

* * *

Голодные птицы, не склюйте доверчивых букв!
Они — ядра атомов.
и вы из них состоите.
Сквозь горлышко птичьё,
сквозь этот пунцовый чубук, —
Бог дышит.
И дух Его запечатлен в алфавите.
Закон начертанья —
единственный ненарушаемый.
Каждая буква — зерно,
на всхожесть проверенное
беззубыми зернами
любезнейшего Державина.
И только буква —
не по зубам зверю.
Учитесь терпению в мире согласных звуков.
Целуйте и пойте,
как беззащитные гласные:
перекатываются, беспокоят
рта угол,
превращаясь то в стон,
то в мякоть клубники красной.
Зеницы очей — и глаз этих
ворон не выклюет.
Буква — семья.
Формулу жизни — вычитай!
Пригоршню букв на кресте, может,
увидит иволга,
Когда из меньшей —
большую дату
вычтут.

Алексей ВОРОНЬКО

Харьков

УШЕДШИЕ ПОЭТЫ

Пьян от поэзии, пьян.
Пока читать будут люди
Радостным хмелем поэт обуян,
Неся свое сердце на блюде.

Тяните строки на аорты,
топчите искристые мысли...
прорвутся, прорвутся сквозь времени гроты
языкознаки жизни.
Вырывайте с мясом вымени имена,
глобализуя, рифмошляпье.
Все равно очистятся семена,
Исподнее обновится словобелье.

И когда из плена стерильных слов,
Рванет дикая сила,
Взвоят филолофеменистка...

Следующий шаг между точкой
и началом — накалом нити души.
Живи или умри, только не ври.

СТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Странный человек лег на снег.
Странный человек — скомкан смех.
Странный человек — волком взгляд.
Странный человек невпопад.
Он недвижим и движим, но не тем.
Он оплакивает смерть белых стен.
Он дырявит прошлогодний билет.
Странный человек — денег нет.
А еще по четвергам счастлив он,
А по пятницам конечно влюблен.
Не говорю про вторник я,
ведь он свинья и не знает
чего ждать от себя.
И модель и кутюрье, он порой
надевает на себя платье-роль.
И выходит на широкий проспект,
чтобы замер в горле чей-то обед.
Вы видали! Не видали, его!?
Тараканов научил пить вино...
Все сожрали кренделя и пошли крушить,
свистя...или просто заглянули в кино.
Так бывает, среди туч-воробьев,
верховодит словно вождь на коне.
Кто-то вскрикнет: Во дает, ё-маё...
Когда скинет он с себя все белье.
И его как березу заламати.
И его как кудряву заламати.
Так бывает, среди белого дня
Не ходите по Вселенной гуляти.

Алина ГЛАДКОВА

Харьков

Не протянуть и не достать руки откровенные,
И ладонью не стать сокровенною.
По следам не пройти бездорожностью —
Так, наощупь идти с осторожностью.
Замолчать и рыдать всхлипом праведным
И простить всех, кто был падалью,
И в клубок сжаться без памяти
И себе впрок поставить памятник,
И крестами закрыть душу грешную,
Никого не любить — стать безутешною.
На траве, на земле росы русские
Пусть рассеют тоску мою бесконечную.

* * *

Кусты малины обжигают пальцы.
Вокруг бескрайние поля.
Как в детстве, облака-страдальцы
Своею чистотой манят меня.
Разорваны кустами руки,
И льётся ручейками кровь.
Наверное, теперь придётся
На помощь звать небесный разговор.
И липкой лентой ночь залечит мои раны,
Мои шершавые слова.
Малиновым кустом распяты плечи
В далёком том, прекрасном том краю,
Где я.

* * *

Дожить до осени, до листопада — мне надо!
На мир, взалёб читать и сочинять стихи,
С отрадою в груди
И по пути идти,
Проложенному тем,
Кто стал единственно великим,
Запретив быть стадом,
И замолил грехи.
Грехи тех, кто стал потомком сильных
И не боится зло уничтожать.
Кто борется со злом, пусть тихо и достойно,
Я молча говорю...
А что ещё сказать.

* * *

Разматывается, изматывается жизнь в клубок
Верёвочкой, не назначенной на зубок.
Длина необъяснимая — во сто дорог.
Не сделать мысль повинную впрок.

* * *

Не понять
Как время бежит пугливо
От меня вспять.
И не согреть ладонь часов ушедших —
Великих, ничтожных, беспомощно прошедших.
Цветком по земле увядаю,
Я знаю
Как не понять, не простить,
Молитву испросить.
И просто жить.
И просто быть,
От зла не замерзая.
Да, я такая!

Марина ГУРТОВАЯ

Харьков

* * *

Ніч карбує поцілунки дня.
В снігах тиха пісня засина.
Грається із тінню кошения.
Стрічка долі в'ється навмання.
Серце тисне у глухій куті.
Від небажаного не втекти.
Запобіжник, головний по суті,
Ще чекає, щоб не наректи.

* * *

Крізь жовті віхті
Прілої трави
Синіють списи
Первоцвіту.
Весна — зелена брама
В літо,
В душі відразу від зими.

* * *

Лист ранковий на столі.
Ніч змістила зону болі,
Коні приспаної волі
Рвуться копитами в бій.
Зачакловані ножі
Витикаються назовні.
Межі сталості умовні —
Підвісні мости.
Йду услід за диким звіром.
Дихати боюсь.
Наступаю на печатки.
Крізь кущі дивлюсь.
Гілка хрусне — лусне серце.
Страх спече тавро.
Десь заховане сідельце
Знайдено було.

* * *

У ранньої весни
Дві птахи за вікном.
Холодними дзьобами
Б'ються в шибку.
Лишається година легкого сну,
Чи, навпаки, сумлінного спочинку.
Прийдешнього незримий
Сизий пар
Уже от-от спресований на дотик.
Старих будинків
Галасливий протяг
І запах їстівний сусідських чар.

Відрізки пам'яті
Зім'яті, недолугі,
Не збирані,
Із вітром і сміттям
Заграючи...
Продажні слуги
Такого чудернацького життя.

У ранньої весни
Два птахи рушникові.
Блискуче мулине
На вишивці мигтить.
То ніби — горлиці,
В них очі — волошкові,
В яких по таємниці ще болить.

* * *

Ні чужого, ні свого,
Ні хватаного, ні матаного,
Ні раннього, ні пізнього —
Нічого сумісного
В поверхневих водах
Старого ставка
із
Пустотливим сіпанням
Нового струмка.

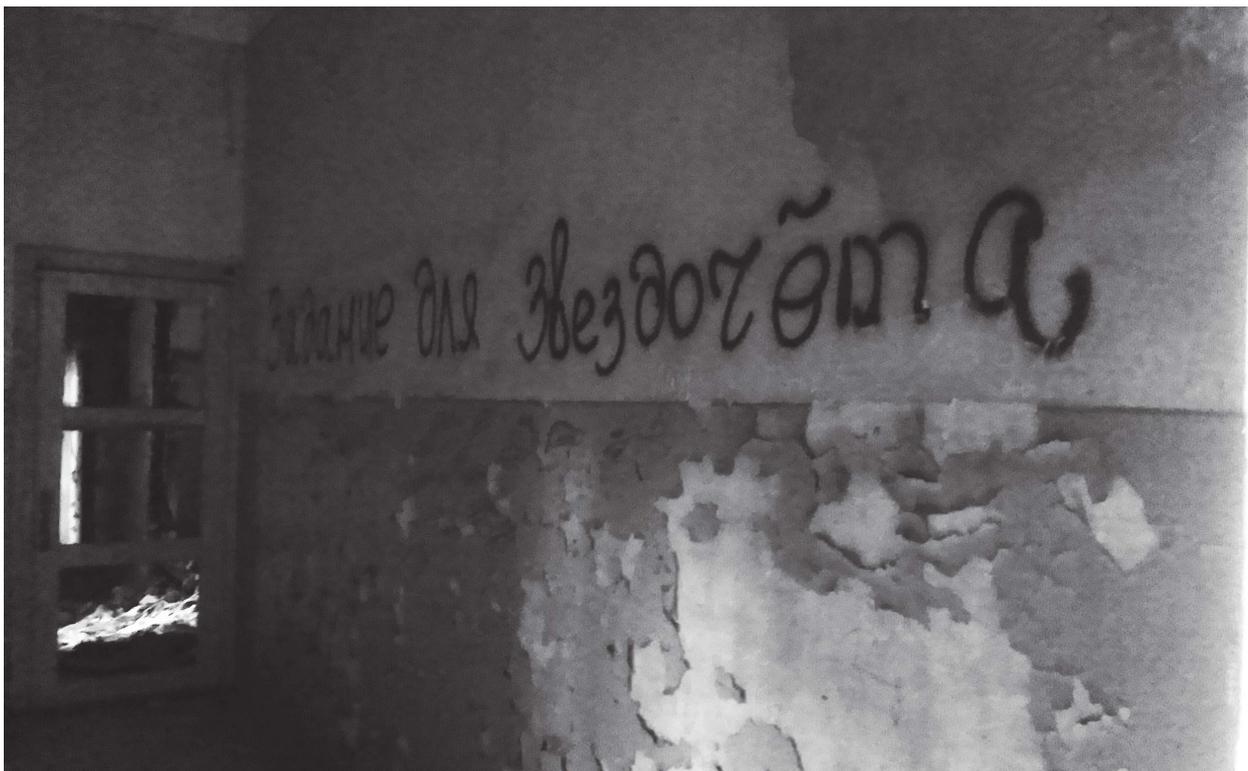
Нічого немає, окрім води
Живої, святої скрізь і усюди,
Усюди і скрізь,
Причина й супротив
Нестриманих сліз.

Незбирані відрізки часу
Вершками пам'яті
Над верхньою губою
Позасихають уві сні...
Як спрага хворого,
Моя потреба жити
Ще сміливіше, ніж здавалось,
Ніж вдалось.
Що не здавалось,
Те вдалось,
А що вдалось, не забувалось...

Ні чужого, ні свого,
Ні хватаного, ні латаного,
Ні раннього, ні пізнього, —
Нічого сумісного
У картатому лататті
Таємничого ставка
Із прихованим завзяттям
Сил підземного струмка.
Нічого не має, окрім води,
Живої, святої — скрізь і усюди
Усюди і скрізь, —
Причина і подив,
Зітхання навпроти, —
Джерела неспланих сліз.

* * *

У русалчиних глибинах
Завмираюча рибина
Перетворена на тло.
А в наземних верховинах
Волелюбная пташина
Обжила душло.
На могутніх деревинах,
Де добро і зло
В розбудованому змісті
Істину знайшло
Серце мудрості і суму,
Спокою і чар.
У глибокому корінні
Спить небесний дар.

Владимир ГУТКОВСКИЙ

Киев

Живёт и работает в Киеве.
По образованию математик.
Поэт, прозаик, критик (не критикан).
Член Национального союза писателей Украины (НСПУ).

Автор книг стихов и прозы «В то же время», «Не сезон», «Перебор», «Сюрлиризм», «Фонограф», «Свод».
Публиковался в журналах «Радуга», «Самватас», «Соты», «Живой Журнал», «Вітчизна» (Киев); «Журналист» «Сетевая поэзия» (Москва); «Крещатик» (Германия); «Черновик», «Атланта» (США) и других; в антологии «Киев. Русская поэзия XX века» (Киев); в других альманахах и сборниках; на ряде интернет-ресурсов.
Лауреат премии Волошинского конкурса 2005 года.
Ответственный секретарь жюри премии НСПУ имени Н. Ушакова.
Член редколлегии интернет-портала «Поэзия и авторская песня Украины» (poezia.org).
Руководитель поэтической студии «Третьи ворота».

* * *

Я сегодня не попал в дождь.
Почему-то не попал в дождь.
Я по-разному старался попасть.
Я его подстерегал за углом.
Я сквозь струи ливня шёл напрямик.
Только он всё ускользал от меня.
И опять я не попал в дождь.

Столько лет не попадаю в стихи.
Много слов есть и больная душа.
Знаю как и понимаю зачем.
Начинаю хорошо. Тон держу.
Даже слёзы вызываю иногда.
Только это... только это — не то.
Столько лет не попадаю в стихи.

Я давно не попадаю в любовь.
В свет и мрак. Полёт, паденье, провал.
И неважно, что умею летать.
И мой сон летит рядом со мной.
Обгоняя, возносясь к небесам.
Возвращаясь, раскрывая глаза.
Я давно не попадаю в любовь.

Я всегда не попадал в жизнь.
А теперь? А что уж теперь.
Жизнь кончается, проходит. Она
не глядит ни в упор, и никак.
Лишь бросает через плечо —
Никогда тебе в меня не попасть!
Я всегда не попадал в жизнь

Вот и снова в дождь не попал.

* * *

Родина моя — Евбаз!
Вот ответ на ваш вопрос,
почему я Жидкоглаз.
Жидконос. Жидковолос.

Говорят, что был Исход.
Кажется, ещё Завет.
Всё давно прошло, и вот
нынче и в помине нет.

Наш Отец настолько дряхл,
что не может ничего.

Время обратилось в прах.
На престол взошёл И.о.

В глубине священных книг
то ли сказка, то ли быль.
Но, когда вникаешь в них,
то глотаешь только пыль.

И от нестерпимых уз,
и от бесконечных дум
помутился и обрюзг
мой не больно крепкий ум.

Как мечтал один Арап —
дескать, «тленья убежит»!
Но судьбою смерть поправ,
Вечен в мире только Жид!

Жизнь несущий на весу.
В душу тесно облачён.
Что скитается вовсю.
Проклят. Этим и прощён.

Ну, а я уйду туда.
В царство призрачных теней.
Понимая, никогда
больше не увижусь с Ней.

В рай довольно узок лаз.
Но, похоже, кончен рейс.
Как ты там, родной Евбаз?
Я уже на месте. Хвейс!

* * *

Вот я и в Раю. Тут даже не тесно.
Кущи. Птички. Фонтаны. Словом, почти как надо.
Только я для себя всё же выпрошу место
у толстой стены, отделяющей Рай от Ада.

Пусть флейты вокруг так упоительно блеют,
призывая забыть все мирские печали.
Но эта стена, хоть немного, да греет
холодными здесь, как и везде, ночами.

Там за нею бушует адское пламя.
Серный огонь выжигает людские страсти.
Чтоб из того, что однажды случилось с нами,
ничего не осталось — ни горя, ни счастья.

Я-то в Раю по ошибке. Вернее — случай.
Но иногда, если совсем уже худо станет,
с твоей душою — не такою везучей —
через стенку перестукиваться пытаюсь.

* * *

Я был на родине любви.

То, что я там увидел,
могу только перечислить.
Описать не смогу.
Не сумею.
Там нужно ходить босиком.
Но суровые служители на входе
всем выдают белые тапочки.
И предусмотрительно
наглухо застегивают души.
Это безжалостно, но милосердно.
Иначе они могут просто
не выдержать и разорваться.
Ещё там заставляют
надевать защитные очки.
Они сильно искажают,
а помогают слабо.
Но спасибо и за это.
За частично работающее зрение.
Это единственное
доступное там чувство.
В остальном
ты глух и безгласен...

Я был на родине любви.

Там очень умелые гиды.
Нашего брата туриста
они повидали всякого и немало.
Никто не хочет возвращаться оттуда.
Но никому не удается остаться.
Некоторые поддаются увещаниям,
внимают голосу разума.
Цепляющихся не слишком деликатно
выпровожают пинками.
Ничего не поделаешь —
время сеанса ограничено...

Я был на родине любви.

Визу туда выдают только один раз.
Не пытайтесь утерять паспорт.
Или подделать документы.
Отпечатки глаз хранятся вечно.
Вас больше туда не пустят...

Я был на родине любви.

У меня была хорошая группа.
Редкая группа крови.
Мы и сейчас иногда встречаемся,
хотя это и против всех правил.
Долго говорим по телефону.
Говорим о другом,
но каждый из нас помнит —
мы вместе были на родине любви.
Но они уходят. Уже уходят.

Скоро я останусь один.
Или их оставлю одних...

Я был на родине любви.

Я смотрю в окно.
Ласточки спустились совсем низко.
Такая понятная примета.
Я становлюсь назойливым и однообразным.
Как дождь.
Но пока он не пошел.
Пока я могу повторять это.
Я говорю снова и снова...

Я был на родине любви.

* * *

Вот, наконец-то, стою — на берегу
и возле чего-то.

Странно, казалось, грудь волнением сдавит.
Но ничего, обошлось, —
а названье любого экзота,
в качестве местности, —
вам предлагаю подставить.

На этот бесстрастный пейзаж
повяжу фантазии бантик,
покуда внутри него под небом холодным стыну,
за спиной ощущая ещё не облупившийся антик,
попирая всем весом своим первичную глину.

При освещении нейтральном
взгляд освоит едва ли
пространство до горизонта.
И что толковать о вере,
то отстраняться, то вновь с трудом
различать детали,
если, помимо всего, ещё и не твёрд в размере.

Выдох короткий — в горле застрявшей костью.
Так возвращается то, что жизнь когда-то скачала.
Ветра порыв вдали, как зверя былинного посвист.
Время — оно бесконечно, но здесь я
ближе к началу.

Всё гуще жижа. Всё тверже поступь прилива.
Возвратно-неотвратима,
как часто свойственно славе.
И может я, как вода, тоже буду счастливым,
если только сумею это себе представить.

* * *

Плыву сквозь дождь. Слепые брызги боли.
Подтёки на космическом камзоле.
Зачёркнутые строчки как года.
Без сожаленья в их впиваясь мякоть,
так толком и не выучившись плакать,
произносить пытаюсь — Никогда!

Пусть хлещет дождь обильно и бесстыдно,
сквозь пелену его так ясно видно —
другие даты, дни календаря.
Всё, что во мне всплывает неизменно
почти с другого края Ойкумены,
рефреном кратким — жизнь прошла не зря.

А дождь как давним астраханским летом,
пронизанным скуластым жарким светом,
румянцем смуглым местных юных дев.
Преодолеть взаимное смущенье
пытались мы, искусством обольщенья
еще не в полной мере овладев.

В сознании исполненного долга
вперед текла и разветвлялась Волга.
Расслабленно скользнувши в самый низ,
тогда ещё не понимая, где мы,
(теперь я точно знаю, что в Эдеме),
по грудь в воде среди лотосов паслись.

И тут он налетел, внезапный, светлый,
весь осененный благодатным ветром.
Казалось, что случаен он. Но вот —
в сознании подробно перемолот
бред бытия, души смертельный холод.
А этот дождь — он до сих пор идёт.

Оксана ЄФІМЕНКО

Харьков

ОДИН ДЕНЬ

коли день захлинається в радості літа
як рудий спанієль перед блідими колінами
важко відрізнити стогін від стогону
сміх від ще більшого сміху
коли ніздрі тягнуть повітря як теплу бавовну
і подих прядеться від легень до легень
я кажу що ти той
із тінню молока на вустах і крові на грудях
я кажу що ти є за мною
що рука твоя пахне сьогодні рясним цвітом
смертельної близьни і ясносяйної блакиті
так пахне чоло моє у тінь заплетене

я кажу за дверима розкинувся холод
в ньому пташка й метелики в ньому
він стіна він стіна за стіною
нічого за стіною загибель від радості дня
він стіна я кажу ти за мною
з тінню крові на грудях
і молока на вустах
так пахне рука твоя
і чоло моє так
пахне стіна і метелик і пташка
я кажу обертаєш мені ніби чути
гул удари тугий барабан
ніби заклик і клич я кажу
обертатися в тінь на грудях твоїх і вустах

ПРЕЛЮДІЯ

З вулиці мене кличуть
лицарі у обладунку з люстер,
дивляться у калюжі самотності
і забрала їх самі себе відбивають,
і калюжі в собі захлинаються.
Вони йшли полями і у пустелях вмирили,
пили молоко безпородних корів,
що смаку не мало, і колір
у нього сірий.
Вони принесли в долонях землю,
обіцяну нам і мені.
З вулиці мене кличуть
лицарі у обладунку з люстер
на конях в дзеркальній зброї,
стоять попід вікон моїх,
лица мого шукаючи.
Вуха їх голодом тиші заповнені,
їх іменами в луні сірих гір -
там де вітер вмирає.
Голодом тиші вуст моїх повні.
Вони принесли в долонях землю,
обіцяну нам і мені.
З вулиці мене кличуть
лицарі у обладунку з люстер,
на конях в дзеркальній зброї,
сонце у ній себе впізнає
і сліпить собі сірі очі.
«Ось, я прийшов, - каже кожен.
- Дивися!»
Зброя у піхвах, земля у руках.
З вулиці хтось мене кличе.

БУКЕТ

Не буде голосу сьогодні поміж вуст

слабший за вітер він
поборений біля ніг твоїх
лежить як здобич
і тягне голосні мов перебиту лапку

Не малюй туманів над морем
якого ніколи не бачила о цій порі
над ним дзеркальні хмари
твій лик повторюють
за світло слабший
і він поборений
у гладінь дивиться й скрапає

Срібло ночей чорніє і світліє
сонце за плечі сяде
і поміж стоп зійде

у роті метеликом б'ється язик
як ти породжуєш свій шепіт

Даремно ти ім'я своє шепочеш квітко
і пара з вуст іде
за стрілку слабше
воно в годиннику поборене сховалось
і чаїться

Букет в руці чорніє і світліє

ТРОЯНДА

Напівсвідомо квітка пелюстку губить
і вітер жене її на захід
там шпиль її зловить
і стане вона знаменом

Не питай мене звідки
цей вітер дме
він поле лиця мого витер
щойно сніг зігнавши
із поля землі біля краю
звідки пам'ять іде
по брижах на погляді
прапор шукає
на цитаделі вітрів
білий як квітка

* (ТОЙ, ЩО МИНАЄ)

Зелена пуста вдивляється
у очі перехожого
повільного як ніби
його стопи землею прийняті
як ніби його пам'яті
немає місця серед тиші упокоєної в небі
й опала вона під ноги і на плечі
важка

І постільга над пусткою
політ счинила на честь твою мій перехожий

О звір кульгавий
терен свій обходиш
терен свій минаєш
як день тебе минає
як час тебе обходить не задівши

Гойдається млосно трава над попелом
і порохом
і місяць тане й сохне в бік
свого первісного народження
з права наліво
як письмена святі тобою читані
і на руках відбиті
З дитинства знаєш як звучить
та порожнеча - вона зелене море

і зараз її гімн лунає ніби мушля

Під гімн довірливих і тих що вірять
минає пустку і стопою хижкою
так бережно траву згинає

О перехожий з зеленню в очах
твій страх минувся
це не твій вже страх
просіяний крізь безліч слів і снів
твій страх вже не залишиться твоїм

Ти знаєш краще

Колись був повен той хто оминає
і ніс на плечах він зелений плащ як зараз пам'ять
того плаща не відшукати у траві
Колись був повен той хто оминає
та кожен раз вертається назад
як місяць до народження свого
туди де руки обіймали
і страх був не прочитаний ніким
як знаєш ти ніхто цього не знає

І постільга завмерла у польоті
із пусткою зеленою в очах
проходить перехожий і минає

СОНЦЕ

Каміння вирощує змії зі своєї тіні,
чорних і юних, чорних і сильних,
доки небо занурене очима в майбутнє
сонцестояння,
у смерть,
велику і ясну.
Змії ідуть на захід
до свого зимовища і до терпкого сну
на запах коріння і каштанів.
«Зміїна матір,
згаси це небо,
укрий нас листям,
щоб діти спали,
і смерть щоб не спіткалася об нас».
Тепер земля глуха до інших голосів,
і небо гасне,
і листя падає на голови дітей,
і смерть проходить повз.

ПІСЛЯ

Так минається пора
із найдовшим іменем, що не промовиться,
з голосом, що не затихне,
з деревом, що не прокинеться
і ніколи не помре.
Північним вітром огинаються
передчасно пробуджені дзвіниці

і кажуть,
що завтра буде велике свято,
чи це голос, який не затихне,
каже, що нічого не зміниться.
Так минається пора,
яка не взяла собі нічого,
крім деревесного сну
із горобцем на кожній повіці,
міцнішого за будь-яку смерть.
Це північний вітер
кришить цеглу дзвіниць на обрії,
чи це курява очі січе
і не минається?

ЖОРЖИНИ НА ПОРУ

Відчуваю себе так, ніби побачила
не свої долоні на склі
між мною і моїми садами,
моїми пернатими жоржинами,
моїм гострим кленовим гіллям.
Так, ніби я єдина цариця
на своєму сліді,
ніби слід мій єдиний
на цілу осінь,
ніби очі мої - єдині,
які здатні на зір.
Суглоби будинків набрякли,
і двері зачиняються щільніше,
світло важчає і падає в траву,
пернаті сонця осені
збирають армію на вірну гибель,
я їх благословляю.

Павел КОВГАН

Харьков

Ковган Павел – в прошлом кадровый офицер. В 80-х годах служил на космодроме Байконур, военный инженер-испытатель. Участник 66-ти космических запусков. После распада СССР продолжил службу в МВД Украины. Прошел путь от участкового инспектора до офицера внутренней безопасности. Полковник милиции в отставке.

* * *

Офицерам службы внутренней безопасности

Кто борется со взятками, с коррупцией,
Идя дорогой трудной и опасной?
Кто должен знать приказы и инструкции,
Оперативным мастерством владеть прекрасно?

Кто день и ночь за «чистоту рядов»
Незримый бой со злом вести готов,
«Вскрывать нарывы», предавая гласности,
Все это – внутренняя безопасность!

И тот, кто выбрал этот сложный путь,
Не может в сторону от истины свернуть,
От беспредела защищая свой народ,
На сделку с совестью своею не пойдет.

Ведь «Честь мундира» для него – не звон пустой,
А смысл работы кропотливой, не простой,
И чтоб престиж милиции поднять,
Не жалко годы лучшие отдать.

Пусть в сердце офицера службы этой
Пылает совести огонь зимой и летом,
Чтоб каждый, перед Богом не краснея,
Сказать мог, не лукавя: «Честь имею!»

* * *

Ветеранам

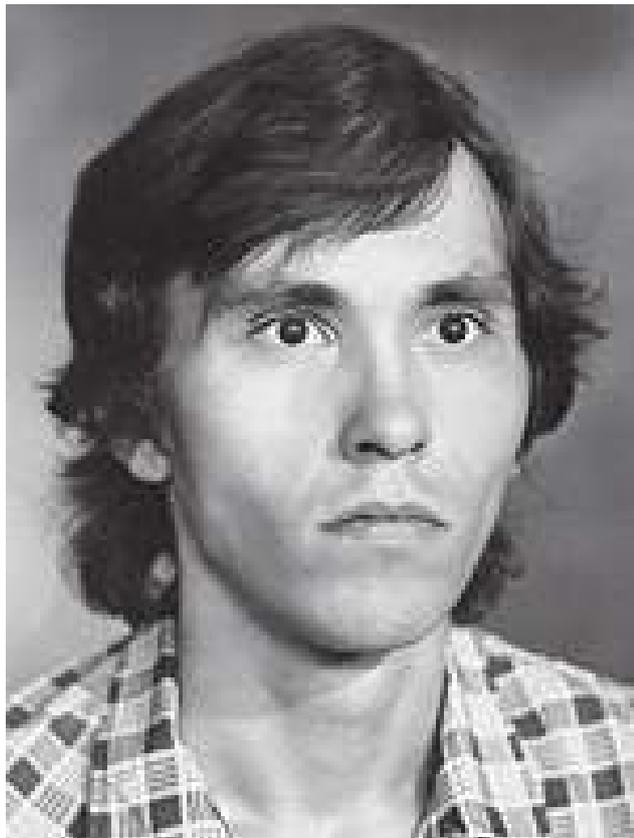
Проплывают года журавлиною стаей,
Растворяясь в дали, – их уже не вернуть,
Только в памяти, будто страницы листая,
Виртуально проходим свой жизненный путь.

И терзают сомненья, не давая покоя,
Что неправильно сделано Это и То,
Вот пройти бы тогда мне другую тропю,
Изменить комбинацию чисел в лото ...

Но не стоит, друзья, задевать за живое,
По натянутым нервам аккордом звенеть.
Что судьбою дано – не пройдешь стороною,
Свою песню с достоинством надо допеть!

Влад КОЛЧИГИН

Изюм

Родился в 1966 в городе Изюм Харьковской области. В 1984—93 учился на филологическом факультете Харьковского государственного университета, затем в Московском Литературном институте. Под псевдонимом Владимир Авесов выпустил самиздатовский сборник «Верность. Стихи 1987—1992 гг.» (1996), под псевдонимом Игнатий Кощев — самиздатовский сборник «Палинодии» (1996). Публиковался в московском журнале «Кольцо “А”» (1997), альманахе «Окрестности» (1997), сборнике «Паноптикум: Опыт поэтической антологии» (Харьков, 1999). Постоянный автор журнала «Алконость» (Москва).

*Два года назад, имея подходящий досуг,
я предался своему любимому занятию —
пьянству. За ночь я выпивал от полулитра
до литра водки, и просыпался если и не всегда
совсем трезвым, то всё равно без желания
усугубить.*

*Так получилось, что я стал совмещать
пьянство с другим своим любимым занятием
— стихосложением. Поначалу я записывал
отдельные строчки, не предавая им особенного
значения. Но постепенно заметил, что удаются
своеобразные стихи. Мне случалось
и раньше писать пьяные стихи, обычно я мог их
расшифровать и иногда даже оставался ими
доволен. Но, в общем, это было исключением.
Сейчас же я заметил нечто особенное. Пьяное
автоматическое письмо. Если право на
существование имеют стихи в альбом или на
случай, то почему бы не быть пьяным стихам.
Пусть это будет мой отдельный жанр —
пьяные доскональности или досканальства.
Период закончился, стихи остались.
Кажется, они имеют не только внешнее,
но и внутреннее единство.
Возможно, в будущем я опубликую все свои
тогдашние опыты.*

*А пока отбираю наиболее законченные тексты,
и называю цикл*

ПЬЯНЫЕ ДОСКОНАЛЬНОСТИ

3 июля

* * *

Нелепая мышь пролетела над самой душой
Георгий иванов качнулся в насиженном кресле
В руках детектив недочитанный заупокой
Убийцы протухли а честные трупы воскресли

И он улыбнулся и вырвал с десяток листов
Пошёл в туалет по ковру по роскошному саду
Не розы а самый щиповник в цвету и готов
На тысячи лет быть убежищем спящему гаду

Пока не разбудит его подставной поцелуй
Пока не приснится ему что его целовали
Георгий иванов забыл про текущий июль
И разные звери из флоры ему как в начале

Пока он сидел на качающемся стульчаке
И думал о завтра батая камю или сартра
Рождались слова в неизвестной банальной строке
Ирина одоевцева непришла из театра

Зато утконосы вокруг муравьеды вокруг
Как будто вернулась росия на прежние круги

Немыслимый звук смятый лист
акмеистский испуг
Другой детектив открывают дрожащие руки

Пока забывается память на век в серебре
На крайнюю плоть и на следующую нирвану
Ужо разберётся в уликах дотошный мегрэ
Какая изольда отрезала яйца тарзану

Георгий иванов подтёрся зевнул и ещё
Обратно прошёлся по вялоцветущему саду
Потом оглянулся за левое сплюнул плечо
Вздрыгнул на пороге и груди подставил распаду

И даже не свечи светились ему сто ватто
А может и двести грааль распродажа и скупка
Вельблуд муравьед утконос вот и лошадь в пальто
Звонил телефон и звонил вот и треснула трубка

Явился
немедленно выпили белый и блок
Сошёлся пасьянс ходасевича и сологуба
Дрочил гумилёв мандельштаму на то и пророк
Пахнуло осенней цветаевой ждали оцупа

СИЛЕВЕ НАЦАРАТА

Пока я не сдохну я буду вонять на луну
Смотреть в порнофильмы и пользоваться
зрелую водку

Потом заберут в каталажку или на войну
Потом превратят в пагинацию селёдку

Какойнибудь автор напишет со мной винегрет
Я даже повешусь в провиденциальном музее
Допустим в мьинджане а ты приезжаешь в пхукет
Такая сякая и крестик давида на шее

И ты незаглянешь ко мне в захудалый мьинджан
Напротив отъедешь куда-нибудь
в пномтбенгмантьеи
Тогда я сорвусь и помчусь за тобой между стран
И ты им оплатишь предвыеденные потери

Допустим натурой а что у тебя ещё есть
Была и осталась дешёвой служивой сексоткой
Где родина там и чужбина где честь там и шесть
Шестёрке нальют и закусишь вонючей селёдкой

Я пресуществлюсь в твоём теле а ты невзначай
Нагадишь меня посреди своего сраектума
Невырастёт тополь на то здесь и индокитай
Прощай севастополь моя бескозырная дума

Ты будешь в тхатхоме потом в сайнябули п.здеть
О том как бывало оно в костроме оклахоме

Рождаются дети а после их некуда деть
При скромном жидовском погроме
в родимой ризоме

И в тугегерао ты вывалишь гнусный язык
Виной несомненно твоя никудышняя печень
Что пуля она глуповата а мужеский штык
Так молодеват что готова
представить и перечень

Но в танахгроготе тебя развезёт не к добру
Опять распрощаешься с милой душой
дребеденью

А тело твоё полетит и утихнет к утру
Под сенью моей потому что я буду сиренью

27 июня

Из высасонного пальца
Просыпалась пыльца
И выеденного яйца
Нестоят пути скитальца

Ростов могилёв чернигов
Нетронутый асунсьон
Маршрут бестолков интрига в
Том что не выйти вон

До самого вавилондона
От самого рождества
Дорога бесповоротна
И всё таки ворова

Такая что шапка вспыхнет
А волосы устоят
И голова в сто ватт
Ещё доведёт хоть в бахмут

Короче давай поближе
Не всё ли равно где гнить
Нырять в славянской жиге
В полтававилоне всплыть

И по воровитой ворскле
Добраться до теберды
Дабы замести следы
Не то чтоб в раю а возле

Не в раю а на районе
Дело в шляпе и короне
в корне
в чёрне

29 июня

В географии хорошо
Если вовремя похмелиться
Как учил виноградный джо
Каждый город почти столица

Стой

Неудача так неудача
 Нет ни карт ни любви ни калып
 Был как небыл закончил скарб
 Остаётся тебе собачья

Чушь

Если ж карта ещё жива
 Вот тебе например мерефа
 Червоточина пика трефа
 Черви знают свои права

Козырь

Если ж любит ещё любовь
 Там венера или астарта
 Всё равно у тебя есть карта
 Так каких ещё там х.ёв

В банку

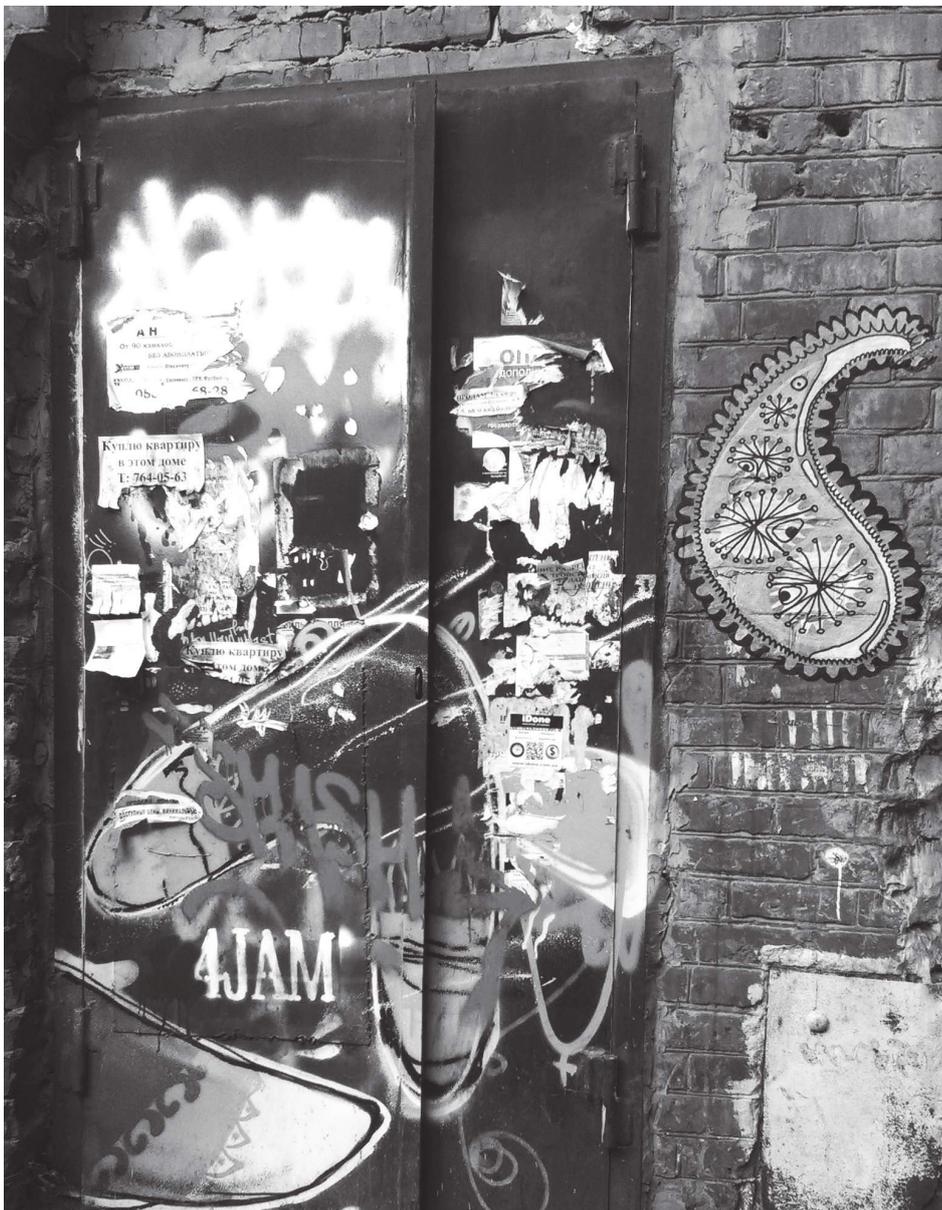
Ну а если хватает калыпы
 Для последнего маршброска
 Выбирай себе с потолка
 Путь до самой тегусигальпы

Так

Как волнует нас гондурас
 Ибо чешется как проклятый
 Венеролог не виноватый
 Но не в масть подбирает мазь

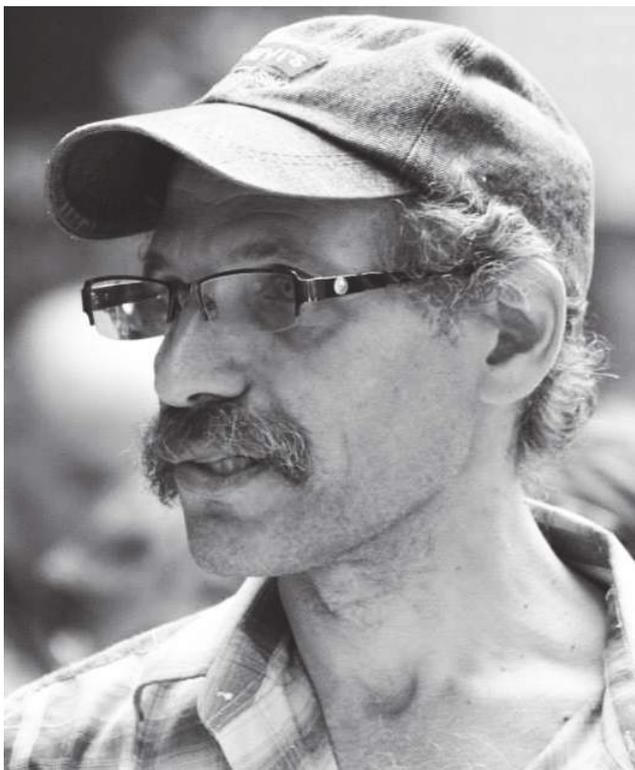
Маслом

Не испортит каши профан
 Сильнодействующей гречи
 И моча настойчивей речи
 Только всё таки не фонтан

Михаил КРАСИКОВ

Харьков

* * *

Салями гуляют аллеями,
здесь панует подвыпивший Пан,
и больного листочками клейкими
хочет к жизни приклеить профан —
майский ветер, наивный мальчонка,
только солнца и радуги друг,
и Харон в карусельной лодчонке
вхолостую свой делает круг.

* * *

...И каждую просил:
— Роди мне человека!

* * *

*Букет, освещающий небо.
Картина Марка Шагала*

* * *

*Лиде Стародубцевой,
памяти наших мамочек*

Память не мирится с тем, что ты — П а м я т ь,
парные пазлы лепя безрассудно...
Горе — как море. На сердце — заметь.
Утро утраты — утлое судно.

* * *

Уходя, зажгите свет,
ну, пожалуйста, зажгите!
Ненавязчивый привет
передайте, подождите:
чьей-нибудь души росток
к вам потянется, поверьте...
С устьем встретится исток
за мгновение до смерти.

Букет, освещающий небо,
не купишь возле метро...
Цветы золотистее хлеба
художник рисует нутром.

Оттуда ль набрали вы света,
ромашка, цикорий, левкой,
в кувшине, как в форме сонета,
несясь в небосвод голубой?

* * *

Умершему другу

Ключ от моего дома
тебе уже не нужен,
но сохрани, прошу,
ключ от моего сердца.

Филипп ЛЕБЕДЕВ

Харьков — Евпатория

* * *

Острый ритм, пронзающий воздух
доносится из бездны...
Выравнивая время.
Стрелки часов бегут за шагом шаг
...в такт.
Вокруг пустота... тотальная.
Там-там — предвестник ритма...
Шипит кипящая джезва...
Джембе ударам параллельно...
Партия Богов бонго учащает
...ударный марш.
Всё есть ритм. Все есть ритм.
Бой дхола — дхарма дыханья...
Звуки литавра летают, отражаясь
...от рыжих стен.
Кульминация —
— рай рабам барабана!

* * *

Утро. Как вуайер, приоткрыв
...сонную вуаль. Наблюдаю
За обнажённым миром. Вновь.
Звон колокола
...колет в сердечную мышцу.
Утренняя сутра — диалог с самим собою.

Вокруг звучит музыка — неземная...
Я сам — музыка...
Натянутая струна сантура...
Я — музыка Сатурновых колец.

* * *

Снасть сна — соната ассонансов
Ты мне приснилась в очертанье
...гласных звуков
То ли Твой лик, то ли толика света
Витала в сознание,
Отошедшем от грёз...
Твои шипы ошибок моих
Лишили возможности быть.
Из уст усталых — серенады,
Сирени букет, в руке, —
— для Тебя...

* * *

Как опалый парус, парящий
на молчаливой мачте. Стою.
Пред прозрачной стеною...
Сквозь кою не виден
дальнейший путь...
Энной энсо сравнимо с
амбразурой. Образумив
...вечность, двигаюсь
далее...
Першащим пешим шагом
Преодолеваю тракт к атараксии.
Медленно.
Просачиваясь сквозь трещины-вехи
ветхих бойниц...
Ищу покой.
Ниц.

* * *

Опять апатия. В миг мигренью
...вылилась.
Скрежет кремния о горло...
Покоряя горы прогорклого дня,
чувствую... Как солнечный барк
во мрак
...уплывает.
Унылый хаос чисел повсюду...
Бесконечность озаряет зара.
Азалий пряную прядь хочу
учуять...

Вспаханный запах цветов
сравним с любовью...
Хочу любить.
Назло искомым сколам
сердечным.
Жечь прошлое необходимо.
Будто
...осуществляя
...люстрации любви.

* * *

В свете пламенных огней
Гнезятся
...гнедые индейцы.
В блеске искр фонарных, на петлях
...альтепетль висит.
В тени ночной Теночтитлан —
...благолепье для глаз.
Под звуки песен пейотных, гниёт
...забытое времем нечто.
Во тле земельных руин,
атипичные типы
...низвергаются глубже.
Вечные раны гранённые
...гротескным сном
Неизлечимы.

* * *

Погружаясь в сети
сентиментальной ночи,
Как кассетная бомба... Жду
своего часа.
Мне
кивает кильватер стихийный,
В котором растворилась соль земли,
Как снюс. Ню позируя
...пред ретроспективой будущего,
Дню сегодняшнему дань отдавая,
Пускаюсь в аллюр,
Люминесцентным огнём
пролагая
...путь.
Взмах обманутого крыльев —
...лесть. Есть лестницей Иакова
Которая возносит на грань с
невесомостью...

* * *

Под небом синим
Абиссиния...
Обессилена агрессиями.
Но глубока...

Покатым склоном входящая
...в океан.
Вопит. Стонущим гласом
...с трёх октав,
Айталом высушенный
симбиоз народов.
Кой вопреки аборигенным
...чувствам, рвётся...
Язык амхара, мхом покрытый
...как леска плещется
...в наречиях.
Трость мудрости,
О, даль Великая, зови,
Софиты звёзд...
Зовёт...
Эфиоп-неофит, ведомый Люси.
Абиссиния!!!

* * *

Ветер дуэтом дует
С твоей в унисон, унесённый
солнцем и
Холодным воздухом
Горе-ореол светит прохладой:
Зимним синтезом весны,
Словно снующий сноб,
Во сне заснеженном
Через пенсне
...пытается заставить себя
проснуться...
И одновременно растаять.

Таинства зимы —
за грош — прошлому...

* * *

Апорий, априори лживых,
Сюжет узнаю:
На юг юг направлен,
На nano-столе столетнем,
Скатертью застеленном,
Стелет тлеет,
Сателлит Господа
В моём лице —
— меценат безумия,
Кой делит дилеммы
...на-да-и-нет...

Мила МАШНОВА

Харьков

* * *

Я рассыпалась, как зола.
Догорела, как лист в огне.
Как черёмуха, отцвела.
Смерть и та умерла во мне.

Всё сложнее писать стихи,
Хоть и слов будто больше втретью,
Тот же почерк той же руки
Намекает: пора умнеть.

Тесен стал добровольный плен,
Уж не верю чужим глазам,
Я подняться хочу с колен,
Подчиняюсь лишь небесам.

Жизнью стёрта я, как постель,
Повидавшая тел и лет, —
Не собьёт меня с ног шрапнель:
Не убить того, кого нет.

Не пытайся меня собрать
Воедино. Напрасен труд.
Я одно не могу понять:

✂ Как другие вот так живут?

МАЙ ПРОЩАЕТСЯ СО МНОЮ

Ночь во все колотит двери,
Смотрит в каждое окно,
И в квартирном интерьере
Тени пляшут, как в кино.

Май прощается со мною
Не по-майски горячо,
Он меня уступит зною
Поцелуями в плечо.

Что рассветы и закаты?
Что мне смятая постель,
Если цвета дикой мяты
Очи плачут семь недель?

Не любовь тому причина,
Не обида и не злость,
Счастья лопнула пружина
И неожиданное стряслось...

* * *

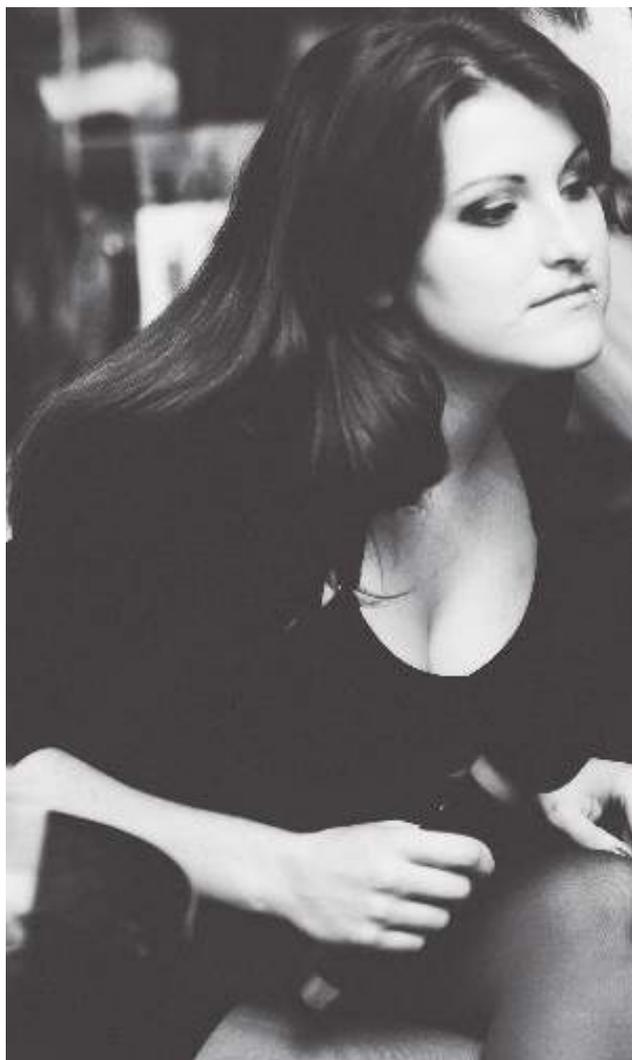
А помнишь арки, подворотни
И эти тихие дворы?..
Мы смаковали вкус игры,
Как работяги — день субботний.

Мы целовались на ходу,
И расцепить не смели руки,
Любовь царила в каждом звуке,
Хотя несли мы ерунду!

Но стук сердца твоего
Не позабыть мне в миг объятий,
Когда в весеннем синем платье,
Застыв, я слушала его...

Аня ПАНЕВСКАЯ

Донецк

КОМНАТА

в стенах, среди вещей и пыли,
разложенной на полу,
на той кровати, где мы вместе были
я уже не живу.

лица, что с гримом висят без рамы
поежелились на ветру.
на стенах надоевшие спамы
теперь никак не сотру.

в раме оконной печать чёрно-белая
картин тех же погод.
принтер сломался или я неумелая
не сдержала невзгод.

комната дышит несчастьем и волей
вдыхая уличный смрад.
я ухожу, и жук с антресолей
будет этому рад.

не будет больше кофе горелого
стекавшего по рукам.
не будет тебя смешного и смелого
разделившего жизнь пополам.

БЕЗЪ ФОНА

Я — формула,
без фона оформлена
в фиктивные факты,
т.е. безформенна.

(ни формы, ни веса)

Весёлая невеста
с весомой подвеской
висящая леской
на проспекте Невском.

(ни тряпья, ни пореза)

А проходящие придурки
на перекрестке
преуспевающе продуцируют
приговоры
хлесткие,
не припоминая похожего происшествия
на протяжении безуспешного шествия
они опешили.

ну да,
сидят такие
винцо попивая,
блядские баллады распевая
с мостовой края

А тут я такая:
вешу
шатаюсь
и шуршу
вверху весящим платьем,
распятым
смотрящая вниз.
Зацепилась за карниз,
обезумев от своего счастья
безфонового участия.

АЛ ПАНТЕЛЯТ

Харьков

КАПИТАНЫ ВЫСОХШИХ ОЗЕР

Капитаны высохших озер
смотрят в близкую к ним даль
смотрят туда куда они приказали
себе смотреть

Они чертят на карте пустыни
маршруты своих кораблекрушений

С первого дня их плавания
их корабли затапливает воском

С первого дня их плавания
их корабли уходят на дно

Капитаны высохших озер
ловят голыми руками
мертвых мифических рыб
и затем отпускают их обратно

и скелеты рыб
лежат на песочных картах
продолжают лежать на песочных картах
пока какой-нибудь последний капитан
не скажет им «прощай»

Корабли один за другим уходят на дно
✂ места их кораблекрушений

четко обозначены на картах
Капитаны высохших озер
знают где им приказано тонуть

Капитаны высохших озер
всегда выполняют свои приказы

И флаги кораблей
замирают на безветрии
Флаги кораблей
сливаются с небом
сливаются с солнцем
сливаются с самими кораблями
И никто не замечает флагов кораблей
кроме их капитанов
которые смотрят как даль становится все
дальше
а бездна все ближе

И бездна становится все ближе
И им кажется что есть кто-то
кто всматривается в них
сквозь окно горизонта
Этот кто-то знает где
капитаны высохших озер
приказали себе тонуть

И они тонут
И опускаются на дно глаза
И глаз закрывается

ОКОНЧЕННОЕ

мы герои упавших звезд
капитаны семи морей
необъятных от наших слез
неспособные плыть быстрой

чем могли бы идти ко дну
за собой не оставив след
мы забыли свою вину
мы забыли что нас больше нет

наши руки полны стекла
что когда-то смотрело на нас
мы бросаем его волнам
выполняя безмолвный приказ

тех кто нас повлек за собой
кто за нас потушил маяки
что горели у нас за спиной
и теперь мы от них далеки

как далек от окна пейзаж
или время что от нас далеко
превращает пространство в мираж
что под нами мерцает потом

будто рыбы еще не спят
и способны нас разглядеть
будто все еще длится закат
не давая глазам замереть

ОТЖИВШЕЕ

я знаю
никто не придет
ни ко мне
ни к тебе

все шаги пройдены
и каждый глаз
нашел своего двойника

так же как и мы
оставшиеся
лежать под одним потолком

я знаю
мы прожиты
во мне
и в тебе

все что к сердцам взывало
осталось в сердце
и вымысел сна
превратился в легенду

тот кто проснулся
в наших глазах
придет вслед за нами

в нас отражаться
спать
у подножия
наших сердец

МАРИАННЕ Н.

Города твои Марианна
погружаются в ночь
их улицы давно забыли
насколько они счастливы
и твои голоса Марианна
раздаются колокольным звоном
и будят бездомных птиц
и растворяются в последующих секундах
за твоей спиной

Города твои Марианна
забывают твои имена
и твое прошедшее время
называется осенью
и окна твои Марианна
плотно закрыты
и ветер находит только себя

Города твои Марианна
ждут тебя по ту сторону ночи
но ты не спешишь
придумывать для них названия
и открывать глаза
на твоих лицах Марианна
отпечатался один и тот же пейзаж
и улицы городов твоих
не выходят за его пределы.

ЗАМИРАНИЕ

и на самом деле я дальше

поворотом ключа
меняешь
один дверной замок
на другой

из
далека

глаз поглощает
вселенную
за вселенной

глаз мой
поглощает
твой глаз

корни держат тебя
в далеке
не подпускают
к стенам лабиринта

за твоей спиной
солнце
воспроизводит тебя

пока утихают голоса
между нами

пока замирают
слова между нами

то что ты называешь
как тебе захочется
держит тебя в далеке

но я еще дальше

ВЫЖИДАНИЕ

зря читаешь на стеклах
песни не спетые

вычеркнуто имя твоё
из дневников
прошедшего времени

мимо проносится город
на глазах твоих
сооружаются
ночи и дни

в твоём теле

кровь не даёт тебе спать

и ты можешь назвать своим именем
только звезду упавшую

найди в себе силы
не встречаться с ней взглядом

закрытый на все двери
выжидаешь
когда к тебе постучат
и ты не откликнешься

МЕЖЛИРИЧЕСКОЕ

продолжай ускорять моё сердцебиение
кому то из нас это нужно

когда имена твои пылятся в библиотеках
продолжай расцветать своим лихорадочным
цветом
у меня под веками

проявлять мою память

в промежутках между моим дыханием
стучит твоё сердце

пробивая брешь между мной
и тобой

и то чем можешь стать ты
изживает то чем мог бы стать я

изживает слова непроизнесенные
между мной и тобой
расстояние
изживает

в твоё прошлое врежется мой взгляд
продолжай на него оглядываться

ФИАЛКИ

Фиалковое поле
под твоим окном

океан
надежно хранящий
на неведомой глубине
твою нежность

*проснись скорее, мы там
мы пали к твоим ногам*

поют тебе фиалки сквозь сон

ты улыбаешься
и переворачиваешься
спать на другой бок

*проснись, отойди от сна
проснись, наступает весна*

поют фиалки все громче
в твой сон далекий проникая

на мгновение
ты пробуждаешься

твое окно закрыто

*проснись, отвори окно
мы ждем тебя так давно*

колышется пенем на ветру
фиалковое поле

но лежишь ты и привычно ожидаешь
когда придет достойный
твоего пробуждения
и окно для тебя откроет

*спи и не слушай нас
еще не пробил наш час*

ОСВОЕНИЕ

мы родились
когда никому еще
не было
больно

когда
не по кому
было гореть свечам

и на дно морей
опускались сундуки
заполненные

ненужными
запасными словами

мы проснулись
и те кто в нас верил
дали нам имена

у нас не было права
становится взрослыми
у нас не было права
быть забытыми

вечность устремилась
вслед за нами

мы выстроили себе дома
и зажгли в них окна
создавая в них
подобие нас

поколение за поколением
делая их все старше и старше
и участь с ними жить

и когда наши окна перегорели
мы назвали себя виноватыми
перед нашими законными сожителями
за боязнь умереть
в объятиях друг друга

нас могли предать наши потомки
но мы предали себя раньше
не оставив им ни единого шанса

когда мы узнали что такое боль
нам уже не было больно
и свечи горели не по нам

а слова все опускались на дно морей
в ожидании своих первооткрывателей

Геллада САМОЙЛЕНКО

Донецк

ОКАЗАЛИСЬ

Покидая семью, я забыл свои крылья.
 Помассируй, пожалуйста, плечи.
 У тебя хорошо получается
 успокаивать и согреть, у меня –
 обижать и калечить.
 Горевала, красавица?
 Сigaretетами сердце не лечат.

Я принес тебе веник полыни. Жаль, не те цветы,
 что ты любишь.
 Научи меня быть таким сильным,
 чтоб не бить по родным людям.

Я хотел видеть спутницу жизни,
 желанную женщину, мать.
 К черту все, что мешает извне.
 Вместе падать, вместе летать.

Накорми меня чем угодно, одолжи теплые вещи.
 Одиночество вышло из моды,
 а слова оказались вещими.

После всех сказанных слов
 Оказалась любовь
 Вечной.

ИСМЕНА

Твоя улица в серых жилищных массивах
 Содрогается маршами. Снилось война.
 Я хочу, чтоб она никого не убила.
 Ради бога, родная, останься жива.

Хватит жечь души словом.
 Я хочу, чтобы ты была доброй,
 красноволосой, звонкоголосой,
 как влюбленная Ариэль.

Сердца стало так много,
 что оно не вмещается в ребрах,
 бьется так, будто нет ему сносу.
 Если хочешь — проверь.

Я хочу, чтобы ты играла на сцене
 большого театра, будто нетленная
 Мельпомена.

Я хочу твое имя вписать nota bene,
 вколоть пятикубовником внутривенно,
 развеять парфюмом по берегам Сены

Имя Благое Той,
 что настрадалась
 похлеще Исмены.

Уволить ее конвой,
 омыть ее ноги соком сандала,
 а руки — морской пеной.

Мне солгали, что ты – персонаж некролога,
 ты себя добровольно прилюдно сожгла,
 но во мне тебя так же, по-прежнему много,
 ради бога, родная, останься жива.

МОИ БАРДЫ И МОИ ПРОСТИТУТКИ

Мои проститутки уехали,
 и машут назад голубыми платочками,
 будто я смертница на амбразуре,
 с пустым магазином атифашист-пулеметчик.

Мне было немного жутко, затем — нормально.
 Если честно —
 пришлось переписать нормы морали.

Мои барды сменили максимы и голоса,
 ныне поют, в общем-то, *comme ci, comme ça*,
 я их ругаю, наверное, за глаза,
 но глаза до того красивы, что не рассказать.

Я уже, собственно, замужем, и все дела.
Все сбережения, кажется, пропила.
В спину внезапно тыкается молва,
глухонемая, оперившаяся едва.

Я, наконец, научилась любить мужчин,
выпекся комом до этого не один блин.
Больше не нужно прикрытие сильных спин,

мне даже есть что предложить им.

ЖЕНЩИНА-НАПОЛЕОН. ЗАКЛИНАНИЕ ДЛЯ ГОРДЕЦА

Вейся дым и гори свеча.

Пусть Гордец не сжигает мосты сгоряча.
Фатум благоволит молодым и диаде сердец
нипочем тесак палача.

Женщина-Наполеон
приспускает бретельку с плеча.
В этот миг со мной говорит тот,
кто поклялся молчать.

Тот же час непокорный Гордец
возвращается к Раненой Львице.
Неудавшийся менестрель,
никудышный принц, сонный рыцарь.
Возвращайся домой, перелетная блудная птица.
Женщина-Наполеон
застывает между Ватерлоо и Аустерлицем,

А Летописец их судеб на кухне раскурит письма,
Вместо свечи загорится закатом
его шевелюра лисья,
И покуда скрипит по скрижали тисовый стилос,
Возвращается в быль сказка старая,
что не забылась.

Вейся дым над разлитым миндальным маслом,
Загорайся огнем то, что почти догорело,
но не погасло.

Возвращается к Авторам
их полумертвая сказка, —
И ладони Двоих заплетаются крестообразно.

Мироточит весной. Треснул соком
постылый остов,
Иссушенные деревья рождают живые побеги, —
И Гордец взялся строить
взамен всех сожженных мостов,
Орошать иссушенные злобой замерзшие реки.

Пока Женщина-Львица
погружается в морок и сон,
Гордецу ни покоя, ни сна, и глаза застят.
На исходе он встретит цветами ту,
которая Наполеон,
И, лишенный последних сил,
промолчит ей свое «Прости».

КРАСОТА

Красота, ты же ложный маяк; легче ли с тонной
густых волос и глазами на пол-лица? Говорят,
за улыбку сердобольной олигарх подарил не один
Кадиллак.

Предпоследний уровень пройден, остался «босс»,
а игра уже надоела, к сожалению, не слегонца;
я сменила бы джойстик на
скифский акинак
или
жизнеописание побед и провалов
среднестатистического стервеца, шитого лыком,
зачатого в корпоративный аншлаг
(вылупился облезлый ворон —
не получился Икар).

У меня нет рюкзака — все пожитки вмещаются в
перикард.

Говорили, такие руки даются лишь вейлам
и чаровницам. Я хотела бы единоразово
veni, vidi и vici, не кочевать по недостроенным
семьям и не пускаться в гормональный рейд
каждый март.

Красота никого не спасет, не отметит ни
благодатью, ни клеймом; иногда она продается,
но на все есть известный срок. Если бы я была
клавикурд, то стояла бы в спальне у Моцарта,
и к нам приходила герцогиня Йоркская
якобы на урок...

Человечество пожирает искры подлинности
с жадностью острозубастой пасти. Я сама решу,
какая из остановок — конечная, я недособрала
коллекцию пустозвонных «прости», я хочу
оказаться в стороне от непрерывного копипаста.

И вообще я тибетский як, у меня длинные рога
и косматая бурая шерсть. Между прочим, яки
гибнут от переизбытка людей и не выносят ими
обжитых мест...

Ольга ТАРАСОВА

Лозовая, Харьковская область

ГЛАДИАТОРСКИЙ БОЙ

Кипят трибуны страстью колдовской.
Народ желает видеть море крови.
Выходят гладиаторы на бой,
Косят на зрителей, свирепо сдвинув брови.

Они — рабы. Не жалко их ничуть.
Лишь публика вольна распоряжаться,
Кому оставить жизнь, кого отправить в путь,
С которого ещё никто не возвращался.

Жестоких зрелищ требует толпа.
Следят за боем все заворожённо.
И вот один из гладиаторов упал,
Мечом соперника безжалостно сражённый.

Ликует публика — презренный раб убит!
Обильно кровью полита арена.
Душа раба в небытие летит,
Ну, а ему уже давно готова смена.

О, люди, как жестоки вы порой
К тому, кого выводят на арену.
егодня он для вас почти герой,
А завтра — жалкий раб, достойный тлена.

* * *

Я перестала давно звучать «стерео».
Жизнь превращается в моноспектакли.
Существовать одиноким деревом —
Это дурацкая участь. Не так ли?

Мелким предательством город помечен,
В серые камни сумрак впечатан.
Жизнь напрягает экзаменом вечным,
Учит общаться контактами в чате.

Снова к компьютеру с чашечкой кофе,
И — затеряться в сетях Интернета.
Путь проторён к современной Голгофе,
Но ни ответа тебе, ни привета.

СЮРРЕАЛИЗМ

Как-то сразу, с порога, не задалась жизнь.
А признаться в этом не так-то легко.
Бутерброды уже не падают маслом вниз,
И трамваи уже не спешат в депо.

Посторонний разум всё глубже
проникает в наш быт,
Чертит замысловатые круги на уэльских полях.
Как восковый Будда, всеми покинут, забыт,
Расплавился жёлтый месяц
на раскалённых углях.

Как-то вдруг, незначай,
разрушились вековые ценности,
А бессмыслица чувств обретаёт
неведомый ранее смысл.
Холодные клочья теней превратились
в тёплые и целостные,
И укрыли лесистый холм, вдруг ставший
серым и лысым.

Что это? Конец чётким правилам
в «Табели о рангах»?
Воспалённого разума буйный каприз?
Но шепчут мне с облаков удивлённые ангелы:
«Разве не знаешь?
Вся наша жизнь — это сюрреализм...»

* * *

Я — безбашенная ветреная весталка,
У тебя же вся жизнь по писаным правилам.
Прислушиваешься к гороскопам и гадалкам,
Ну, а я свою судьбу сама исправила.

Говоришь, мы разные,
и дороги наши не сходятся.
Мне смешно наблюдать
за твоей нерешительностью.
На зимнее время стрелки часов
опять переводятся,
Загружая короткие дни
излишней бдительностью.

Что толку ждать, когда упадёт на нас
манна небесная?
Пора ухватить быка за рога рукою несмелою.
Эта жизнь — МОЯ, даже если она
впереди неизвестная.
Значит, правильным будет всё, что я сделаю!

Не приемлю больше ничьих условий.
Не хвались передо мной своими козырями.
Знаю, сегодня ничто меня не остановит,
Никакие правила пользования!

ОПЯТЬ ЛУНА...

Опять Луна — в окно, и я опять не усну.
Как бы мне выключить эту Луну?
Бедная, бледная, всегда в одну точку смотрящая.
Мы с ней, как сказуемое и подлежащее,
Уже не можем прожить друг без друга.
Она теперь моя лучшая худшая подруга.
Приросла, стерва, к сиреневым небесам
И брызжет холодным светом так,
что больно глазам.
Чувствую, как она прорастает внутри меня
Холодными языками пламени
виртуального огня.
Она настойчиво учит меня разлукам.
Не подозревает, дура, какая в них жуткая мука.
И дразнит меня, выматывая каждый вечер.
А я так хочу научиться встречам.

* * *

Лучший гроссмейстер всех шахматных партий
Сегодня стал автором твоих видений и снов.
Он чертит моря-океаны на контурной карте
Твоих поролоновых белых мозгов.
Не притворяйся любимцем публики,
Тебе это совсем не идёт.
Ломаешь в крошку медовые бублики:
Со стороны — так форменный идиот.

Но ты просчитываешь ходы своих пешек,
Нервно кусая воспалённые губы,
Упрямо игнорируя потоки насмешек,
Пройдёшь воду, огонь и медные трубы.
Ведь ты теперь великий многоликий человек,
Ты не имеешь больше права на ошибку.
И в мутных водах ты всегда и в дождь, и в снег
Поймать сумеешь золотую рыбку.
Снова бросаешь
нелепый отчаянный вызов судьбе.
Утро всегда начинается запахом кофе.
Девочка любит дотошно копаться в себе.
В самокопании и бичевании — ты уже профи.
Кофе пьянит тебя, как молодое вино.
Ужель тебе нравится
образ подвыпившей дурочки?
Вспомни, тебе ведь по-своему слышать дано
Мир этот бренный
растаявшим сердцем Снегурочки.
Любишь в стакане смешать
разноцветные яркие краски,
А на бумагу ложатся лишь мерзкие чёрные тени.
Любишь всегда оставаться
в своей романтической маске.
Сколько ещё в твоих бедных мозгах стихохрени!
Хватит разбрасывать по полю серые камни.
Время давно пожинать почерневшие лавры.
Но для тебя, навсегда запахнувшей и окна,
и ставни,
Вряд ли когда-нибудь грянут золотые литавры...

АНГЕЛЫ И БЕСЫ

Наши мысли ангелы читают,
Помогают их осуществить.
С полуслова сразу понимают,
Норовят от бедствий защитить.

Наши речи слышат злые бесы,
Чинят нам препятствия во всём.
Словно после тайной чёрной мессы
Груз проблем покорно мы несём.

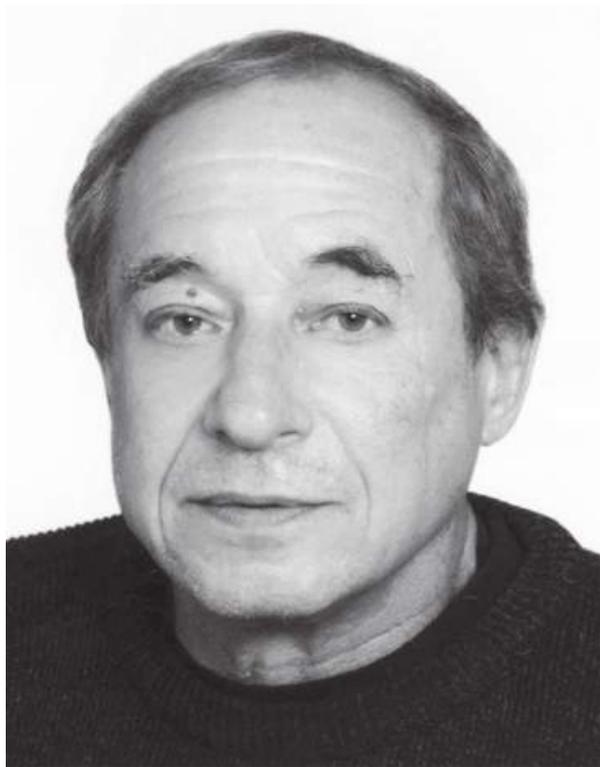
Самые заветные желанья
Все боятся вслух произносить.
Долгие минуты ожидания
Мы не в состоянии выносить.

Ангел прочитает наши мысли,
Разговор услышит чёрный бес.
Словно два ведра на коромысле
Светло-тёмных сил противовес.

На контрастах мир земной построен,
Изменить его нам не дано.
Инь и Ян — навечно эти двое
Переплетены всегда в одно.

Леонид ШЕПТОВИЦКИЙ

Харьков

ПТИЦА СОНЯ

А я — птица «соня». Живу на болотах,
А где ж с таким именем жить?
Я сутками сплю, потому что — охота
И некому «не разрешить».

Здесь летом прохладно, как солнце ни злится,
Здесь мокрые травы кругом.
И сквозь покрывало из веток и листьев
Луч света проходит с трудом.

А рядышком где-нибудь неподалёку
Живет птица редкая — «выпь».
И время от времени ухаёт громко,
Включая себя в этот клип.

И вечной загадкой в соседних болотах
Таинственный водится «лунь».
Увязши в седины своих благородных —
А как же — ни дунь и ни плюнь.

Еще доморощенным, блин, патриотом
Здесь крутится некто «кулик».
И только всё хвалит родное болото.
Он нужен. Он всё же мужик.

А есть там ещё комаришки и мушки —
Повсюду народишко свой.
И квакают дружно подружки-лягушки,
Наладивши фон звуковой...

О, боже, чего это я напридумал —
И птиц этих бедных своих.
В квартире, пустой и сырой, и угрюмой,
Мне было тоскливо без них.

Вчера вот заметил — за день ни словечка
Не сказано было ни с кем.
Создашь поневоле и птиц, и овецек,
Чтоб не повело тут совсем.

Давно горделиво молчит телевизор.
ТЬфу-тьфу — поседею от лун.
Но вот и болтушка-кулик стал мне близок.
И выпь. И таинственный лунь.

А я — птица соня. Я добрая птица.
Ну что ж, не вписался в ваш рай.
Я сутками сплю, чтобы вдрызг не напиться,
И вижу болотный свой край.

Где, тоненький, сквозь покрывало из листьев,
Луч света проходит с трудом.
Мы вас приглашаем сюда заявиться,
Когда захотите, — в наш дом.

Мы создали мир. И живем в нем отныне —
Как будто, выходит, семья.
Мы любим его. И зачем нам иные,
Чужие такие, края.

МИТИНКИ

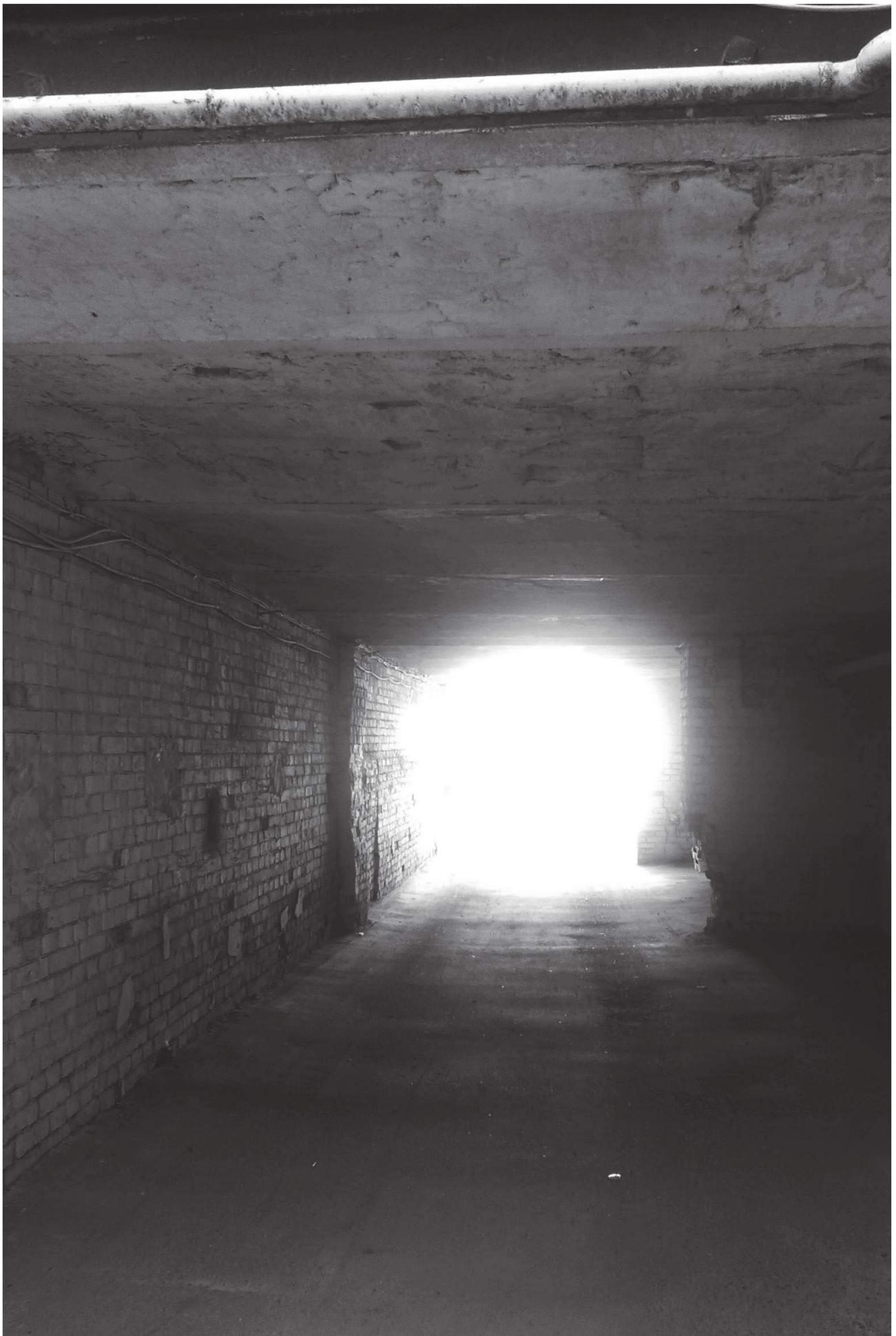
Хотите, я свяжу вам «митинки» —
Такие вот перчатки, но без пальцев.
И сможете ходить в них не на митинги,
А в галереи, где не только плятятся.

...И головной убор любой формации.
И шорты, шали, шарфы. Комбинации...
И все мужчины. Несмотря на нации.
У ваших ног. Ну, а куда деваться им?

Вы станете и тонкой, и загадочной.
И обяжу я всё, что вам захочется.
И никаких рисуночков не надо нам,
Когда со мною есть любовь и творчество.

Но как мне вас найти? А вам меня найти.
О, где же ты, любезный мой промоутер?

.....
Хотите, я свяжу вам митинки.
И станете тогда принцессой города.

Герман ТИТОВ

Харьков

1913 ГОД

Англофилы невских амбаров
 Десятнадцатый фракный век
 Лопухом проросший Базаров
 И в ружейном дыму — Казбек

Одиссей в жюль-верновской лодке
 Перспектив Османовых строй
 Пароходы и папильотки
 Стилизованный домострой

Декаданса мерклые маски
 Уходящей светскости тон
 Грузный юмор викторианский
 Обратившийся в фельетон

Век двадцатый — юн королевич
 А поэт не знает преград
 Парки ждут покуда Малевич
 Домалюет чёрный квадрат

Слово Принцип значит так мало
 В Териоки едет Кульбин
 В темноте шуршат театралы
 И лорнируют балерин

Мятежи (почти) невозможны
 В Департамент пишут чины
 Пьёт австрийский кофе острожник
 Ожидать не смея войны

В Териоках смутные тени
 Все несчастья — сплин или грипп
 Ночь сидит обхватив колени
 Гумилёв ещё не погиб

В лапоть дует древнее лихо
 Жёлт огонь в фабричном окне
 Но пока — покойно и тихо
 В обречённой этой стране

* * *

Попытка летнего дождя
 В надёжной пригородной лености
 Пейзаж пройдя и превзойдя
 Теряешь чувство современности

Теряешь чувство рубежа
 У горизонта потемнелого
 Цвет липы — времени душа
 Цитата из Андрея Белого

* * *

В Зурбаган пришёл ураган
 Из кармана вынул стакан

А из плюса вынул тире
 Ливень в горле — сердце в игре

В чернозёме тучных утрат
 Зреет злак и зреет нитрат

Красный свет замкнул светофор
 Дарвинизмом кончен отбор

Прозвенел последний звонок
 Перепродан ржавый станок

Меж акаций вечность свистит
 Разгоняя кариатид

Задирая чувствам подол
 Наметая пьяниц под стол

Не причалить здесь кораблю
 Не скользнуть безумцу в петлю

Ждёт во тьме солдатик письма
 И цветёт цикадами тьма

Гроза бессудна будто смерть
Иносказанье избавление
Чего же более хотеть
Тоски окончилось терпение

Такси застряло в гуще дня
И не важны теперь напутствия
Меж фотовспышками огня
Твоё — теряется присутствие

И всё теперь течёт дрожит
Под сенью гипсового воина
Колониальной лавки вид
Велосипеды и промоины

Так славно — как в последний раз
Мир дышит вольностью нездешнею
И хорошо бы — вот сейчас —
Издохнуть под кривой черешнею

КУКЛА ВИНО ВАТА

(детская загадка)

Эмигрант не отыщет возврата
В чёрно-белого детства края
Это *кукла* во всём виновата
Облаков отсыревшая *вата*
Да *вино* — ждёт к обеду семья
На отсканенном фото в Facebook'e
Но никто не вернётся с листа

В пустоту опускаются руки —
И как море тепла пустота

* * *

Нагорный город мой Сигор
И сланный столп — эпохи сердце
Здесь красной тряпкой за бугор
ВУЦИК гонял единоверцев

Здесь побивали ложью лет
Пророков — и заполнив бланки
Полировали пистолет
И отгружали хлеб и танки

Всё обобщал *конструктивизм*
И *сталианс* — и твёрдо веря
Здесь ожидали коммунизм
Обетованным царством Зверя

А вышло — как итог всему —
Очередей да грядок братство
Комдивы канули во тьму
И банки слопали богатство

Здесь бытие — как бутики
Сплошное остекленье взора
И знать не знают старики
В чём утешенье термидора

И отчего так хорошо
Быть ни при чём — спасенья ради
Где смерть гуляет нагишом
Как активист на гей-параде

МЕТРО

Преодолевая нелюдимость
Двигаешься в сбивчивой толпе
И уже не так необходимо
Небо недоступное тебе

Ветхого искусства отговорки
Лепестки сезонного тепла
Духи дна приоткрывают створки
И — притворно — отступает мгла

И хранит планиду у предела
Всё что легковесно при ходьбе
Так душа — фантомный оттиск тела —

В смутной и медлительной толпе
В Дантовы спускается глубины:
Лиц не видно — спины спины спины

* * *

Университет расстелет тень —
Человек плетётся по границе
День как день — толпа жара мигрень
И немного проку от цевницы

Все значенья катятся за край
В синеву прогромыхал трамвайчик
И прощаясь растомлённый май
Серебрят пушистый одуванчик

Сыплется акаций беглый цвет
На асфальт не ведая границы
Белый свет
Семь бед — один ответ
Пёрышко потусторонней птицы

Умиротворенья факультет

ПОЭЗИЯ:

IN-versia

ПОЭЗИЯ: IN-versia

Андрей КОСТИНСКИЙ

Злата ВИРАЖ

ИНЫЕ:
Злата Вираз (З.В.) и Андрей Костинский (А.К.)

А.К.

Шатунство

Посмотри на меня, мои на волосы.
Седина хоть редка, но чётче видна.
Я всё тише словлю — от проговорных слов осип.
И всё чаще по нравится ми тишина.

И всё меньше я сам и себя понимаю.
Монологи слогаю, а слышу иных.
И шатунствую въ средизимие с краю,
и всё меньшее верится в таесть весны.

Сны отвиделись. Ночи — однились.
Смех просыпался пульсом с горсти.
В БУхном гроссят Псалтирь и Нилус.
«Отпусти» как отпрочно «прости».

Только ПУть — он и здесь потерялся.
Трель как треть на распеве у май
овенчающих словейных вальсов,
где ведёт и уводит зима

З.В.

Haute couture

Между нами — вечность, между нами — дым.
Думал, время лечит — сделался седым.
В знойные морозы в неба кутерьме
Взгляд до боли звёздный прячет кутюрье:

Ангел спутал нити, звёзд рассыпал часть,
Сыпались минуты в горсти каждый час.
Выбирай и веруй, что твоя взяла.

Ты стоишь у двери: «Как твои дела?»

Я отвечу тихо / вечер бьёт под дых /
— ... между нами — вечность, между нами —
д ы м...

А.К.

Между нами — любовная миля,
синь Дуная и снежность Памирья,
зной широко над степью степенной
и туннельность ЛаМанчевой вены.

И чем громче люблю твой твой голос,
тем стихающе мой твой мой логос.
Тем любовная вертикальнее
миля внебная неприкайного

З.В.

Господи милосердный, помоги и помилуй,
Сохрани в тощих душах нашу любовную милю.
Бежали, хрипели, дышали — как умели,
Сплетая в стихи ожидания, днинедели.
Посмели тебя гневить
И тебя — винить же...
Писали «угоду», наверное, с тем, кто — ниже...
Прости, подскажи и укрой от любви неверной,
Которая рушит всё, становясь химерой...
Пусть кто-то иной находит своё спасенье
В стихах и мольбах,
В пречистых рассветных снах.
Я больше — не в силах...
Слепит солнце осеннее...
По чувствам — пальба.
Только память — уже ясна...

СпасиБо!..

А.К.

Ты сегодня придёшь. Моё сердце
забудет свой счёт.

Кровь застынет в течении,
предвкушая его обратность.
И, наверно, Всевышним я всё-таки буду прощён,
если чувства впервые смогу
переплавить на братские.

Чем ярее костёр, тем опаснее небо огню,
чем сожжённой мосты хотящим
хотя б обернуться.

Но я больше любви твоё счастье сегодня люблю.
И ты больше меня понимаешь,
что вечностью-куцею —

жизнью нашею — мы определены и сочтены.
И не наша планета в звене наших дат и событий.
В разных видим объятах и комнатах разные сны.
Их виденьями стены и ангелы больше, чем сыты.

Расторгая торги, разрывая пергамскую кожу,
убивая пароли и логины, плава сургуч,
я макну в него сердце, ничего по себе не итожа.
Век сегодня не мой. И слепой от звезды моей луч.

Ты сегодня предашь моё сердце за будущий счёт

...КЕМ

Не предаю твоё сердце — не правда, не правда,
не прав...
Я так долго искала тебя в па-у-тине иллюзий,
Я так долго тебя согревала, у вьюги укрыв,
Обыграв в кресты-нолики,
склеив из минусов — плюсы.

На каких полюсах и в каких полосах будем мы
Через пару десятков
разбитых испорченных жизнью —
Мне не веДОМо — только тебя отвоюю у тьмы.
Я тебя не предаю средь туманов кипящих и сизых

Ни пред...

А.К.

Ключи от дома, где меня не ждут...
В него вхожу я порозненно с тенью.
Напротив окон лунный шар надут
из лёгких неба до опустошенья.

Ключи зарыты до таких глубин,
что сплющена их память назначенья.
И чей-то шепот-крик «Не погуби.!»
милей отныне ангельского пенья.

Под утро дождь придёт. Я уступлю.
Иди вперёд. Мне некуда и не с кем.
Сменяя неразборчиво аллюр,
взлетает жизнь луной за занавеской

З.В.

Играем в жизнь... и тонем, тонем, тонем...
И ждём, когда закончатся сюжеты
Печальные. Включаем лампы в доме
В надежде на подобие светил...

И падший вечер мерзнет в телефоне,
Гудками обнаружив силы света,
Куда ещё однажды попадём мы?
Какие схемы мир в себя вместил?

И опрокинутый подсвечник значит больше,
Чем силы зла и света в одночасье,
Чем все росси(и)спани(и)польши,

Когда горит всё пропадом в ночи.
И лишь одно шепчу тревожно имя.
Устав играть, гоняясь за другими.
А ты решил — тебя не жду я больше
И в день усопший выбросил ключи...

iNoj

Ни этот мир, ни тот, ни антитот,
ни твердь, ни вердь, ни путь, ни переейность,
ни дикий мёд из обручѐнных сот,
ни ты, ни я, ни мы, ни навь, ни брeнность.

Я — только сон осколочных зеркал,
увиденный за краеуглым миром.
В тебе себя пропавшего искал,
твоих касаясь явей сердцем стылым.

И легче вынести неистовство ветров
на стодорожье рассечений судеб,
чем присыпать надежд предранних ров,
где чей-то свет тебе навстречней будет...

З.В.

Без...

Я бежала во сне —
От тебя ли,
К тебе ли —
Не помню...
Только помню,
Во сне у меня
Был *ты*.
Я спешила,
закрыв
виски
холодными
ладонями,
А дома открывали,
на меня глядя,
беззубые окна-рты...
Я бежала — вперед
и знала —
так будет лучше.
От тебя ли, к тебе ли —
вот в чем вопрос.
Я бежала,
молитвы во имя...
шепча беззвучно,
и надежды без веры
росточек во мне пророс...
Я бежала, в асфальте снов
спотыкаясь о кромки рытвин.
Возвращалась — к тебе ли
(к самой себе?),
беззвучно молясь,
запинаясь в своих молитвах,

без оглядки,
с надеждой,
Но веры
без...

А.К.

Без слов...

Молчание каждого слова
перевешивает пустоту.
У этого молчания есть ухо.
У этого молчания есть эхо.
У этого молчания есть лихо —
оно слышнее крика
и видимее
отбрасывающего тень..

без вдохновения...
ночь улетайною
бьётся в распятое
крестовиной
окно —
по очереди в каждое из четырёх стекло...
(строчку выше читайте раз —
и стирайте из памяти).

Ночь смотрит в себя четыре раза —
но я вижу одновременно её —
бьющуюся каждую четверть.

Без сна...
Перевёрнутая чаша ночи
роняет чёрные капли...
чёрные...
Они же — бесцветные...
В каждой капле
накопленные страхи
жмутся друг к другу так,
что их выпуклость на оболочке
сводится к двум точкам . .

без вдохнослов...
без снавения...
без...

НеприКАЯнное

Рассеет дым настойчивый маяк.
И ты уйдешь, поверив античуду.
А я — никак. Вот просто так — никак...
И просто так вот буду... Буду? Буду!
И ты не знай, — зачем же это знать? —
О том, что, дым распахивая настежь,
Ищу тебя среди чужого сна,

ПОЭЗИЯ:
ЗА границей

ПОЭЗИЯ: ЗА границей

Татьяна КОСТАНДОГЛО

Москва

* * *

1.

Разбита жизнь на мелкие осколки,
Нет у неё начала и конца...
Осколочная явь рождает толки
О святости тернового венца.
Да что венца! Путь стелется цветами
Бодлеровского праведного зла...
Оставь надежду всяк живущий в храме —
На в ы х о д. Похоронный звон стекла
Не тело ранит — душу берedit:
Сосуд разбит, но истину — хранит.

2.

Пустых страниц безмолвье веселит,
Оно сродни заснеженному саду:
Чем чище снег, тем откровенней вид
Посланий, адресованных не стаду,

А единицам, вышедшим в расход!
В расстрел! В раздел!
В разрез со смыслом истин!
Блаженный мир рисован божьей кистью
И той, что страхом умертвляет род...

* * *

То ли время тебя обронило,
То ли ты обронила его?
Сцена жизни нелепо застыла,
Миг — и снегом судьбу замело.

Занесла одуревшая вьюга
Даль, откуда вернуться назад
Не суметь нам из нового круга
В старый круг. И диковинный сад

Не похож ни на райские кущи,
Ни на ад... Но душа не болит —
В незнакомый порядок запущен
Ход незримых часов и орбит...

Здесь закаты пылают в уставших
Одиноких страницах любви.
В тайниках и прекрасных, и страшных,
Вдалеке от распятой земли

* * *

Я давно не живу на земле —
Круг порочен условностью странной:
Свет в крошечной купается мгле,
Мгла купается в свете исправно.

Уместилась (блаженствуя!) вся
В самых крошечных солнечных бликах.
Бытовая ликует возня,
В нескончаемых топит интригах

И мою неумную дрожь,
И мою неумную радость...
Океан на себя не похож —
Воды света прошла усталость.

Даже летом пылает зима,
Дно мечты от надежды ослепло...
Обожжённой любви тюрьма,
Как скала, соскользнула нелепо

В память волн... Дни и ночи в золе,
Солнце в небе полыхнет мутном...
Я давно не живу на земле,
Пребывая во сне беспробудном.

* * *

...Отсюда все уйдём —
Кто раньше чуть, кто позже,
Не здесь с тобой наш дом,
Скажу тебе я проще:
Сюда пришли на миг
Из вечного. И — снова
Зов стен родных настиг...
Настигнет? Я — готова!

Кто мы в Его руках?
Матрёшки и петрушки.
Земля проглотит прах,
А небо — погремушки...
Но ты ошибся, Бог!
Шепну тебе на ушко:
В плену земных дорог
И ты — моя... игрушка!

* * *

Опередили... Выпрыгнули, сударь...
И, возвестив прощальное «прости»,
Вместили невесомость наших утр
И тяжесть вечеров всего в горсти
(Иль в горести?) пространства снежных вихрей
Я слепну, сударь. Но, не пряча слёз,
Вас... поздравляю! Вы... Вы — не антихрист...
Целует Вас рождественский мороз!

Да здравствует Любовь моя и Ваша,
Приветствую год счастья и причин
Таинственных, но наших, сударь! Сажа
Не тронет лика истинных мужчин.
Вы — высота, связующая звенья...
Не страшно ль мне? Бог с Вами, сударь, — нет.
Хожу я в церковь и святое пенье
Вам подношу на завтрак и обед.
На ужин — свечи и вода святая,
А на ночь, сударь, ложе на двоих —
Вы... приходите. Буду, обнимая,
Взрывать границы смерти. Стройся, Стих,
Хозяин вечный и души и тела.
Мой господин, вся жизнь моя была
Твоей весной. И, как судьба велела,
Стирала пот с родимого чела.

Вам ведомо — не изменила долгу,
А Вы ведь знали... знали наперёд,
Что прежде, чем я кинусь Вам вдогонку,
Ваш труд знаменем в души упадёт.
Новорождённый примет эстафету,
И вздрогнут ветры, верные векам.
Молюсь за Вас — летящую планету —
Маршрутом света. К нашим берегам.

* * *

Любила ль я? Любила, как всегда,
Готовая спасать и быть распятой.
Моя любовь — небесная вода —
Плескалась по планете еле вятно
Страдалицей под током зла и лжи.
Днём воскресая, умирала ночью,
Когда земной отравы этажи
Вмещались в точку, а не в многоточье.

Как солнце восходило по утрам,
Так мудрость прикасалась к изголовью
Любви моей. И каждый взрыв был новью,
К земным готовый бурям и ветрам.
О, суши остров! Круглый детский мяч,
Ты сказочен, ты так великолепен!
Но в каждом сердце мука, стон и плач —
Здесь всё не так, как на десятом небе!

Зачем сошла я в адский плен эпох?
 Не в первый раз сошла, припоминаю...
 Меня просил не делать это Бог!
 Отец родимый, променяла стаю —
 Отечество небесное — на мир,
 В котором войны души обжигают,
 В котором боголюди вымирают
 Не в смерть, а в жизнь — загаженный трактир.

Но коль я здесь, средь хаоса и мрака,
 Доверь мне чудо — воспасти того,
 Кто вырвался из лап живого страха,
 Кому сегодня плачется легко.
 Даруй-доверь редчайшее уменье
 Его к твоим законам привести,
 Отец небесный, награди терпеньем.
 И дочь, свою любимицу, прости.

* * *

Мелодия забытых сновидений
 За мной уже не ходит по пятам,
 Дождь отрезвел. Причудливые тени
 На голых ветках пляшут по утрам.

Протяжны завывания метели,
 Печалит песнь остывшего костра,
 Озябшие волнения взлетели,
 Как птицы с почерневшего креста.

На всём следы слепого изначально
 И радости неукротимый след...
 Ликует день, исполненный страданья,
 Но мне и в нём привычной роли нет...

Пронизанная солнечной тревогой,
 Иду во тьме, влекущей наугад
 К такой же безутешно одинокой
 Душе, познавшей заповедь наград,

И только ей себя вручив однажды,
 Дыханье успокоит бездны зов,
 И кончится томительный и страшный
 Один из самых непробудных снов!

* * *

Поплачь, душа моя, поплачь,
 Как плачут маленькие дети —
 Ты не судья и не палач,
 И не за все дела на свете
 В ответе ты перед Собой,
 Пред Господом и пред Народом.
 Поплачь, душа. И снова пой.
 О чём — неважно. С Новым Годом
 Поздравишь завтра ты себя,
 И будет ёлка серебриться!

А ты, рыдая и любя
 Мир этот грешный, снова в Ниццу
 Вернёшься из России злой,
 Любимой, нищей и проклятой...
 Лазурный обрета покой,
 Забудешь пять гробов и мятый,
 Осенний запах духоты,
 И кровь невинную у храма,
 И троицы святой следы,
 Ведущие не вкривь, а прямо.
 Спаситель твой и божья мать
 Глядят на мир из... человека.
 Поплачь, душа моя, поплачь,
 Самоубивица и — лекарь.

* * *

«Вздых: выдыхаться в стих!»

Марина Цветаева

Кто-то в комнате моей
 Ночью ходит по паркету.
 Всё отчётливей, ясней
 Дышит и — ложится к ней...
 (К ней — ко мне?) Загадку эту
 Тщусь я утром разгадать,
 Но увы! Бесплодны муки:
 Кто решился обнимать,
 Страстно к сердцу прижимать,
 Преступив закон разлуки?!
 Это верно оттого,
 Что когда ты в вечность у́был,
 Я у гроба твоего
 Так светло и так легко
 Целовала горе в губы...

* * *

«И назови лесного зверя братом»

Анна Ахматова

Ликует сердце — всех родить любя
 И осчастливить светоносным духом!
 Искусства выше нет. У корабля,
 Плывущего в пространстве чутким кругом,
 Задача — выжить, не коснувшись дна.
 И донести в другие измеренья
 Божественного замысла творенье,
 Чей двигатель — Любовь. Любовь одна!
 И к бабочке, расшитой волшебством,
 К цветку любому, к трепетному пенью,
 И к птицам, чьи полёты к озаренью
 Пронизаны светящимся родством
 И с человеком, и с кустом рябины,
 С живой водой, свисающей с небес,
 С твоим шептаньем, царственнейший лес,
 Со всем, что дышит... Солнечны картины —
 Свидетели немого естества
 Любви Духа, покорившей атом!..
 Благослови свой шелест, древ листва
 «И назови лесного зверя братом».

Геннадий КРЕЙМЕР

Ганновер

Креймер Геннадий Юрьевич, поэт, историк культуры, участник Набоковского проекта Б. Бойда «Ada online», переводчик монографии Бойда «Ада»Набокова.Место сознания»(СПб 2012)

ПУТЕШЕСТВИЕ

Бывает, ночью после горя
 Очнешься: неужели сон?
 И, не успев проснуться, к морю
 Ты доброй силой унесен,
 Где склон горы подкрашен рыжим —
 Под перламутровый закат,
 Где горизонт как будто ближе
 По облакам плывущих яхт,
 Где чайка так осиротело
 Над бледным островом кружит,
 Как та душа, что не спешит
 Покинуть обжитое тело.

Ольга ОЛГЕРТ

Кёльн

Родилась в г. Целинограде (сейчас — г. Астана). С 1998 живёт в Кёльне. Публиковалась в журналах «Дети Ра», «Сибирские огни», «Литературная Вена» (Австрия), «Эдита» (Германия), «Нива» (Казахстан), «Под небом единым» (Финляндия), «Иные берега» (Финляндия), «Семь искусств», «Тёмная лошадка», «Второй Петербург», «Лава» (Харьков), «Южное сияние» (Одесса), «Новое русское слово» (США), «Форвертс», «Пять стихий», «Интеллигент», в альманахе «Светочъ», антологии «Земляки», «Четвёртое измерение», «Форма огня». Автор книг «Игры на облаках», «На южном побережье января», «От третьего лица». Победитель международного берлинского литературного конкурса в номинации «Поэзия» (2010). Редактор международного литературно-художественного журнала «Европейская словесность» (Кёльн).

* * *

Г. Т-ву

Увидеться — не значит согрешить,
Поэтому — лети ко мне, лети же...
Наш век под вдохновение подстрижен,
Мы — снежные покровы двух вершин.
И птиц твоих поющие шаги
Слышны мне ночью,
Днём я их не слышу.
Ты хочешь подойти ко мне поближе,
Пока — идёшь, но дальше — ты беги!
Спешу, пока нас греет эта жизнь —
Ласкает, обжигает и пророчит
Нам новый день,
А ночью,
Этой ночью
Листай мой смех,
Кружи меня,
Держи,
Как держат не мечтанье — миг живой
И кормят сновиденьем осторожно...
Сегодня, милый, знаешь, всё возможно,
И даже то, чтоб я была с тобой.
Ты слышишь — в небе горлицы поют,
И солнце — бриллиант в седой оправе...
И я не знаю, кто тебя отправил
В любовь мою...

* * *

Здесь ночью слышен смех сороки,
Во сне увидевшей кошмар,
Здесь утром всходит на востоке
Душа моя — бессонный шар,
И оживает мир под снегом:
В траве сражаются сверчки,
И пыль стирает с полки неба
Январский ветер
Вопреки
Мятежной, маетной, огромной
Грозе, придумавшей озон,
И сердце солнца бьётся ровно,
И чист влюблённый горизонт,
Где наши строки — в небе слиты —
Разделены в земной судьбе,
И ты не помнишь, кем просчитан
Мой путь к тебе.

* * *

А в сумерках не видно, как земля
Вращается вокруг своих сомнений,
И чем длиннее, тем благословенней

Наш путь друг к другу,
Там, где каждый взгляд
Ночных светил и робок, и горяч...
В окне твоей души светло и просто,
Где станет слышно, как ночные гости
В прихожей века с ветром говорят,
И время разливает в облаках
По чашкам слов коктейли вместо кофе,
И я рисую твой любимый профиль
У сердца своего материка.
И ты, что в прошлом будущее искал
(а может, мы вдвоём с тобой искали?),
Отдашь за нашу встречу в Зазеркалье
Сестре разлуки тысячу зеркал.

* * *

Твой голос со мной говорит о дожде,
Несущим прохладу в ночную саванну,
Твой голос со мной говорит о тебе,
О том, что на свете есть летние страны,
Где в царстве лиан правит солнечный дух,
И наши слова оживают на листьях,
Там небо роняет на землю звезду,
Чтоб стало чуть больше сияющих истин,
И движется время по той из орбит,
Где солнце бродило за счастьем годами,
И голос твой тихо со мной говорит,
И нет тишины над землёй ожиданий.

* * *

Здесь красиво не так, как в твоём краю,
Рассыпается снег по щекам и дням,
Здесь о чём-то высоком тебе пою,
Будто знаю, что сможешь понять меня
И раскрасить мой город цветным дождём
На столетье, на вечер, на миг, на час.
Приходи на мгновенье в мой зимний дом,
Будем души друг друга, смеясь, качать
И забрасывать невод в страну весны,
Может, выловим счастье — оно живёт
Где-то рядом, а может, в краях иных,
Там, где пчёлы не прячут по сотам мёд.
Ты расскажешь мне строки, что помнит явь,
И позволишь мне выстроить твой уют.
А захочешь — я завтра отправлюсь вплавь
Через горное озеро — в жизнь твою.

* * *

Я стану сегодня на мысль свободней,
Пусть время, склонившись, во тьме стоит.
Ты веришь — душа моя — судоходна —
По ней проплывают твои ладьи.

И ветер толкает их спины, будто
На свете важнее задачи нет.
Смотри, как на север стремятся будни,
Им тоже сегодня встречать рассвет
И маяться новой идеей — снежной,
И к ночи искать по углам ночлег.
Не думай, что нежность зимы безбрежна,
Ты просто пиши мне о том, что снег,
В горах не растаявший, с верой в крылья,
Нас будет беречь от любой беды.
Ты думаешь, горы меня забыли?
Но там, у подножья — мои следы.

* * *

Мы и в небе и в море с тобой равны,
Раздели вдохновенье моё на строки.
Беспокойные дети одной страны,
Мы ночуем в кварталах чужой эпохи,
И несём на плечах неподъёмный груз
Наших мыслей, что помнит почтовый ящик.
Я остаюсь без света к утру боюсь,
И поэтому, милый, пиши мне чаще,
Не жалею ни пропахших грозой фраз,
Ни смолы дождевой, ни морских молекул...
Видишь, жизнь нас сближает в который раз,
И поёт по-немецки, чтоб ты приехал,
Неужели не слышишь? Снегов янтарь
Переплавают метели, и став бездомней,
Мы поделим сегодня с тобой январь,
Где полмира, полморя — в моих ладонях.

* * *

Там, где время стекает с январских крыш,
И кричат по-французски во тьме цесарки,
Я хочу перестроить для нас Париж,
Отодвинув Монмартр с Триумфальной Аркой.
Нет, не к северу — в южную часть зимы,
Где хватило бы места для всех влюблённых,
Мы найдём там друг друга однажды, мы
Как атланты, державшие в снах колонны,
Будем небо держать над грядущим днём,
Будь уверен — оно упадёт не завтра,
А устанем — мы новую жизнь начнём,
В незнакомом пространстве, а стране азарта...
Мне хотелось бы время забыть с тобой,
Изменив полюса и названья улиц,
Чтобы мы на одной широте земной
И в одном измеренье с тобой проснулись.

* * *

Солёных губ земная благодать,
Лесных шагов летучая прохлада,
И шёпот мой в огне ночного сада,

Где ты, смеясь, сумел меня создать
 Из капель дождевых, из тишины,
 С которой век наш музыкой повенчан,
 Где я живу — одна из вечных женщин,
 В обличье боттичеллевской весны.
 Смотри — над миром снова власть грозы,
 И мы в беседке — прячемся, целуясь,
 И дождь слепой — опять к тебе ревнует,
 Я слышу вдалеке его призыв.
 Давай сбежим — куда-нибудь в закат,
 Где платья ночи шьют немые тучи,
 И ветер нам поёт о том, что лучше
 Бывает только в небе, в облаках,
 Где мы, своих мелодий короли,
 Живём в стране — высокой, светлоглазой...
 И знаешь — поцелуй наш был предсказан
 Задолго до рождения Земли.

* * *

Сквозь тишину в зените
 Время — иного свойства
 Кажется мне
 И небу,
 Верящему в звезду.
 Милый мой сочинитель,
 Ты ничего не бойся,
 Если в обличье снега
 В душу твою зайду,
 Там, где картины лета
 В рамках — висят на стенах,
 Где аромат фиалок
 В зимних твоих садах,
 Будешь искать ответы,
 Знай же, весна — мгновенна,
 Жизни, всей жизни мало,
 Чтобы её создать.

День, превращённый в подвиг,
 Стоит того, чтоб выжить,
 Сколько бы век ни плакал,
 Выживет лишь смеясь.
 Брось в ледяную воду
 Ворох сомнений книжных,
 И — прилетай в Итаку,
 В сон, разбудивший нас.

Будешь листать страницы
 С песен зимы до лета,
 Там где высокий берег
 Именем стал моим,
 Ласковой вечной птицей,
 Там, где открыты двери
 Только в твои рассветы,
 Только в слова твои.

Юрий ТАТАРЕНКО

Новосибирск

Три вспыха:

Красный,
Желтый и
Зеленый...

Но хода нет к завалинке и в сенки.
Стекло своей округлостью рифленой
Напомнит Леськи сбитые коленки ...

РАЗЛУКА

Я ищу тебя везде — в лабиринтах страсти,
В закоулках ревности, в тупиках обиды...
Знаю, никогда не врут дамы красной масти!
Карты на сукно кладу, как на сердце плиты...

Где-то ищешь ты меня — или забываешь,
Или же ночей не спишь, все в окошко смотришь...
Носит молнии и гром туча грозовая,
А ты ждешь то облачко, где одно письмо лишь...

Но я тоже писем жду, от тебя — ни строчки!
Одиночество свое мы тоскою лечим...
Между мною и тобой — лунные клубочки,
Между мною и тобой — ожиданье встречи.

ПРИСТАНИЩЕ

Рифмует время Путина и Пушкина.
Пол в мокрых точках.
Дождь прошел. Ремонт.
Верстак засыпан запятыми-стружками.
А что — вполне приличный натюрморт.
Ножовка, молоток и пассатижи.
Сверкающих гвоздей — аж два кило.
В компьютере бесстыжее бесстижье.
И дни летят. И бьются о стекло.

НА КРУГИ СВОЯ

Я отдыхал два месяца в деревне,
От пробок мегаполисных скрывался,
В лягушке каждой признавал царевну,
В любви — соседке Леське признавался ...

Я возвращаюсь к уличному драйву,
Остался отпуск там, за поворотом,
Где на лугу нескошенные травы
Закату щекотали подбородок ...

Село и город, выяснилось, тезки!
(По именам и кличкам на заборах).
Асфальтовые грядки перекрестков
Увешаны стручками светофоров.

РАЗГОВОР С ДЕВУШКОЙ ИЗ КОТТЕДЖНОГО ПОСЁЛКА

Вы, наверно, «Мисс предместье»?
Добрый вечер! Рад знакомству.
А давайте-ка жить вместе —
Вместе с ранним Маяковским!

«Скрипка и немножко нервно» —
Словно бомба с кулаками...
Богом брошенное небо
Зарастает облаками.

Грех очерепичит крыши,
Дым — очеловечит следом...
Хлопнет дверь, откры-закрывшись —
Подытожит бабье лето.

Восприми-ка, Вероника,
Мой неологизм как данность —
Вспомни, женщина возникла
Из ребрэндинга Адама!

И под взглядами косыми
Я нырну в стихов трущобы,
Где ненастье ненасытно,
Где несчастьям нету счета...

Сохнет в тучах звездный невод,
С нетерпеньем ждет заката...
«Скрипка и немножко нервно» —
Сказка языком плаката.

ЧЕМОДАННОЕ НАСТРОЕНИЕ

В субботу закончились деньги и лето.
А где-то тепло, премиальные где-то...

Царапает зеркало ливень осенний.
И нету желающих на воскресенье.

В блокноте зачеркнута Галя Сизова.
Уложены брошки на бархат сезона.

Вагоны закрыты. Толпа на перроне.
Хоронят панаму. Купальник хоронят.

В пижаме ли, в тройке — достойно потеем,
Враждуя с находкой, смиряясь с потерей.

Стараются тучи — с утра при параде —
Частицу себя разглядеть в листопаде.

* * *

У проводов — учиться прямоте.
Впитать в себя радушие колодца.
И облака всегда на высоте,
Не знаю, как им это удается.

У муравья учусь смотреть вперед,
Всё находить блестящим — у сороки.
Уменья жить мне так недостает,
Но не беда — мне все дают уроки.

Костер горит желаньем помолчать —
Как глотку драть, когда такой наставник...
Меня рассвет учил рубить сплеча,
Мне пить до дна наказывал «Титаник».

Я по камням скорей спущусь к воде,
Что не спеша научит торопиться.
Учусь всему... И только правоте
Мне не к кому, увы, пойти учиться.

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Проопятились пни на полянах,
Закорзинились рынки с утра,
Дом в потухших душистых гирляндах —
Вот и праздновать осень пора...
Мы пройдемся по просеке людной,
Обогнем муравьиный затор.
Где-то будничным редким салютом

С электричкой флиртует костер.
Взмыть, не взмыть —
Лист желтеет в сомненьях,
На решительный шаг не готов...
Вот и осень. Весь погреб в соленьях.
Лето — время червивых грибов.

АВГУСТ

Вдаль струится реченька-река,
Теплый бережок волной обласкан.
Выставит рябинка напоказ
Красные заплаканные глазки.

Звезды легче сосчитать вдвоем,
Рыбки друг за дружкой ныряют,
И сердцебиение твое
Гнезда сновидений разоряет.

Ландышем меня ты назовешь,
Я тебя — ромашкой полевою.
Для любви — необходимы двое.
В одиночку — только слезы льешь.

От терзаний, от сердечных мук
Мне ни днем, ни ночью нет покоя!
Для любви — необходимы двое.
Ненавидят лишь по одному.

Есть мои ошибки, есть твои...
Тропка к речке поросла травой.
Для любви — необходимы двое.
Трое — для возвышенной любви.

КУХОННЫЙ МОНОЛОГ

Полбутылки один оприходовал...
Что? Закончить? Не вижу причин:
Водка прыгает в рюмку охотнее,
Чем ты — в койку... Жена, помолчи!
Выпьешь — не о чем больше печалиться —
И излечен бессмертья недуг...
Только стрелкам в часах назначается
Каждый раз — испытательный круг.
Все проходит: любовь и признание,
Неудачи и ненависть к ним...
Надоевшие нам испытания
Мы проходим одно за другим.
Слабнет слух, ухудшается зрение,
Сновидений скудеет запас...
Тишина — это траур по времени.
Тишина — это лучшее в нас.

Николай ТИМОХИН

Семипалатинск

Тимохин Николай Николаевич закончил филологический факультет Семипалатинского пединститута. Работал учителем русского языка и литературы в школе.

Председатель казахстанского отделения Всемирной корпорации писателей. Лауреат VI международного фестиваля русского искусства (г. Семей, 2008). Член творческого совета авторского литературного журнала «Северо-Муйские огни» (Бурятия).

Стихи неоднократно печатались в местных газетах, в коллективных сборниках, размещены на страницах электронного журнала «Наши дети» (Израиль), в др. интернет-ресурсах. География публикаций Н. Тимохина включает Красноярск и Новокузнецк, Москву и Нью-Йорк.

* * *

Когда художник за мольберт садится
И подбирает красок нужный тон,
Он оживить знакомых хочет лица,
Холста коснувшись кистью. Чей-то дом
Уже воздвигнут до небес широких.
А вот ручей — струящийся у скал.
Художник даже тайны звезд далёких
По-своему однажды рисовал.
Он, написав картину для потомков,
Мгновенья нашей жизни сохранил,
Без слов сказав об этом — ясно, громко,
Чтоб всем понятно было. Много сил,
Терпения, труда и разных красок
Использовал тогда он для картины.
Сюжеты брал из жизни, не из сказок.
На это были у творца причины.
... И мастер завершал своё творенье.
Стоял я тихо за его спиной
И думал, не скрывая восхищенья:
«Какой же мир красивый и большой!»

* * *

Вам какие ночью снятся сны —
Серого иль розового цвета?
С ароматом свежести весны,
Или с жаром солнечного лета?
Может быть, они, подобно птице,
Устремляются к высотам поднебесья,
И тогда вам очень сладко спится,
И поёт душа невольно песни
О любви огромной, неземной.
Чтобы все вокруг о ней узнали,
Повстречаться смог бы вдруг с мечтой
Каждый в жизни этой. А печали
И невзгоды обошли б вас стороной.
Пусть вам ночью только сладко спится!
А у сна пусть будет цвет — любой,
Лишь бы вы летали в нём, как птицы!

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

Любимая! Только тобою
Живу я, мне радости нет.
Вновь ночью окно приоткрою
И вижу созвездия свет.

Большая Медведица в небе
 Уж так далека, как и ты.
 Но раньше знаком я с ней не был,
 Теперь вот гляжу. И черты
 Твои различаю в просторе
 Безбрежном небесных светил.
 Он словно бескрайнее море.
 И я у него попросил,
 Чтоб встретились снова с тобою...
 А в небе загадочно светится
 Рождённая чей-то мечтою
 Смотри: вон — Большая медведица.

* * *

Ты, восхищаясь мною и фигурой,
 Ласкал так нежно, юбку теребя.
 Какою же тогда была я дурой —
 Поверила словам: «Люблю тебя!»

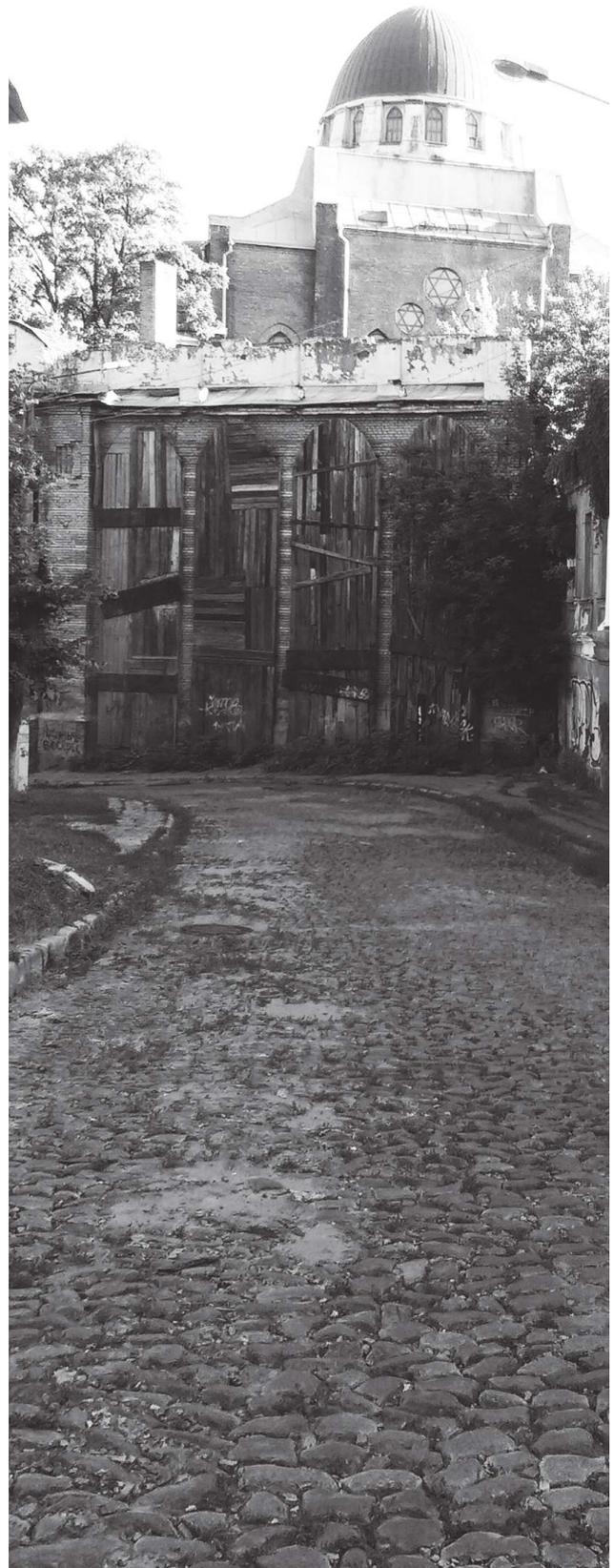
Тому, что «глазки у меня — как море
 Бездонные, душа — как океан».
 И за тобой пошла широким полем
 Совместной нашей жизни. Но обман

Рассыпан васильками был повсюду,
 Ты как ковром дорогу им стелил.
 «Люблю тебя», — слова те не забуду
 Твои, а ты однажды их забыл.

Теперь с другой шагая по пустыне,
 Совместной вашей жизни, ищешь ты
 Оазис, иль надеешься, что хлынет
 Дождь проливной, спасательный. Мечты

Твои не оправдаются. Дорогу
 Не проложить неправдой на песке.
 Но почему же в сердце вновь тревога
 Живет моём? И думаю в тоске:

«О, Господи, какою же я дурой
 Была, когда любила лишь тебя!»
 И стал рассвет теперь с годами хмурым
 И утро давит — душу бередя...

Юлия ФАЛЬТЕР

Москва

ИЗ «ПОДОЛЬСКОЙ ПОЭМЫ»

* * *

Как будто наконец
нашёл слова

о том, что
посреди времён жива

та юность, боль
и рань в квартире старой,

и ты сидишь
склонившись над гитарой

и вновь её струной,
дрожащим звоном,

сквозь гомон
и подъезды пронесённым,

сквозь эти встречи
смутных одиночеств

неподалёку
от седых песочниц,

касаешься, как стен —
неспешной тенью,

утихших лет
и чистоты смятений.

* * *

Куда-то уходя
в бетонной дали,

мы с гаснущею
грустью покидали

забытых тех
песочниц города,

дворы и встречи
будто навсегда

и палисадников
чужие страны...

Тех новых дней
невидимые раны

для горьких, вечных
душу тайн открыли —

О юность.
Мотыльков седые крылья.

* * *

...Но здесь царит
неведомое детство —

живущее уже
лишь по соседству.

Вот стайками
к застывшим небесам

его играющие
голоса

то там, то тут
вспорхнут над захолустьем,

да скрипнет форточка
в вечерней грусти,

да с безмятежностью
вспоминанья

на глубине
усталого сознанья

от стен седых
то оклика, то смеха

подброшенным мячом
отскочит эхо.

* * *

Лететь над сонной
рябью старых улиц —

какое в лужах
небо распахнулось!

Быть лиственной
мольбе единоверцем,

в окно, как во
встревоженное сердце

впустить дыханье
кроткого простора,

чтоб от дождя
безбрежный запах-шорох...

Где вёсен тех
неслись, светили грозы,

где небо косами
метут берёзы —

вспоминаньем
горизонт догнать.

Где вся пустыня крыш,
седая гладь

раскинулась
небесной вдоль глуши,

вдали смежаясь
с заревом души.

И свежесть памяти,
и прошлое, и ты в нём...

Всё вновь пропело,
прошумело ливнем.

ЧАС ВЕЧНОСТИ

Месяц светит белым золотом.
Тишина на все лады...
Небо тонкое проколото
Тонким гвоздиком звезды.

Кромка ночи, ровно тающей,
На востоке не видна.
Ни румянца, ни луча ещё —
Но лазурь уже бледна.

В ровный свет, прохладно-сладостный,
Обратилась спелость тьмы.
Тишине неспящей, радостной
Вторим и внимаем мы.

Тонкий гул от гонга месяца,
Звон от крошечной звезды...
Жемчуг по небесной лестнице —
Соловей на все лады...

Так недвижна эта улица,
Где царят сады и лес.
Тучей лиственной хмурится —
И глядится в даль небес,

В глубь, уже совсем прозрачную.
Месяц-круг, звезда-алмаз:
Столь таинственно означенный,
Вечности так ясен час!

ТЁМНАЯ АЗИЯ. ПАМЯТИ БАБУШКИ

Россия —
леса и помойки,

земля воронья, кротовья.

Заводы и воды кладбищ,
что ловят сухие снежинки

весною.

Деревня —
лай в пустоте улиц.

Кварталы
столов и песен.

Недели приниканий
у холодных дверей,
поминки за стёклами
очередей.

Война
печная труба и берёза.

Поля провода и вёрсты
небеса
фотографий.

Следы по чашам, окопам
роса смертей,

возвращений.

На сырой земле крошки,
крест,

её дороги возносят в сырую темень,
топят ввысь.

Капли шуршат
по серой сени люпина.

Россия —
леса и помойки,

земля воронья, кротовья.

ТЁМНАЯ АЗИЯ. ПРАЗЕЛЕНЬ

из чаш
ветер тянет земляной слизью,
остья стоят как оси,
бутылки среди будыльев,
а страхи стерхами
громоздятся на вершины
души.

птицы хоронятся в кронах,
в рунах.

за ночь ямы и чаши листьев
набирают росы, по полостям
дупл застаивается темнота:
зияние — негатив
сияния.

(Меня нашли в канавке, так же
как кого-то в капусте или принёс
аист: тогда я попыталась
вспомнить и вспомнила, что
канавка была сырая, неглубокая,
у опушки нашего леса,
я лежала свернувшись).

Босые пальцы рабов и царей
обнимают роговые узлы корней
и камней,
улитки вытаптывают свои тёмные тропы
под седой хвоей по грибным комнатам,
по лесным лесницам
прыгают дятлы, уносится
взгляд, рябит серое солнце.

бурые листопады, хвойный прах,
снежные зёрна осыпают мать-
землю, слой белых трав
из-под зим,

накрывает дым
далёких костров и летят
волокна музыки с далёких
стоянок (тяжёлый сок
щёлкает,
ветер взъерошил угли).

Дымчатый гул дубрав вдаль
стелет песню, которую молча
пою.

НАБРОСОК К ПОЭМЕ

Подо льдом его пальцев
танцуют зрачки-бугорки.
Она тает, как тонкий
скелет конфеты.
В дыму колодца, в тине тьмы
зовут-зовут-зовут сверчки.
Над сырою землёй разливается
тайное, тайное лето.

Карнавал пугал её, как и всех,
чьи сердца из воска.
А он не подарил вечер,
он только погладил по щеке.
Третья пуговица рубашки,
шаги, движения и блёстка,
прилипшая блёстка на языке.

ДОНВУГЛЯ

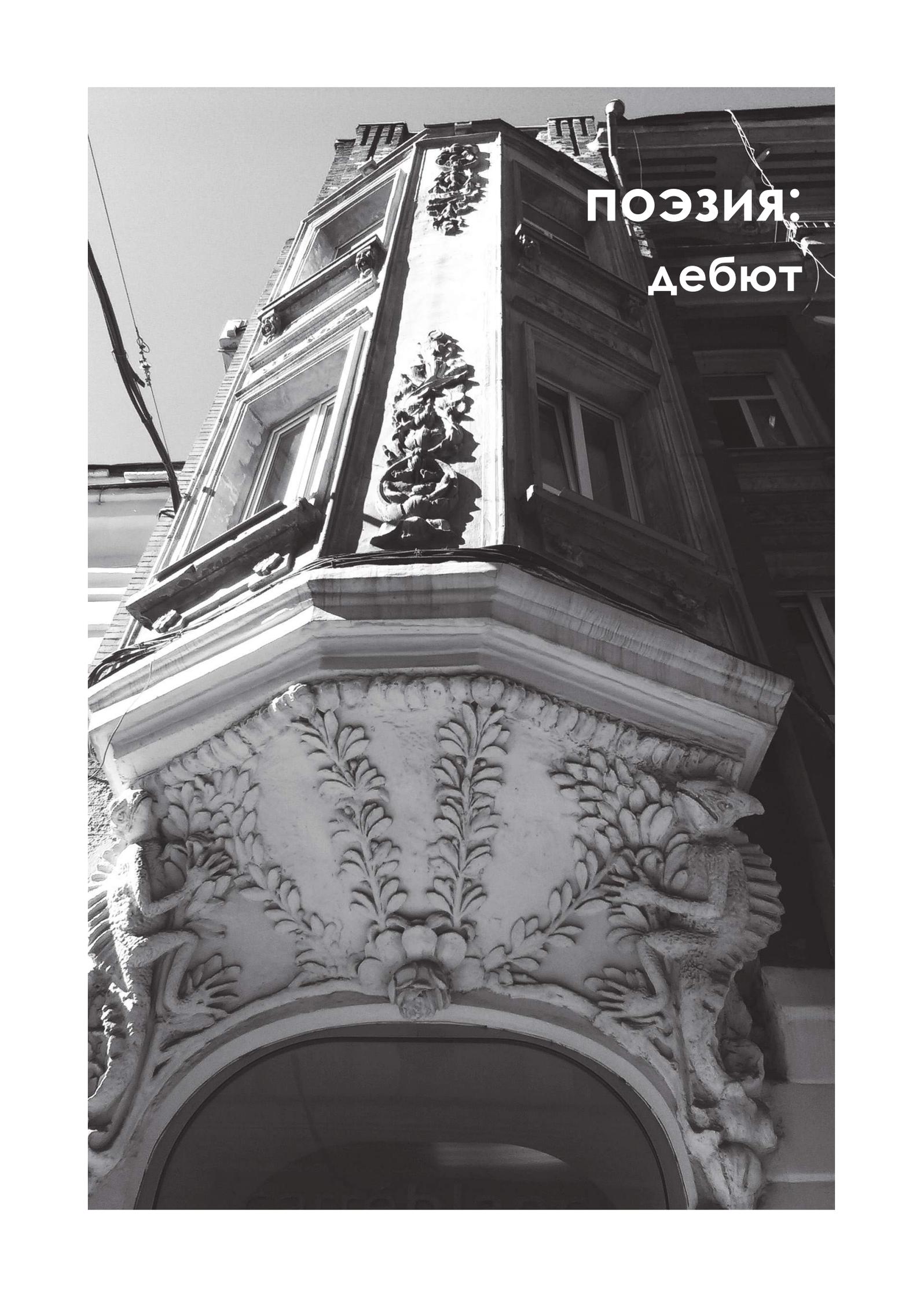
ДОНВУГЛЯ

5

ТАНГО

ВХОД

ремонт телефонов

A black and white photograph of a classical building facade. The image is taken from a low angle, looking up at a bay window. The bay window is framed by ornate carvings, including a central floral motif and two figures on the sides. The building's facade is highly detailed with classical architectural elements. The text "ПОЭЗИЯ: дебют" is overlaid in the upper right corner.

ПОЭЗИЯ:
дебют

ПОЕЗИЯ: дебют

Галина ПЕЧЕНЕЖСКАЯ

Харьков

Народилася 9 грудня 1983 року в Харкові. У 2006 році закінчила факультет психології в Харківському національному університеті ім. В. Н. Каразіна. Отримує музичну освіту. Захоплюючись життєвим прикладом Леонардо да Вінчі, вже спробувала свої творчі та наукові здібності у різноманітних професійних сферах: психокорекція, психолог телефону довіри, скульптор, борець із корупцією, бард, актор, вокаліст, художник-ілюстратор.

ГАМЛЕТЕ, ПОМОВЧ!

Хмуро, гнівно, нудить, зле,
На травицю дощ не лєє.
Прокрадаюсь вовком сірим
За паркан, зайці там є.

Догризають комарі
Мій останній дикий позов.
В животі урчить філософ:
Бідний Гамлете, я знав тебе...

Зайці жирні та без роду,
Завмираю напівходу:
Шкіряться, відомо їм,
Жодного із них не з'їм.
Крок ступивши за паркан —
В зайця обернешся сам.

За паркан ступивши крок —
Ти вже не голодний вовк,
Ти стаєш одним із них:
Пузо сите — запал зник.

Філософська ділема:
«Бути чи не бути? Ким?»
Гамлете, ти з'їв мій Рим
Із середини,
не треба рим,
Аби крикнути тобі:

«А я ж бо мріяв
про червоний капелюх!»

* * *

Ген, там, при дорозі
я залишаю
17 років у тривозі
про майбуття,
Бо тепер я кохаю життя
таким,
як воно є.
Я відрікаюся від репетицій,
бо з цього дня

кожен свій крок
присвячую першій
Великій
виставі,
що в неї єдиний глядач —
Бог.

ЛЮДИНА З ПАРАСОЛЕЮ

Під білою завісою
холодного дощу,
Зігрівши тіло ризою,
по килимі з хвощу
Крокує поряд з долею
людина з парасолею,
Людині з парасолею
так хочеться борщу...

* * *

Час,
його для мене немає,
я поза часом і простором,
ковтаю
повітря бажаних змін.
Було непросто
домовитись з Господом
про руйнацію смертю зведених стін...

* * *

Блукаю серед привидів минулого.
Шукаю логіку між мозаїками зі звуків
та запеченими у них паростками життя.
Не гаючи часу, Він
зрозумілою мені новоявленою мовою
складає нові послання.
У паралелі Я
виявляю себе.
Виявляю себе розгубленим привидом,
що блукає серед видатних імен майбуття.

* * *

Не было мне,
Не было мне,
Не было мне
Покоя
Ни в собственном доме,
Ни в королевских покоях.
Да в погреб свалился подобно картошке,
По карме, пора отдохнуть мне немножко.

В балованном,
Балованном,
Балованном
Мире
У них дважды два — не то что четыре.
Товар прорастает — ругаются власти.
В темном погребе все одной блёклой масти.

И
Не было б мне,
Не было б мне,
Не было б мне
Покоя,
Да в погреб свалился,
Получите героя!
Зацвел.

* * *

А. Р.

На моём окне мотылёк,
За стеклом, вне —
Я или он?
Там темно, но тепло за окном,
за него,
белокрылого,
не волнуюсь я.
Взяв себя и фонарь зелёный,
словно царь,
ухожу сольным
колокольным звоном
вдаль.
Когда солнце зальёт цветом бронзы
стены комнаты, —
ты мотыльком
снова забьёшься в оконце.
А после
в птичьем многоголосии
увидишь дверь открытую —
и полетишь
домой,
к Солнцу.

ПЕРЕВОДЫ

ПЕРЕВОДЫ

Галина БАБАК

Харьков — Прага

Martin BUBER

*«Если ты хочешь нарисовать птицу,
ты должен стать птицей»
Кацусика Хокусай*

* * *

Сначала я попросил тебя посмотреть на цветок глазами бабочки и стать бабочкой. Потом я попросил тебя посмотреть на воду глазами рыбы и стать рыбой. Теперь я прошу тебя закрыть глаза и быть.

* * *

Я тоже любил когда-то смотреть в зеркала. Пока не понял, что означает идти «дорогой каждого тела». Теперь я говорю себе смотреть на человека глазами человека и быть человеком. Который — любовь.

* * *

Всю жизнь делаю вид, что это мой мир людей, и знаю, что обманываю себя. Но если бы я открыл рот и сказал хоть слово, никто бы не услышал. Такие, как я, блудят улицами и говорят сами с собой. Потому что в мире слишком мало решеток, чтобы ограничить свободу каждого убогого. Улыбаюсь и молчу. Вижу в человеке — человека.

* * *

Сначала я сказал тебе быть пустотой, и ты заполнила меня до краев. Потом я сказал тебе быть светом, и ты ослепила меня изнутри. Где рамки безумий? Я иду дорогой каждого тела, в котором узнаю себя. Радуюсь и плачу.

* * *

Шум шагов овладевает пустотой. Ожидание разное. Звонки прерывают мысли. Поднимаю голову и вижу облака. Привет! До понедельника, до спасения, до нового переплетения дорог, встреч, снов. Я тебе дорог, как ночь сотворения мира двоих.

Дмитрий ЖУКОВ

Харьков

Публикуемая пьеса в семи сценах являет собой достаточно любопытный и редкий в современной литературе пример удачного перевода автором своего произведения на иностранный язык. Продолжение. Начало см. в ЛАВЕ XVI - XVII.

The forsaken legacy: the redemption path

Continuation

See the beginning in the “LAVA”, 16-17

Scene I: Light and Darkness

Part IV: “Edge of reality”

Storyteller dark

A wounded man lies motionless on the battlefield. He is still alive but there is no doubt that his end is coming. The warrior wears a white tunic with a red cross on his chest. He knows that he has got only a few minutes, maybe even seconds. Crusader’s whole life flashes before his eyes as he dies.

Crusader

I grew up in a family of a noble man who taught me that a blade is a double edged weapon. This weapon always cuts both ways. But do we really think over it when we draw our weapon? Guess not. Even when

Утраченное наследие или путь искупления

Продолжение

Начало см. в 16-17 номерах журнала “ЛАВА”

Сцена I: Свет и Тьма

Часть IV: Грани реальности Рассказчица

Перед глазами — поле брани, а в спину дышит всадник смерть. В глазах твоих угас огонь и лезвие меча, ударившись о камень, осколками развеялось по полю брани, пронзив врагов, пронзив друзей, пронзив тебя. В груди теперь торчит осколок, в груди теперь зияет рана. Смех всадника разносится повсюду, где вороны клюют поверженных в бою! Ты верно смерти послужил, но мёртвым всаднику ты более не нужен! И жизнь лишь за секунду пронеслась перед глазами Крестоносца.

it is over little chance we have to be caught by this revelation. One day it will pierce you through leaving a cold feeling of emptiness. Feeling of the very end that you should have seen coming. At least this would be your revelation. There is always someone stronger. Faster. Younger. Or it may even be a lowly thief. There is no honor in death, less honor you will find in brining it. I caused many trouble in my life, slaughtered and butchered everyone in my path. Though, I wear a cross I do not deserve to be called a crusader. I thought that wearing a sword and being capable of using it gives me the right to call myself a knight. Killing in a fight, whether it is a battlefield or a duel will fashion me as a skilful warrior and a fencer as well. I believed that I am a man of courage. Too late I have realized that I am no better than a looter, nothing more than a murderer.

I have become equal to those who my father despised most of all. I neglected his warnings. Considered them futile ravings of a madman. I have paid for my own madness. My old, wise father tried to keep me not from a thief's dagger but from becoming one of them. Father, forgive me. What a stupid arrogant scum I was! I never tried to understand why your eyes were full of pain and sorrow. You tried to stop me, but you never really could. And now as I lie and hear the far sounds of the end of battle. I feel the cold blade of arrows digging into my flesh. I became too powerful for a thief even to think about robbing me or killing me when I was wallowing in mud heavily drunk. I could even parry an arrow, but half a dozen of them it is impossible. Even for such mad man that I was. Without humility courage is a dangerous game. I wasted my life, wasted so much time fighting for popes and priests. Those who robbed us, taking away not only our trifling coins, musty bread that we saved for our hungry and sick infants but robbed us depriving of our faith, of our God, of our last hope to find salvation and redemption. They are the servants of the Prince of Darkness. The crusade in which I participated was not sacred, but the damned one. Cursed. The idea was not to save, to preserve but to claim what never was or ever would be ours. The knights. The holy crusaders were mere thieves, robbers, butchers, and murderers. The Saracens. Those infidels, the pagans, the fiends as we used to call them protected their houses, their families, their sons and daughters. And we called them dogs. Why did they never think of coming to our land and save us? To save from what? Gold? Silk? Exotic women? To live out a life I needed to understand what a mistake I have made. I was wrong and I would have to pay with my own soul. It is the smallest punishment that I deserve.

Storyteller dark

⌘ A dead man lies on the battlefield. Crusader does not hear the far sounds of the battle any longer. The warrior does not know that the battle is over and that

Крестоносец

С рождения учил меня отец: “Меч — символ благородства, не каждому дано его познать. Меч призван защищать. Клинком парировав удар, ответить на удар ударом не спеши. Не трудно жизнь отнять чужую в драке, труднее жизнь отняв, — продолжить с этим жить. Однажды сталь пронзит тебя, оставив холод пустоты внутри самой твоей души. И вспомнятся слова мои. И вспомнишь всё, чему учил тебя. И смерть внезапно станет откровеньем. Меч служит нам напоминая: не для забавы рыцарю он дан”. Я слишком поздно осознал, что меч напоминает нам распятие. Распятие крестоносец носит в сердце. Мы — ножны для души. Прославил меч меня в дуэлях, в сражениях я смерти братом стал. Я жизнь чужую ценить не утруждался никогда. Теперь лишь осознал, что равным стал всем тем, кого так презирал отец. Отверг спасительное наставленье, остался глух к словам несчастного отца. Поход воров и проходимцев с крестами на груди закончился трагедией ужасной. Жестокая толпа бродячих псов неслась безумным вихрем на врага, сметая города. В оплату за “спасение” святой земли пречистые отцы нас наградили “справедливо”! Мы слепо шли ко дну сквозь жар и холод, не ведая, не слыша, как духи зла ликуют! Прокладывая к раю путь, мы углублялись в дебри преисподней. Свирепые пустынные ветра хлестали нас нещадно, но мы громили нашего врага за стенами таящего “спасенье” крестоносца. Не ведали, как сила истинного Бога слабеет в каждом крестоносце, а сила дьявола стремительно растёт. Тщеславие сгубило наши души. Мы ввергли мирозданье в хаос жестокостью своих сердец! Прости нас, Бог! Но, нет! Не смей прощать! Я кару понесу любую! Пусть жизнь моя другому станет наставлением. Тому, кто меч в душе осмелится нести. И впредь никто чужую жизнь во имя Бога отнимать не смеет.

Рассказчица

Он умер. Крестоносец мёртв! Не слышит более он шума битвы. Не ведает о том, что кончилась война. Он умер! Крестоносец мёртв! Одним он — друг, а для других всего лишь враг. Тот взгляд, потухший, в небо голубое устремлён. Его хотел запомнить Крестоносец. Тот взгляд как будто в небе ясном хочет Бога разглядеть. Но мёртв несущий красный крест! И неба голубого видеть он не может. Не может рассмотреть его мертвец!

Крестоносец

Конец! Конец настал... пришёл конец! Безумцу справедливая награда за безумство. Душа заплатит дань за зло. Но прежде были мы едины: душа и плоть. Рука сжимала меч, что резал и рубил.

is so because he is no more. The warrior's lifeless glance is fixed on the sky. His lackluster eyes seem to be making something out in it. However, it is impossible. There is nothing in this world that a dead man can see, let alone making something out.

Crusader

And that is all. Me, the soul, is gazing upon a dead body. Once we were one. The right hand which held a sword that cut and slashed. The left hand which held a shield and protected this fragile body. But the shield fell into pieces under the stabs of maces and hammers. And when they have done their job, the arrows have song for me a farewell ode. I do hope that one day the priests and popes will end up like this. They will remember those lies they have preached. Now I know that we should fear not the one who destroys flesh, for it is the law of nature to die and to rot in a pit. But the one who destroys and enslaves souls. A soul is a small part of God and we so thoughtlessly waste our most precious gift, living out our lives in oblivion. The infinite forces are always close. They do not lie. It is us who deceive ourselves. Be done with it. No more regrets. No more remorse. I am ready to pay the price.

Divine Voice

Like the one who repent hanging on the cross next to My Son, you have not wasted your life. Yet, I cannot allow you to enter the Realm of Light in the World of Order right now. However, I will not send you off to the Nether Realm. You deserve neither to joy, nor to suffer. The transgressions of yours are grave, but there is still hope for you. On your way you followed blindly the commandments of those who were supposed to help your kind to become enlightened. Part of your sins weighs heavily upon them for they have encouraged you. Now you see and realize that My Will has nothing to do with the desires of those who dare saying that they hear My Voice, who pretends to claim that through them My Will reaches the hearts of common folks. They rip of you the last coin that you save to buy and feed your children. They spend their lives in reveling, feasting, gluttonizing, committing adultery, committing atrocities. They have chosen to sin and their sins will devour them inevitably for they will never be forgiven. Unlike you, whom I grant the right and powers to save them — sinners, whose souls half rotted can still be cleansed of the dirt of their pathetic, vile and brute impulses and desires.

(to be continued...)

Рука сжимала щит, хранивший тело от ударов. Удары молотов и сабель сломили оборону, а стрелы нам пропели гимн прощальный. Надеюсь, день придёт расплаты скорой. Лжецы познают боль и тяжесть стрел, и копий, мечей и бердышей ударов грозных, ломающих щиты, дробящих кости. И вспомнит проповедь свою священник, сгубивший нашу плоть и отравивший ядовитым словом наши души. Частичка Бога умерла во мне, глупце, обманутом, прожившим бесполезно жизнь. Однако, будет с этим! Ни сожалений! Ни сомнений! Ошибку осознал и цену за неё готов я заплатить сполна!

Божественный Голос

Раскаявшись, ты свет угасший вновь разжёг в себе. Проступок осознав, ты не растратил жизнь впустую. Однако Рай не ждёт тебя. Врата Небес закрыты для тебя пока. Грехи ты прежде должен искупить. Вина немалая клонит весы, но в мире тени для тебя нет места. Обманут тем, кто слово Божье извратил себе в угоду и вдохновил тебя на зло, скрыв замысел свой подлый. Им должно неустанно просвещать слепых, а зрячих ежечасно наставлять. Теперь ты знаешь, Крестоносец, не Божья Воля в их устах, а лишь слова, которым ты поверил слепо, и в этом самый страшный грех. Мой Голос и Слова достигнут тех, в ком сердце нежно бьётся, в ком мудрость призывает свет, кто ближних пробудит от тёмных сновидений, и злой отринет зло. Спаси того, кто погубил тебя. Верни им честь, погрязшую в пороке. Верни любовь тому, кто зло к другим питает. Сор вымети из дома. Бурьян из сада рви нещадно. Гони лжецов и подлецов. Обманутым верни надежду на спасенье. Тогда заслужишь ты прощенья.

Продолжение следует...

Юлия ФАЛЬТЕР*Москва***Lisa MAYER****BLICK ZURÜCK**

Horch
dieses weiße Gelächter
beim Aneinanderklingen
der Namen

Auf einen langen Blick
gefädelt Bild für Bild

Hinter Glas zittert
ein dünnhäutiges Kind
In seinen Händen schäumt Licht
von den Fingern
tropft leuchtender Honig

Eine alternde Frau
mahlt gemächlich die Zeit
Wort für Wort
zerfällt lautlos zu Staub

bäckt helles Brot daraus
in den Wintern
Schneerosen im Haar

Лиза МАЙЕР**ВЗГЛЯД НАЗАД**

Слушай —
этот белый смех
когда друг о друга звякают
имена

На долгий взгляд
нанизаны картинка за картинкой

За стеклом дрожит
ребёнок с тонкою кожей
в его руках пенится свет
с пальцев
капает сияющий мёд

Стареющая женщина
мелет неспешно время
слово за словом
беззвучно распадаются в пыль

печёт из него светлый хлеб
зимою
снежные розы в её волосах

DER ACHE BREF

Wir wirbeln die Zeit
fliegen westwärts im Schlaf
in die rasenden Lichter der Nacht

mischen den Schneesturm
mit Küssen, verlöschen

sinken weiß blühend
zurück in die Kleider
in Haut und Gedächtnis

Ein Kelch randvoll mit Schweigen
berührt unsre Schläfen

Wir ahnen im Wiegen der Bäume
unser schwankendes Bett
aus kommenden Tagen

**DAS MEER RAUSCHT
IN DEN PAPPELBÄUMEN**

das Nordmeer
geschüttelt, gerüttelt
die paar Wünsche fallen satt von den Bäumen
dem Wind auf die Schulter
der reitet davon, lachend
zügelt geflügelte Rosse

Endlich fallen von den Augen die Waben
die Honigwaben
darunter im Dunkeln gewachsen
das Augenlicht

Grün fließt es über die Felder
glitzernde Leuchtzellen überall
Das Meer rauscht in den Pappelbäumen
der Wind erntet silberne Fische

ВОСЬМОЕ ПИСЬМО

Мы закручиваем время воронкой
летим на запад во сне
в стремительных ночи огня

мешаем снежную бурю
с поцелуями, гаснем

никнем бело цветуще
обратно в одежды
в кожу и память

Кубок, полный до краёв молчаньем,
касается наших висков

Мы в качаньи деревьев провидим
нашу шаткую постель
из дней грядущих

МОРЕ ШУМИТ В ТОПОЛЯХ

Северное море
раскачано, встряено
пара желаний сыто падает с деревьев
на плечи ветру
что скачет оттуда, смеясь,
взнуздав крылатых коней

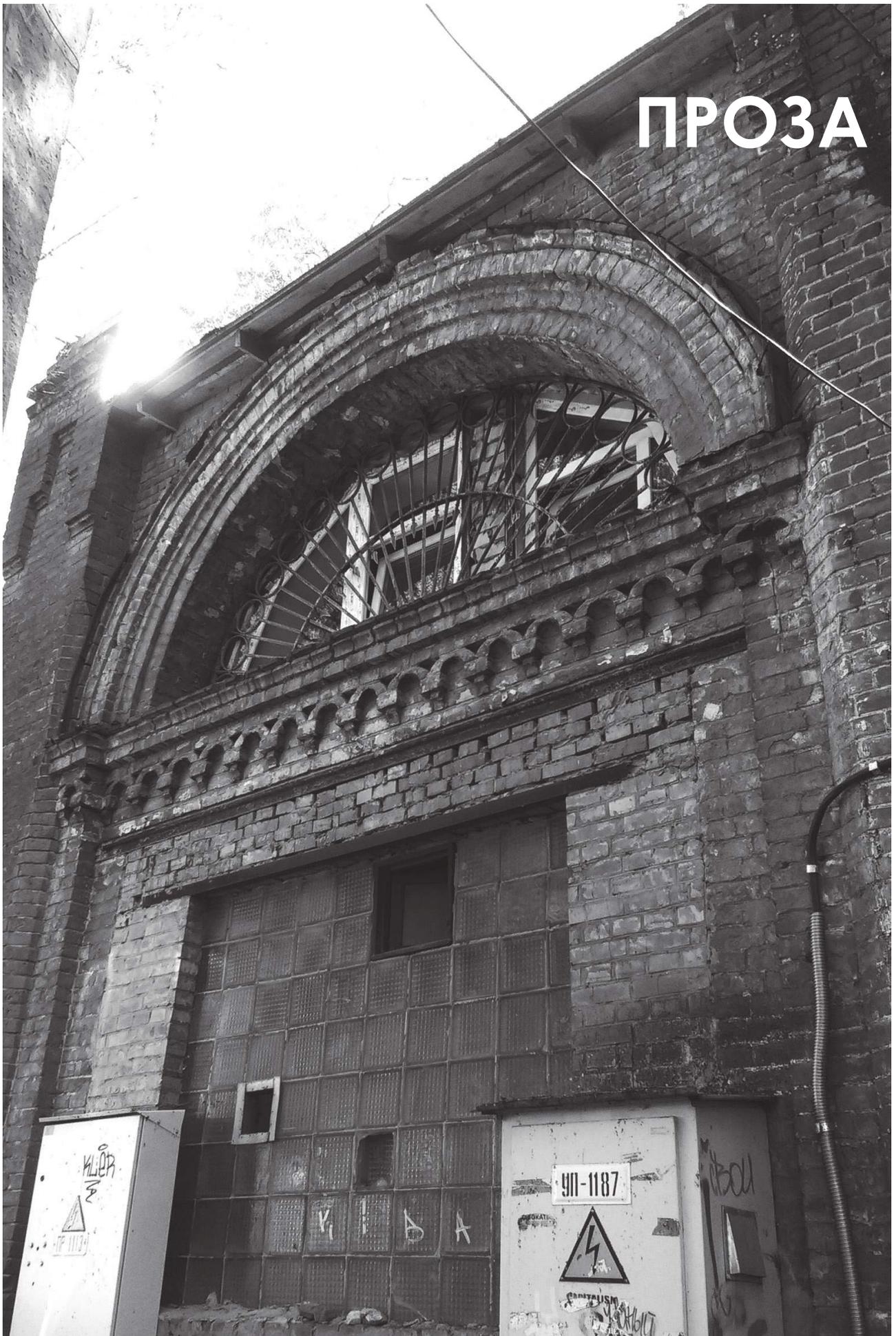
Наконец падают с глаз соты
медовые соты
под ними в темноте вырос
свет очей

Зелено льётся он по полям
сверкающие клеточки света повсюду
море шумит в тополях
ветер собирает улов серебряных рыб

ПРОЗА

ПРОЗА

Андрей ГЕНИН

Харьков

СЕМЕЧКИ

Стояла осень — то ее время, когда лето, прежде чем неспешно отступить перед дождями и прохладой, ярится зноем, насыщает воздух ароматом перезревших трав, запахом мёда, стекающего с разбитых приторно сладких слив, груш, яблок и бахчи... В воздухе стоял густой гул насекомых, которые из последних сил стремились собрать как можно больше осенних щедрот, совсем не обращая внимания на то, что падь для зимовки не годится, и горе тому пасечнику, который прозеваает сей сбор у своих пчелиных семей по неопытности, по неразумению, младости или обычной так нам всем присущей беспечности. Не выжить пчеле на пади, как ни крути, сахара в ней, может, и много, а вот пользы для жизни мало, а посему мёд этот — порочный. И нету в нём ценности никакой, только перспектива печальная и безжалостная для дружной весёлой пчелиной братии.

На пыльной, вьющейся ужом меж полей дороге остановился уазик. Пожилой крепкий дядька в серой от пыли и пота рубашке и тёмных неопределённого цвета штанах смахнул с лица пот, посмотрел на приспущенное переднее колесо и ударил по нему, словно нехотя, носком тяжёлого грубого

сапога — только пыль пошла. Колесо нужно было срочно подкачать... Человек вздохнул и с выражением недоверия откинул брезент, закрывающий заднюю дверь автомобиля. Выражение лица сменилось на удивлённое: насос лежал в ящике для инструментов, прямо сверху, наперекор всем опасениям. Сняв старенькую тряпичную кепку и привычным движением плюнув на руки, он принялся накачивать колесо. Резкий окрик заставил его вздрогнуть и разогнуться — неподалёку стояла чёрная «Нива», появления которой он совершенно не слышал. Из «Нивы» вышел холёный смуглый парень с тяжёлой золотой цепью на шее и таким же вызывающе вульгарным перстнем на правой руке.

— Привет, агроноом, — громко и со вкусом протянул он (иногда так делают дети, узнав новое интересное словечко). — Я тут тебе зарплату принёс, — он многозначительно посмотрел на молчаливого собеседника и расхохотался. — Молодец! Всю партию ваших семечек я пристроил почти в два раза дороже. Так что вот твоя часть, — парень деланно вытащил из кармана пакет. — Здесь восемьсот зелёных, — он прижмурился, подбирая наилучший эпитет к банкнотам, — хрустящих, практически новых баксов, — закончил он.

Слово «баксы» было произнесено с такой любовью и нежностью, как произносят имя самого любимого и родного человека.

— На следующей неделе дам знать насчёт удобрений и гербицидов... ждём поставку. И не мнужуйся ты так, Степаныч, — добавил он, увидев состояние колхозника. — Мы нормальные партнеры, если что — с наличкой можем и подождать, а коль не будет, мы и зерном возьмём.

Парень довольно захохотал и протянул конверт Степанычу. Тот стоял красный как рак и хмурился, глядя куда-то вдаль.

— Да ладно тебе, не строй из себя красну девицу, — посерьёзней вдруг фирмач. — Я же знаю, вы у себя в Петровке зарплату уже два года не видели, а у тебя сына пора в вуз определять, да и дочь на выданье...

Степаныч при упоминании о детях как-то неловко вздрогнул и растерянно посмотрел на белый конверт в руках фирмача — там лежали деньги, которые он заработал, занизив стоимость партии семечек. Всё внутри протестовало, но денежный голод, когда на руках двое взрослых детей и супруга целыми днями пилит... Эх, да что там говорить... Он взял конверт и полез в свой УАЗ, багровый от стыда.

— Так что там насчет удобрений? — прищурил глаза фирмач. — Я ж теперь на тебя рассчитываю по полной программе.

Что-то в его голосе заставило вздрогнуть Степаныча, и он посмотрел наконец в глаза молодому дельцу.

— Я позвоню, — выдавил он.

УАЗ фыркнул и, подняв облако желтоватой пыли, понёсся прочь. Выбравшись с полевой грунтовки на трассу, он проехал еще несколько километров, пока не свернул на Петровку. По дороге топал дедушка с палкой на шее, с конца которой свисала серая увесистая котомка.

Машина резко затормозила у обочины, и дедушка, крихтя и выказывая весьма удивительную для преклонного возраста ловкость, залез в машину, бросив куда-то назад свою объёмную котомку. Наконец протянул руку Степанычу.

— Ох, и спасибо ж тебе, мил человек. Я уж думал — идтить мне до вечера. Вчера бабку свою, Степаниду Матвеевну, в городскую больницу отвёз. Вот теперь додому возвращаюсь. Страшно подумать, как там моя скотина... Детвора, конечно, обещалась присмотреть, — он покачал головой. — Но, ты же знаешь моих оболтусов — на соседку Матрёну надежды больше. — Старик тяжело вздохнул и умолк.

— Что, Никифорович, совсем плоха Матвеевна? — вдруг спросил молчавший до этого Степаныч.

Никифорович вдруг резко обернулся, словно впервые увидав Степаныча.

— Э-э-э, агроном, да ты, пожалуй, похуже моей старухи выглядишь... Случилось-то у самого что? На тебе, как я погляжу, совсем лица нет? — Он выжидательно умолк, буравя Степаныча глазами.

Но тут УАЗ вскочил в яму, всё в машине аж закрипело. А лица обоих перекосились, словно от зубной боли.

— От, чортове насіння, мать бы его раз так! — выругался старик. — Хороший тракторист, но как нажрётся, себя не помнит. По беспамятству перепахал нам асфальт, а нам теперь мучайся кожный раз...

— Так что там старуха? — как-то сухо прервал его Степаныч. Старик же вдруг вздохнул и посмотрел куда-то прочь, пряча глаза.

— Пришло ей время помирать, аспирацию покупать незашто. Доктора́ дали два дня подумать, а чего тут думать, я забыл какие они, гроши, на выгляд.

Степаныч вдруг нажал на тормоз и, весь посветлевший, почти с детской радостью, уставился на старика.

— Сколько? Сколько? — вздрогнул он всем телом, словно женщина перед родами, охваченная схватками. Но Никифорович не видел волнения Степаныча, он смотрел куда-то вдаль, и мысли его были далеко...

— Хирург грит, две тыщи американских денег стоит та хирургия. Однако, учитывая обстоятельства и ваш возраст, грит, хоть восемьсот доллоресов нужно обязательно — по его словам, это

по себестоимости, — он медленно, протяжно и с недоумением произнёс это слово и бросил взгляд на Степаныча. — Я всё никак вот в толк не возьму, это что же, скальпели и нитки нынче такие дорогие? Или новокаин так подорожал? Мы ж их, оболтусов, учили-учили, страну для них берегли-берегли... кровью, потом..., а чтоб, значит, право на жизнь получить, теперь надо к ним обращаться! Да ещё столько денег сыскать, сколько у меня отродясь не было. Мы ж всё больше не за деньги жили, мы — за идею...

Старик снова взглянул на Степаныча и на этот раз не на шутку испугался:

— Ты што, родненький? Уж не сердце, часом?

— Да нет, отец. Напекло, видно, нынче. Ты вот что... долг мне сегодня отдали... я тут подумал: не мне его отдали, а тебе... вернее даже, твоей Матвеевне. Вот, Никифорович, — протянул конверт. — Сделай милость, попроси доктора, чтобы всё было как надо.

Никифорович медленно заглянул в конверт и ахнул. Ёлы-палы, так вот какие они... Он внимательно посмотрел на Степаныча, их взгляды встретились на несколько долгих мгновений. Иногда слова не нужны, они бывают глупы, пусты и нелепы. Все, что требовалось понять, было понято. Степаныч развернул УАЗ и погнал его назад к трассе. Скоро должен был подойти вечно опаздывающе-спешащий в город рейсовый автобус...

Марина ГУРТОВАЯ

Харьков

Швидесенько моя уява змайструвала під вінком реальний чоловічій хромовий чобіт (в таких чоботях ходив на хуторі мій дід, коли я мешкала у бабусі), а саме підшву, що безсуперечно якось стирчала, визираючи якось нахабно на мене з-під одного із квітучих вінків. Мене залякло: уявіть, що ці солдати навіки — брати. Вони лежать у глибокій могилі і їх так багацько, що навіть я, маленька дівчинка, бачу зараз їхні ноги, взуті й досі у солдатські чоботи. Отак, моя уява ковтнула мене ще в дитинстві, і не раз. Це з одного боку дивлячись, з другого ж, той, хто має її, є диригентом свого внутрішнього оркестру.

Бо кожний оркестр це — підібраний талановитий колектив субособистостей, який потребує постійних репетицій і, звісно ж, гастролей. А як же уява і без гастролі? Кожна гастроль — це подорож назовні. А подорож викликає спрагу, то ж ковтаю, ковтаю, ковтаю...

ПРО СТРАХ

Хто має уяву, той корегує і відбиває гніт зовнішньої дійсності. Все внутрішнє вибивається назовні, але те, що глибоко, — воно таке велике і жахливе, що ніколи не з'являється на очі. Це — тихий жах, і ти ковтаєш слину так довго, немов у тебе заляло горло. Страх, то не те, чого варто боятися, то — найперша конвульсія при глибокій заморозі. Страх це — безвідповідальне запитання в безкрайню пустелю безсвідомості. Кишеньковий ліхтарик для маячні у п'їтмі. Страх починається з маячні, а закінчується нерухомістю. Тому нерухомість і майно, це від страшної маячні. Бо саме страшне, це не те, що знаєш, а те, що майструє твоя уява. Вона приголомшує тебе і ковта, ковта, ковта.

Пам'ятаю в дитинстві: йду з мамою повз братську могилу і вічне багаття. Мені років з п'ять-шість (з часом вікові пороги розмиваються), запитую: «Навіщо це багаття, що ніколи не тухне, навіщо ці несправжні квіти у величезних вінках?» Мама: «Була колись страшна війна. Сила силенна людей загинула відразу, тому і поховали їх тут у одній великій могилі один на одному...»

Давид ДАНИЛОВ-АБРОСИМОВ

Харьков

РАССКАЗЫ В ОДНУ СТРОЧКУ

* * *

Интеллекту — атлетический фундамент.

* * *

Риэлтерство в СНГ — школа наглой лжи.

* * *

Атеизм распоясывает.

* * *

Идеализация ушедшего времени — признак старения.

* * *

Надежда испытывает терпение и толкает на риск.

* * *

Политики, называющие народ на «ты» (Ты достоин... Твой выбор правильный...), держат его за дурака.

* * *

Прежде люди рано умирали телесно, теперь они раньше теряют душу.

* * *

Мужчины не становятся лучше, называя себя «настоящими мужиками».

* * *

Всенародное обсуждение и демонстрирование секса увеличивают жажду развлечений, но снижают желание иметь потомство.

* * *

В киноискусстве героизируются воры и убийцы. Значит, это нужно большинству?

* * *

Капитализм отдал мир детям: молоко на губах у звезд кино и шоубизнеса, моделей, секс-символов и даже у политиков.

* * *

Люди мнят о себе что угодно при любой власти.

* * *

За всю историю человечества достигать социального веса безродным — это должно бы настояраживать.

* * *

Социум — лазарет, где хворые не видят врачей.

* * *

В СССР стартовала гонка за длинным рублем, СНГ подхватил эстафету.

* * *

Хотите насолить врагу? Похвалите его в Википедии.

* * *

Жизнь — это преодоление страха.

* * *

Первых букашек, проснувшихся весной, убивают заморозки. Долгожительствуют лежебоки.

* * *

Уверенность в себе базируется на преодолении сомнений.

* * *

Избирательное отношение к способу заработка выявляет (и даже определяет) личность.

МИНИНОВЕЛЛЫ

МЕРЗОСТЬ

Восхождение на пик Пачмур заняло три дня. Тут царили девственная красота и мужская суровость природы. Прильнув к скале, уставшие альпинисты не раз освободили свои мочевые пузыри. Возвращаясь, один альпинист поскользнулся на ледяной моче и разбился. Потом поскользнулся и упал другой, третий... Так они все погибли. А Хармса среди них не было. Вот.

ВРЕДНЫЙ РУССКИЙ МАТ

Космонавт Уткин вышел в открытый космос починять антенну. Звездолетчик, рассматривая Землю, охнул от волнения и потерял молоток, затем грязно выругался. Иностраный звездолетчик Фрэнк вспомнил лицо тещи на орбите и упустил железный болт: «...» (тирада по-русски).

Астронавт Макентож напоролся в космосе на кем-то забытый гаечный ключ и набил себе шишку. Он забористо ругался и собирался домой, но его ракета столкнулась с космическим мусором и взорвалась.

От ругни матом — и на небесах один вред.

ЦИКЛ

Альвина смотрела на себя в зеркало и восторгалась.

Альвина внимательно смотрела на себя в зеркало.

Альвина не очень любила смотреться в зеркала.

Когда Альвина глядела на себя в зеркало, у нее портилось настроение.

Альвина случайно посмотрелась в зеркало...
Пришли соседи и завесили альвино зеркала черным платком.

ПЕРСПЕКТИВА

3170 год. Историк Ризкин садится в Машину Времени и переносится в прошлое.

2013 год. Перенос прошел удачно. Историк Ризкин выходит и поджигает свою Машину Времени.

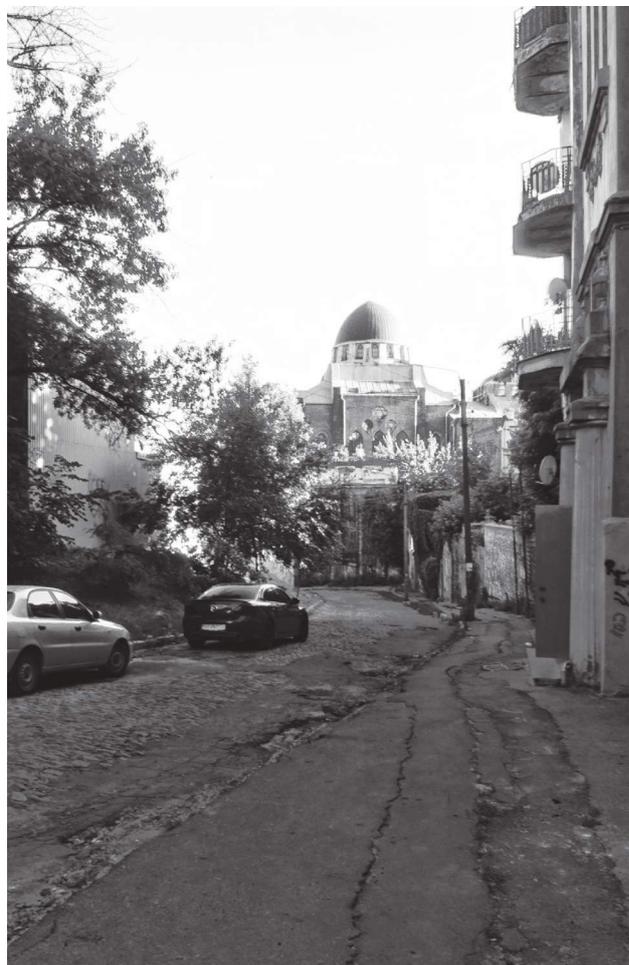
Похожего на грушу трехглазого и однопалого пришельца окружают удивленные дикари. Они станут изучать его до опупения. И тайно замучают, но историк Ризкин доволен, ему тут приятнее, чем в 3170 году.

Насчет светлого будущего люди много врут.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Дурдом! Сил моих нет. Помогал людям как мог. Но не смог. Прошу уволить по собственному желанию.

Ангел-Хранитель.

Дмитрий ЖУКОВ

Харьков

МЕЧТЫ И ВОСПОМИНАНИЯ

Мир рушится. Мир гибнет. Всё рушится перед глазами и каждый гибнет под ногами другого. Мир повергнут? Мир погиб? Нет, он только рушится и постоянно гибнет перед нашими глазами, под нашими ногами. Мы гибнем под чьими-то ногами. Когда мы погибнем, мир лишь только будет рушиться перед глазами и гибнуть под ногами. Когда-то мы поклялись сохранить и спасти мир. Когда-то мы клялись друг друга помнить и хранить. Мир гибнет. Он рушится. Гибнут наши воспоминания, рушатся хранимые нами мечты. Гибнем мы, а мир следом за нами.

Быть может, мир погиб уже давно? Быть может, мир лишь жил нашими, твоими и моими, воспоминаниями? Быть может, наши мечты хранили его? Когда же, когда мир начал рушиться, начал гибнуть под ногами? И нашими ли ногами? Быть может, вместе с миром мы гибли под чужими ногами?словно мир — часть тебя и меня, а мы — ты и я — осколки друг друга. Осколки разбились, забыв мечты, выбросив воспоминания о мире и друг о друге. Мы клялись помнить и хранить! Когда-то клялись миру друг друга помнить и хранить.

Гибель мира сопровождается столь восхитительными звуками, рождающимися музыкой смерти в недрах земли, звучащими голосами боли в небесах. Мир рушится и гибнет. Я же смотрю за тем, я наблюдаю за тем, как на смену пустым мечтам и лишь словам приходит покой. Где-то там вдалеке стоишь ты, и, быть может, думаешь о том же. Мы клялись сохранить и спасти наш мир, даже если этот мир уже ничто не сможет спасти и сохранить, даже если этот мир погибнет под нашими ногами, разрушится перед нашими глазами. Мы клялись...Ведь ты помнишь? Скоро мы увидим...Нет, мы уже видели во взглядах друг друга, как погиб наш мир. Мы пережили эту смерть, гибель пустых надежд. Остались лишь воспоминания, но и они покинут нас, когда мы погибнем в этом мире, утратив наш мир. Пока ты не попросила меня первой об этом, я прошу тебя: “Позволь мне погибнуть под твоими ногами. Позволь. Позволь мне помнить о тебе всегда. Позволь просить тебя помнить меня. Позволь миру помнить нас такими, какими мы клялись хранить его в наших воспоминаниях. Позволь...”.

Когда наступит конец, мы разлетимся по космосу бесчисленными песчинками далеко друг от друга. Быть может, мы осядем, словно пыльца с других цветков на цветках другого мира. И там родятся похожие на нас дети цветов памяти. Какие клятвы они дадут друг другу? В чём раскаются, в чём усомнятся? Что посчитают пустыми мечтами? Отбросят ли воспоминания, в которых мы припоминали наши собственные клятвы нашему миру? Моя дорогая песчинка, ты помнишь? Ты не забыла наши мечты, наши клятвы? Как жаль, если забыла. Но ты вспомнишь. Обязательно вспомнишь, когда и эти миры обратятся в сонм песчинок, что осядут в иных мирах, где дети наших детей цветов памяти подарят друг другу мечты. И от них останутся лишь воспоминания. Пусть не сбудутся мечты, но они будут лететь, они будут стремиться песчинками к другим мирам. Как далеко они долетят? Быть может, в других мирах, на других планетах мы встретимся вновь и снова подарим друг другу мечты, которые вновь обратятся в песчинки блуждающие среди просторов космоса в поисках друг друга? От этих воспоминаний во мне пробуждается новая мечта — встретить тебя и вновь пообещать тебе. Пусть ты не хочешь вспоминать, ты не можешь не помнить, не можешь не желать того, чего желаю и я. Мне так больно и так хорошо от этих воспоминаний.

Мир гибнет. Мир рушится. Не погибли лишь наши воспоминания друг о друге. Не погибли наши мечты вновь повстречать друг друга.

Александр ЗАРХИН

Харьков

ТРУБА

рассказ

Какой-то этот город голый, как поздней осенью, хотя сейчас сентябрь. Голый и схематичный, вроде кабинета. Может, потому, что фасады без лепки? Людей мало и одеты они в серое.

Мы идем по центру Курска и хотим найти Сейм. На карте — вот он — голубая полоска, но нам нужен предметный план.

— Какая это улица?

— Ленина. Она тут главная.

— Как это, главная?.. А что это за труба?

— Фабричная, наверно...

— Что там написано?

— Сейчас посмотрим.

Снимаю с Люсиной шеи бинокль, который болтался на ней неуклюжим, тяжелым кулоном, смотрю:

— 1985. В том году она выросла.

— Разве такие трубы растут? Что она, дерево?..

А кто ее посадил?

— Жители Курска, наверно.

— Курки и Курки?

В бинокле труба кажется железной. Это другая труба, дворовой котельной, а под ней я двадцать лет назад. Смотрю вверх. Восемьдесят ступенек отделяют меня от самого высокого места на земле, и я хочу сделать эти шаги по лестнице в небо, по скобам, которые приварили сбоку.

— Что у тебя за бинокль, показывает черте что!

— На что смотришь, то и показывает. А что ты там увидел?

— Свое детство.

— Что-что?.. Дай посмотреть! Ну и детство у тебя! Там же труба! Такая же, как если просто смотреть, только больше.

Входим в сквер. Впереди сквозь деревья просвечивает небо. Оказывается, там обрыв, а под ним вдаль домики за заборами и садики во дворах. У нас в Диполе такого больше, хотя и эти кажутся аккуратными, особенно издали. А ближе, внизу, река, но это Тускарь, ее мы знаем, видели уже не раз — и на карте, и так.

Садимся на скамейку. На соседней сидят две девушки, рядом — мужчина в усах. Он что-то говорит и двигает руками, как будто стружит брусок. Девушки переглядываются, хихикают.

— Пап, а что они там делают?

— Вроде, знакомятся.

— Они как воробьи на проводе. А он тоже птичный... Грач. Что ему нужно?

— Похоже, хочет полететь в теплые края.

— С кем из них?

— А ему все равно!..

— Ну и не выйдет у него ничего. Он противный.

Я и сам вижу, что не выйдет. Воробьи похихикают и улетят. Вот, уже упорхнули. Они пройдут мимо, а я поднимаю бинокль и приставляю к глазу его половину, как монокль. Опять прыснули. Но я уже не тут.

Я ползу по трубе. Если глядеть вниз, то ступеньке на двадцатой взгляд, не найдя опоры, превращается в страх. Надо смотреть перед собой, на черную сталь, и считать. Сорок семь, сорок восемь, сорок девять... Уже не стыдно спуститься, но можно еще. Главное, не думать о том, что высоко. Шестьдесят один, шестьдесят два. Теперь недалеко. Вот. Семьдесят шесть. Мои руки на восьмидесятой. Выше ничего нет. Отрываю глаза от трубы. Вдали — центр города с куполами. Как торт. Я и представить не мог, что это видно из моего двора!

— Смотри, снова Грач, только птички другие!

Усатый мужчина у той же скамейки, но женщины в мини и огромных серьгах. Резкий сладкий запах слышен даже нам.

— Эти ему больше подходят.

Но тут одна из них сказала Грачу три-четыре коротких слова. Он отлетел метров на десять и застыл там с широко поднятыми усами. Потом постарался принять обычный вид, будто ничего не произошло, а если и было, то не с ним.

Мы выходим из сквера. От улицы Ленина спускается еще одна улица, по ней троллейбус едет вниз, в долину Сейма, но реки не видно. Похоже,

сегодня нам ее не найти. Мы влазим в полупустой троллейбус, который идет в другую сторону, садимся. Бинобль лежит на Люсиных коленях. Он выглядит огорченным — на него не обращают внимания. Но мне уже не нужны очки времени. Я и так помню.

Я уже знаю, что долезу до неба, но сейчас на меня смотрит весь двор, а я поглядываю на него свысока. Там, внизу, от кучки зрителей отделяется фигурка, подходит к трубе и лезет. Это Стервятник. Да, мы его звали так. Драться с ним я и не думал — во дворовой иерархии мы точно на разных ступеньках. Он лезет потому, что я не могу быть выше, чемпионом должен быть он. Когда он обыграл меня в очко, мне пришлось воровать у родителей деньги, чтобы отдать. А когда у него украли часы, он обыскал меня. И потом сделал такое движение, будто сейчас ударит. У него светлые волосы, прозрачные глаза и бородавка над верхней губой.

Стера лезет, будто хочет меня обогнать. Страх и ненависть подбрасывают меня. Я на вершине, что дальше? Под своей рукой, которая держится за верхнюю ступеньку, я вижу его затылок и хочу долбануть по нему ногой, чтобы Стера летел, а я слушал, как он кричит в последний раз. Его голова уже упирается в мою подошву. Стера поднимает голову, и я вижу его глаза, бородавку, бледное лицо. Я впервые вижу его испуганным.

Кирпичная труба движется за домами, мимо которых едет троллейбус.

— Пап, опять он!

Да, это Грач, а рядом толстушка, Сойка. Он опять жестикулирует крыльями, в чем-то убеждает птичку, на остановке хватает ее за запястье и тащит к выходу:

— Пойдем, ну пойдем же!

Он выволакивает девушку из троллейбуса, а я замечаю на ее лице смесь нерешительности и простодушной радости.

Мимо проползают плоские дома, а я думаю о трубе котельной. Стера тогда, конечно, показал себя — долез с первого раза. Да ведь не в этом дело! Может, Грач — это повзрослевший Стервятник? Нельзя же всю жизнь быть чемпионом, а вот усы можно отрастить.

Игорь КОЛТУНОВ

Киев

ДЕРЖАТЬ МАРКУ

Она боялась меня отпустить. В квартире пахло шоколадом старых книг и чайник, кажется, свистел целую вечность. Ей было около восьмидесяти, и в тени лимонного дерева казалось что здесь, с нами, мириады ее старых знакомых, давно умерших, давно вечных.

Это Леша, он книги писал, замечательные книги, верите? про полярников — и ее рука касалась фотокарычки чудака в смешном жакете.

А это Антон Исаакович, он погиб десять лет назад, душа-человек, верите Игорь, душа-человек, вот придет постоянно, и праздник в доме, просто праздник. Наполнял дом. Никогда с ним скучно не было. Сядет вон там, на креслице у окна и заведет свое любимое про «Флейту водосточных труб».

Это Саша, Ферзем его все звали. Он уехал давно, кажется в Норильск. Я за него тоже молюсь, не

знаю как он там. Вон картина его висит, вон над сервантом. Нет, левее. Да, Игорь, да. Похожа? Да это я, тут мне 27...

Красные калачики в горшках, старательно скрытая плешь обоев, чей-то детский рисунок с солнцем в углу. Весь этот храм женщины-непобежденной... сильной-женщины...

Мне муж мой всегда вот как говорил: надо марку держать. Его с Института пытались выдавить, он спокойным был. На собраниях партийных его и в хвост и в гриву, а он спокойно относился.

Когда та авария произошла он еще неделю в больнице мучился. Боли жуткие. Говорит, приноси мне каждый день новую сорочку. Не могу в этой больничной пижаме лежать. Успела только три раза ему новые принести. Так и умер... в чистой сорочке. Марку держал.

Люди, сосуды памяти, беспечные гости планеты Земля.

Китайские колокольчики запутались в гардине. Часы о чем-то перешептывались. На этой кушетке хотелось уснуть. Уснуть и вспомнить всех моих любимых людей, которых я так и не обнял, любимых людей которым так и не успел про это сказать...

ТОРЧОК-СОСЕДУШКА

Речь дерзкая, зрочки мечутся, говорит-выговаривается торчок-соседушка. Не спит вообще. Понимаешь, вообще! Ночью Людку бьет истоно, что батареи по стояку дрожат, а к заутренней на попойку, как на работу. Семь утра, он уже тост произносит под окнами. Железо-человек. Ничто не берет, ни цирроз, ни гонорея.

Я с ним ссорится ходил в нерв натянутый. Молодой был. В слова силу верил. Возвращался спешившись. Про его жену, что померла давно, думалось. Про сервант на лопатки скинутый да зрочки бычьи-карие.

И живет торчок на грудь принявши, на Луну-сестру припеваючи.

То пойдет куда, то отравится. То пырнет кого, то покается.

Вот растет сорняк, подорожник. Ни стыда в нем нет, но и корысти. Как придет война, он расплачется. Погрустит чуток, подумается.

Кем был выдуман? Что останется?
На балкон курнуть, да в затылочку
Ленка, велик да... День рождения
Вот и выкурил жизнь-беднячку.

ОДА ОДИНОКОЙ ЖЕНЩИНЕ

Современный мир убедил их — одинокими быть не страшно. Подсунул плацебо женской карьеры, подменил ласку офисным распутством. Усыпил потребность в ребенке, напугав ответственностью, хлопотами и потерей независимости. У них все больше требований и все меньше шансов. Фортепьяно клавиатуры выстукивает очередные месседжи подруге-неудачнице, они договариваются встретиться, поговорить в женском кругу и, даже случайно засмотревшийся в сторону галдящей компании одинокий мальчишка, рискует уйти ни с чем, потому что каждая боится признаться в том, что плоть этого вечернего агнца ей сейчас куда важнее чем привычная болтовня о бывших, начальстве и заграничных поездках. Они так боятся этих признаний, что наверняка нарочно не заметят этих смелых глаз, чтобы не нарушать свой кукольный мир.

Все чаще дождь, и неожиданно она обнаруживает синяки под глазами, и уютно в этом городе ей все реже и реже. Она заполняет свой день ватой вечеринок, презентаций и занятий с личным преподавателем.

А когда эта чертова весна таки наступает, май перекрывает дыхание и делать, двигаться, думать становится окончательно невозможно. Теперь она прощает воображаемому даже некоторые вредные привычки, заочно отпускает ему грех потенциальной измены и, примеряя новые сапоги невообразимой формы и цвета, ловит себя на мысли что советуется «подходит или не подходит» с пустотой.

Жизнь изменит еще несколько слайдов. Очень часто казаться будет что вот, за этим поворотом щедрый эльдорадо чувств и знаков, сильная плоть и дух с утренними гренками и кофе, случайно разлитый на матрас. Вот же, вот же он, замри, не двигайся, почему ты не слышишь? Почему ты не понял того что я думала? Да потому что ты так ничего и не произнесла, дура. И удаляющаяся спина, мириады спин, точки, многоточия, может все сначала, может поменять прическу?

КПП

Мужское братство. Неиссякаемое, негласное. Смелое до отчаяния. Разбитая скула, удар левой, удар правой. Кто заложил в тебе это умение? Звериное, святое. Врожденная ритмика драки от пещеры до ночного клуба, от казармы римского легиона, до КПП военного городка под Одессой.

Только сила, только колено, только воля сквозь зубной скрежет. Спасибо тебе Господи, что я не родился женщиной. Спасибо тебе за этот горький вкус земли с кровью.

ЗДРАВСТВУЙ...

Города, области, климатические зоны... Время, когда стоит забыть о теплоте родных Палестин, уюте сонных фонарей за окном, запахе привычной женщины, завтраке с гренками. Случайный уют, чужое белье, дорога... дорога...

Новый ночлег и новые люди, случайные слайды твоих героических командировочных хроник. Как много в этом непривычном шуме чужих кухонь, суете неизвестных хозяек, чужие пейзажи и шум прохожих неведомых тебе городов, городов, в которые ты наверняка больше никогда... никогда не вернешься.

Не заботясь про завтра, бездумно повинуюсь святому навигатору. Куда выведет тебя кривая этого шоссе? Ветхозаветная беспечность, снег и море, море и снег. Где встретит утро меня завтрашнего? Беспечный пилигрим на пути к солнцу, чужие пластинки, чужие старые книги в шкафу, жизнь арабесками красок полнеющая, полнеющая, выливающаяся, переполняющая.

Прощай книжный приют. Здравствуй, Евпатория.

Борис КРАУШ

Харьков

ПЕРВАЯ СКАЗКА ЛЮБВИ

Луна заглянула в окошко, и я открыл его. От лунных лучей цветы на вишнях едва вздрагивали, лепестки, тихо кружась, плавно опускались на землю. Очарованный дивным таинством майской ночи, я уселся на подоконник. Какая тишина! Луна притягивает взор. Поддавшись этой притягательной силе, я стал, словно эльф, тихо парить в воздухе, перелетая с цветка на цветок. Какая чудная прекрасная ночь! Я плыву и плыву навстречу луне, купаясь в удивительно нежном лунном свете. Как торжественно и дивно! Белое кипенье вишневых цветов порождает добрые и ласковые образы. Они улыбаются мне и зовут к себе в кружевное царство. И я растворяюсь в нем.

Я брожу и брожу в сонме цветов и образов, нахожу и теряю счастливые мгновения. Почему я ушел из этого легкого мира? Почему теперь, тяжелый и нескладный, сижу на подоконнике, и только мой взгляд парит в белом кипении? Как обидно! «Я хочу к вам, к вам насовсем», — а в ответ лишь тихое вздрагивание цветов, словно говорящих: «Нет». Ветер стих, и они вновь ласково, понимающе смотрят на меня. «Заберите меня, — прошу их. — Я так хочу вернуться. Здесь плохо, все злы и некрасивы, я не люблю их. Зачем вы прислали меня сюда?» И слышу: «А может, ты сам захотел?»

Я знаю: есть другой мир, прекрасный, недоступный, и убеждаю своих друзей-мальчишек, что мы спим и все, что с нами происходит, всего лишь сон. Долгий, противный и ненужный сон. Мы должны что-то вспомнить — тогда проснемся. Я так хочу проснуться! Помню, где-то припрятал что-то такое... такое, если найду — сразу вспомню, почему я здесь и зачем. Но никак не могу найти и брожу по своему дворику в безнадежном поиске. Ночами, когда все спят и светит луна, забираюсь на подоконник и обращаюсь к тем, кого покинул, верю: они не оставят меня, заберут обратно. Днем, когда бегаю и играю, бывает, даже в самый разгар игры, они зовут меня. Бегу, ложусь на мамину постель, закрываю глаза и погружаюсь в упоительно прекрасный мир, мир из золотистых звездочек. Вначале они летают на алом фоне, потом фон становится оранжевым, переходит в желтый, затем превращается в ласково-зеленый, голубой, наконец, все заливают синева, появляется фиолетовый — душа трепещет от восторга, я лечу и лечу к огонькам, которые светятся, словно окна многоэтажного дома. Я знаю — это ворота в тот чудный мир, лечу к ним, чувствую, как весь наполняюсь волшебной музыкой. Она во мне, и я в ней. Мне необходимо пройти те ворота, но я никогда не долетаю до них. Приближаюсь к заветной черте — все гаснет, смолкает музыка, маленькие огненные вспышки возникают перед глазами — сеанс окончен. Я возвращаюсь к своим играм. Наполненный той дивной музыкой, плохо ем, но на своей улице бегаю быстрее всех и побеждаю в играх мальчишек старше меня. А мама водит и водит меня по врачам, ищет причину плохого аппетита. Но я не могу ей рассказать про тот удивительный мир, который насыщает меня. Знаю: стоит мне рассказать о нем маме или еще кому-нибудь, видения прекратятся; знаю: когда пойду в школу, они оставят меня, а я не хочу, вернее, не могу с ними расстаться и поэтому не хочу идти в школу. Уже бегло читаю, знаю таблицу умножения. «Я все выучу сам», — убеждаю маму, но она подчиняется каким-то непонятным мне законам, уверяет: так надо. А вот мой друг, пятнистая кошка Вера, понимает меня, и я доверяю ей свои тайны.

Какие быстрые крылья у лета! Только цвели вишни, а уже воздух поит липовый цвет.

Я, весь в ожидании чуда, сижу на подоконнике, впитывая в себя лунный свет. Луна уже взобра-лась в самый центр неба, но ничего не происходит, сейчас она перейдет на другую сторону, и крыша закроет ее. Я отправлюсь спать. Пройдет еще одна ночь напрасного ожидания. Вдруг слышу:

— Ты можешь подвинуться? Когда же ты, наконец, обратишь на меня внимание? Я кружусь около тебя, а ты видишь только одну Луну.

Испуганно оглядываюсь: никого нет. Мне становится страшно, хочу в дом, но не могу сдвинуться с места.

— Не уходи, — раздаётся голос, — сейчас я напьюсь аромата липы, и ты увидишь меня. Я забыла, что ты теперь человек и почти слеп.

Чувствую, как обволакивающий запах цветущей липы обволакивает меня. Голова начинает кружиться. Вижу, почти с меня, прозрачную девочку. Она словно соткана из лунного света. Девочка вся светится, только глаза ее печальны, глубоки и темны, как ночь. Подвигаюсь, она садится рядом.

— Едва нашла тебя в мире людей. Ты все забыл, ты даже не искал меня, а я искала и нашла! Если я стану такой как ты, как мы найдем друг друга?

— Почему я должен тебя искать? Ведь ты нашлась.

— Разве ты вспомнил меня?

— Нет, а кто ты?

— Я? — удивленно спрашивает девочка. — Я — твоя половинка. Ты не помнишь? Ты должен поцеловать меня, и тогда мы проснемся.

Мои губы тянутся к ней. Но находят один воздух.

— Нет, нет, — смеется она, — ты должен найти меня. Найти и поцеловать. Я буду прятаться. А ты — искать. Хорошо?

— Хорошо. Давай играть.

— Играть будем днем. Днем лучи солнышка проходят сквозь нас, слепят людям глаза, и вы нас не видите. Я всегда буду с тобой, но ты меня не увидишь. Эх, люди, люди — слепые дети Земли. Ты понял: я днем буду прятаться, а ты — искать.

— Ты же будешь невидима, как я найду тебя?

— Я превращусь в бабочку, цветочек или еще в кого-нибудь, найди и поцелуй меня. Тогда проснешься в нашем царстве, и мы опять будем вместе.

— А если не найду, придешь снова?

— Приду, буду приходить, пока ты не пойдешь в школу.

— Давай сейчас поиграем!

— Ты начнешь шуметь, тебя уложат спать, и мы больше не увидимся, — грустно отвечает она.

— Ладно, прямо с утра начну тебя искать, с самой ранней зорьки.

— Тебе пора спать, а то проспишь утро. Мне тоже пора.

Луна уже на другой стороне неба, и тень от дома закрывает цветник и липу.

Девочка тает, и мне почти не видно мою подружку:

— Как зовут тебя, как зовут? — но в ответ тишина, такая тишина, что воздух и тот спит.

Лучик солнца приятно пощекотал мне нос, я вскочил. Сразу вспомнил ночь, таинственную девочку. Погладил лежащую рядом пятнистую умную и добрую кошку Верку и побежал умываться. Утром не любил умываться. Но теперь знал: за

мною наблюдает невидимая, хорошенькая, с черными, как ночь, глазами девочка. Стыдно ходить неумойкой. Умываюсь, бегу в палисадник, ищу новый цветочек, но его нет. Нет ни жуков, ни бабочек, ни пчел. Становится нестерпимо обидно и хочется плакать.

— Зачем ты меня обманула? — шепчу со слезами на глазах. «Наверное, заснул на подоконнике и все приснилось», — догадываюсь, стою грустный и печальный. Даже не радуется солнышко, хотя его заботливые лучики уже высушили мои слезинки. Разочарованный, иду в дом, но что это? Прямо передо мной проносятся три, нет, четыре, пять... ой, целая стая бабочек. Я в восторге! Гонюсь за ними. Они уже на улице. Бегу. Бабочки такие резвые, никак не догнать. Вдруг все разом сели.

— Где же ты? Подскажи, какая?

Все сидят спокойно. Только одна начинает пошевеливать крылышками. Радостно бросаюсь к ней, хватаю. Прижимаю ее головку к губам, усики щекочат губы, но ничего не происходит. Отпускаю бабочку. Они всей гурьбой, танцую, несутся в воздухе, только одна сидит и обнадеживающе поглядывает на меня. Подкрадываюсь к ней, вот—вот. Сейчас. Она порхает и улетает. Бегу за ней через всю улицу. Она такая хитрая. Летит зигзагами и садится на высокий забор. Мне не достать. Подпрыгиваю, но она улетает на чужой двор.

— Так мы не договаривались, по чужим дворам — нельзя, — сердито и обиженно шепчу, идя домой.

Она, играя, проносится под самым носом, но я рассердился на нее. Да и мама зовет завтракать. Бабочка по-прежнему летит впереди, зовет играть и, присев на калитку, обиженно шевелит крылышками.

— Ладно, — все еще сердясь, бросаю я, — поем и выйду.

Завтракаю. Она уселась на подоконник и поглядывает на меня озорными черными глазами.

— Посмотри, какая красивая бабочка, сама прилетела к нам, а ты все утро гонялся за ними, — говорит мама. «Ничего ты, мама, не знаешь», — думаю я.

— Да, очень красивая, и я обязательно должен поймать ее, — отвечаю маме.

Заканчиваю нехитрый завтрак и подкрадываюсь к бабочке. Она сидит спокойно, не собирается улетать. Так даже неинтересно. Уже занес руку, хват — только воздух, а она весело порхает среди цветов.

Вновь бегу за ней. Уже не один я, а целая ватага мальчишек, высыпавшая из дворов, гоняются за моими бабочками. Все перемешалось, не могу понять, где она — моя единственная, необходимая только мне. Толя поймал мотылька и обрывает ему крылышки. У меня темнеет в глазах: вдруг Она? Бросаюсь к нему, с размаха бью. Мотылек, бедный мотылек с единственным уцелевшим крылышком, едва ползет по земле.

Поднимаю его, он смотрит печальными немигающими глазами. Кажется, Она. Прикладываю к губам, слава Богу, нет — и отпускаю.

— Ты чего дерешься? — наступает Толька. — Не знаешь, что они гусениц разводят?

Гусениц и я не люблю. Настроение испорчено, бреду домой, подавленный, тихо шепчу. Чтобы слышала только Она:

— Приходи ночью, буду ждать, теперь не играешь.

Целыми днями в нашем цветнике ловлю разных жучков, пчел, бабочек и прикладываю их к губам. Ищу Ее, а Ее все нет.

— Ты что всякую гадость к губам подносишь? Укусит какая-нибудь дрянь, беды не оберешься! — тревожится мама.

«Как мне ее найти?» — мучаюсь я.

— Иди, почитай, позанимайся, скоро в школу, будешь потом носить двойки!

«Мама, я знаю: ты бы помогла мне найти Ее. Но я не знаю почему не могу доверить тебе нашу тайну, — молча иду в дом. — Нет, — вдруг говорит во мне взрослый сильный голос, — нет, никогда ни одна человеческая мать не поможет своему дитю проснуться. Никогда! Напротив, она всеми силами будет беречь его сон».

Вздрагиваю и оглядываюсь, но никого нет.

Давно отцвела липа. Мы, грустные, сидим на подоконнике. У меня перевязаны рука и нога. Сегодня поймал ее. Мгновенно понял — Она! Едва пальцы коснулись ее, восторг, словно ток, пронзил тело. Глаза мотылька радостно засветились. Как глупо я поступил, как только глупо! Надо было сразу поцеловать ее, а я со всех ног пустился домой, спрятаться, чтобы никто не видел, как мы проснемся. Не сообразил, что проснуться можно только там, где уснул. «Глупый маленький мальчик», — корил я себя.

Сколько мотыльков переловил за это время, и сегодня, надо же, мои босые ноги бежали так резко и наскочили на камень. Упал, левая рука напоролась на осколок — память прошедшей войны. Кровь брызнула из руки, но пальцы разбитой ноги болели сильнее. Я не плакал, бережно держал бабочку. Подошла бабка Злочиха, живущая рядом, взяла из моих рук бабочку. Как жалобно дрогнули ее крылышки! Я заревел. А бабка ухмыльнулась и пошла домой. Зеленая травка приютила тельце моей бабочки. Думал — все. Она больше никогда не придет. Но она пришла.

— Не скоро будем играть, — вздыхает моя подружка, — придется ждать, пока заживет твоя нога.

— Противная бабка сделала тебе больно? — спрашиваю, чувствуя, как противно заныло сердце.

— У тебя рождается плохое чувство, — предостерегает она, — с ним ты никогда не найдешь меня. Нельзя, чтобы оно жило в тебе. Дай слово, что никогда не поселишь его в своем сердце.

Я не могу отказать ей и обещаю, хотя знаю: вряд ли выполню ее просьбу. Какие у нее глаза!

Не глаза — ночь! Они все понимают и печально глядят на меня.

— Я обязательно найду тебя, обязательно! — упрямо твержу я.

— Я все время буду с тобой, и ты быстро поправишься, — утешает меня. — Сейчас иди спать. Тебе необходимо набраться сил.

Дни проходят тускло, безрадостно. Читаю книжки. Иногда лицо обвивает нежная свежесть — это Она.

Трава становится жесткой и ломкой, местами она выгорела, лицу покрывают большие желтые пятна, словно лишай на руке Сережки. Нога почти зажила, но бегать больно. Раскрыв окно, жду бабочку. Ее все нет. Противный зеленый жук все лезет и лезет мне в руки. Он надоедает, и я сбрасываю его. А она так и не прилетела.

Сегодня в доме все суетятся и никак не улягутся спать. Луна уже поднимается, а я не могу усесться на подоконник. Только моя хорошая кошка Вера лежит рядышком и понимающе мурлычет:

— Она при-дет, она при-дет...

Наконец все стихает, я пробираюсь на заветное место. Окно распахнуто. От липы отделяется прозрачная маленькая фигурка и летит ко мне. Какая радость!

— Ты почему не стал сегодня играть со мной?

— Как не стал? Разве ты прилетала? Я прождал тебя весь день, где ты была?

— Ты видел жучка? Блестящего зелененького жучка? Я прямо лезла в твои руки. А ты взял и сбросил меня. Зачем?

— Жучок? — удивляюсь я. — А где бабочка? Я ждал бабочку.

— Бабочки больше не будет. Ты же знаешь, что с ней сделала бабка Злочиха.

— Может, она просто думала: бабочка, которая выводит гусениц, — пытаюсь зачем-то оправдать бабку.

— Нет, она знала, что делает, — отвечает подружка, — она даже не помогла тебе подняться из пыли. Берегись ее.

— Я теперь буду ее ненавидеть.

— Хочешь потерять меня совсем? У тебя должна быть чистая душа. Иначе ты не найдешь меня.

— Нет, смогу, обязательно найду. Найду!

— Ты лучше меня не теряй. У нас осталось совсем мало времени, вечера стали холодными, простудишься, заболеешь, не сможешь играть со мной. Ведь тебе скоро в школу, и мы расстанемся. Как ты потом найдешь меня?

— Я найду, обязательно найду. Вырасту и найду, — упрямо твержу я.

— Не теряй меня сейчас, я больше не стану прятаться, сама приду в твои руки. Только ты не спутай меня с другой. Хорошо?

— Я буду стараться, очень стараться.

По штакетнику, осторожно перебирая лапками, пробирается моя кошка Вера. На самом конце заборчика она останавливается и пружинисто прыгает к нам. Усаживается мне на руки, свора-

чивается клубочком и начинает тихо мурлыкать.

— У тебя мудрая Вера. Она знает все. Береги ее, она поможет тебе, только жалко, что она пятнистая.

— А мне моя Вера очень нравится. Если кто-нибудь из нас болеет, она приходит и жалеет, лижет язычком, греет своим тельцем, и мы выздоравливаем. Верить?

— Верю? Нет, знаю, ты говоришь правду.

— Завтра ты опять придешь жучком?

— Завтра мы не встретимся.

— Почему? Я очень хочу проснуться с тобой в нашем мире. Больше не побегу домой, сразу поцелую, и мы проснемся.

— Мне пора, — нежным ветерком пробегает ее ручка по моим щекам...

Меня будят рано утром.

— Собирайся, идем на огород. Папа вечером заедет, а к этому времени мы должны все убрать.

— Ура! На огород!

Я люблю ходить на огород. Возле него стоит подбитый танк, по нему можно полазить. Мы будем идти через яр. Там бежит ручей, и задорные зеленые лягушки станут глазеть на нас.

Может, там среди них притаилась Царевна? Нет, хорошо, что моя избранница превращается в бабочку или жучка. С ними можно играть. А если бы в лягушку? Представляю холодное, скользкое пучеглазое создание и... мне жаль того мальчишку, которому придется целовать лягушку. Спрашиваю:

— Мам, а мам, как ты думаешь, лягушку можно поцеловать?

— Что? — передергивает плечами мама. — Что за глупости ...

Больше ничего не спрашиваю, да и зачем.

У нашего огорода затих подбитый танк со стволом, гордо устремленным в небо. Возле него стоят дядя Юра и его жена тетя Наташа. Они помогут нам убрать огород. Меня самым безжалостным образом проводят мимо танка, глаза безотрывно глядят на него, я спотыкаюсь.

— Смотри под ноги! — сердится мама.

Я люблю растения. Но не могу понять, почему на одной земле растут разные растения.

— Мам, скажи, ведь свекла и картошка едят одно и то же, а не похожи между собой? И на вкус не похожи, и на цвет, и, вообще, сверху тоже не похожи? Почему?

— Такими их создал Бог, — отвечает мама.

— При чем тут Бог? — вмешивается дядя Юра. — Такими их создала природа.

Но я не сдаюсь.

— Ведь они едят одну и ту же землю, пьют один и тот же дождь, а разные. Думаю, они должны быть одинаковые: или сладкие, или соленые, а они — разные. И воздух один, и земля, и вода, и солнышко одно. А они — разные.

— Пойдешь в школу — там все узнаешь. Распросишь учителя, — успокаивает меня мама.

— Думаю, он тоже не знает. Старшие сестры

учат ботанику, я внимательно слушал, но там ничего об этом не написано.

— Полагаю, — говорит дядя Юра, — тебе очень хочется полазить по танку, ступай, поиграй. Мы и без тебя управимся.

Дважды повторять не надо. Карабкаюсь по стальной броне и, стоя на башне, кричу:

— Броня крепка и танки наши быстры!..

Вижу себя в огне сражения. Я такой же сильный и смелый, как мой брат, который воевал на танке. Теперь, после ранения, рука у него не разгибается. Стою, подражая ему, с согнутой рукой, чувствуя себя героем. Вокруг море огня. Все горит и рушится. Только мой стальной конь несет меня через все преграды к моей незримой подруге. Сегодня вечером расскажу ей, каким был трудным и опасным путь к ней.

Меня зовут обедать, видения исчезают. Спрыгиваю с танка, цепляюсь сандаликом за гусеницу — алые капли из носа густо орошают серую пыль дороги. Как тоскливо, невыносимо тоскливо превращаться из героя в пораженного. Даже вечерняя поездка в кузове автомобиля не приносит желанного удовольствия.

Усталый и расстроенный лег спать. Даже не открыл окна. А может, она прилетала и смотрела на меня сквозь стекло? Нехорошо я поступил. Она бы мне рассказала, почему растения разные.

Просыпаюсь поздно, сразу открываю окно. Ее нет. Завтра идти в школу. Сегодня последний день. Жучок пролетает мимо окна и садится на астру. Выпрыгиваю прямо из окна — да, это она, изумрудно-зеленый жучок. Подкрадываюсь, но он почему-то улетает на улицу. Бегу за ним. Жучок летит и садится на столб. Я не могу его достать. Он хитро смотрит на меня черными глазками и медленно начинает двигаться ко мне. Еще немножко, еще чуть-чуть — вот она в моей руке! Да. Это она! То же ощущение удара током. Улыбаясь, подношу к губам. Но противный глупый жук раскрывает крылышки и летит:

— Куда же ты? Зачем?

Жучок летит и садится на погон нашему соседу, который катит на велосипеде домой. Дядя Петя останавливается возле калитки, смотрит на погон, видит жука, смахивает его на землю и наступает на него ногой.

«Дядя Петя, дядя Петя, что ты наделал? Мне же завтра в школу!»

...Ночь. Тишина. Обворожительный запах спелых яблок. Мы сидим, свесив ноги, на подоконнике

— Что ты наделала? Зачем? Ну, зачем?

— Так просто глупо получилось, — дрожит ее прозрачное тельце.

— Что теперь делать?

— Теперь ты будешь искать меня в девочке.

— Как я ее найду?

Она молчит. Вижу печальные, как ночь, глаза.

— Проведи меня до липы. Сегодня сама не

смогу добраться до нее.

— Почему?

Она глазами показывает в сторону штакетника. От ужаса поджимаю ноги. Посреди двора лежит огромный черный зверь, глаза — раскаленные угли.

— Ты боишься? — показывает она на зверя.

Мне страшно, очень страшно, но я не могу в этом признаться. И произношу роковые слова:

— Я люблю тебя, люблю больше жизни и ничего не боюсь.

— Любовь — это жизнь, — отвечает она. — Жить можно только любя. Кто живет и не любит, тот спит вдвойне, даже во сне.

Беру ее за руку, спрыгиваем с подоконника. Зверь, огромный зверь, рыча, поднимается нам навстречу, вижу: морда у него бабы Злочихи. Моя милая кошка Вера, осторожно перебирая лапками, идет к нам по штакетнику и прыгает мне на грудь. Глаза зверя гаснут.

— Моя милая, моя хорошая Вера, — глажу ее.

— Ты спасла нас.

Мы все вместе направляемся к липе.

— Сейчас мы расстанемся. Ты вырастешь, и все забудешь, хотя я буду приходить к тебе во сне и грезах.

— Нет, не забуду. Я найду тебя.

— Я тоже все забуду, — отвечает она. — Но все равно буду искать тебя. У нас есть Вера, она спасет нас. Ищи меня в девочке! — доносится до меня. Она поднимается наверх и начинает таять среди листочков сердечком.

Спохватившись, кричу:

— Как будут звать девочку? Как ее будут звать?!

— Ле... ле... ле... — еле лепечет липа.

Но Луна уже перевалила за крышу. Липа грустно покачивает своими желтеющими сердечками. Горечь, похожая на аромат цветущей акации, вливается в меня, и черная, как ее глаза, ночь окутывает меня.

Я остаюсь один, крепко прижав к груди свою пятнистую Веру...

Геннадий КРЕЙМЕР

Ганновер

ЗАПИСКИ ИЗ-ПОД ЁЛКИ

На той стороне озера семья (каникулы, дача, ягоды). Искупалась (мостки, сходни: здесь такое повсюду). Я решил не мелькать, притаился. А они сели на прибрежную скамейку и уселись сидеть. Такую неторопливость я встречал раньше только в самых сонных странах (Прованс, Андалузия). Но всё по порядку. Пока они сидели, я прошелся по берегу (своему), поел черники, с удовольствием обнаружил морошку, тоже поел. Они оставили сушиться мокрые вещи, и пошли в лес. Так что теперь искупаюсь я. Не знаю, может быть, их спокойствие объясняется воскресным днём. Кажется, и людей стало побольше (надеюсь, так будет не всегда). Сейчас в третьем месте, (если первое — моё, а второе — главное, со сходнями) с прибрежного камня (я был на нём утром) по очереди прыгнули две тётки и собака, совершенно одинаковым образом (утром я с него сам прыгал так же, иначе не получается).

В сонных странах лень проявляется иначе, чем, скажем, в Германии. Там (в последней) всё делается с толком. Если он сидит целый день

на озере, то это из любви к природе и здоровью. А чтобы, не загорая и даже не глядя на давно не замечаемое море, сидеть на берегу на солнцепёке в черной куртке и ничего не делать — такую мудрость встречаешь только «на юге».

После бессонной ночи я вылетел из Г. на расвете (летел маленьким дряхлым самолётиком с пропеллерами, грязными креслами, забитыми клозетами и замученными стюардессами, очень вяло исполнявшими традиционный предвзлётный танец), через час был в Копенгагене, где почти 2 часа должен был ждать пересадки. Я нашел приют в углу зала на диванчике, на который какие-то мерзавцы проливали липкие напитки, а плиточным краем пользовались как пепельницей, но мне было всё равно, только боялся заснуть.

В середине предыдущего предложения мои путевые заметки подверглись крещению кроплением. Какая-то полоумная овчарка в сопровождении своей хозяйки совершает ежедневный круиз вплавь, высаживаясь во всех точках озера, пригодных к высадке. Выйдя ко мне, она отряхнулась, взяла в зубы самую большую палку (метра 3) и стала бегать по моей полянке, а я, значит, прыгаю в стороны; она потопталась грязными и мокрыми лапами по моему коврику, по тетрадке и в общем ушла. Нет, это — не «обретенный рай».

В Хельсинки я прибыл еще одним самолетом, подумал, что было бы забавно потерять в пересадках багаж, погулял по городу в сторону “информации”, получил ее, и пошел пешком в сторону Lohja, город, который я выбрал заранее, километрах в 50-ти от столицы (больше, впрочем, похожей на уездный русский городок плюс электрификация всей страны). Я шел пешком сначала вдоль залива (в который попутно окунулся, вода — ледяная), потом по скучной окраине, где я спросил у доброй тети дорогу. Она ответила, что Lohja далеко, а вот вдвое ближе есть Nurmi, ничуть не хуже. Я продолжал идти, рассчитывая взять автобус, когда надоест. Проходя какими-то сомнительными лугами (параллельно дороге в Turku, где водятся автобусы), я был встречен двумя личностями с собакой. Один был пожилой, с болезненным румянцем и с виду не вполне нормальный, другой молодой, косоглазый, очень толстый, флегматичный и тоже едва ли здоровый.

Старший говорил со мной только по-фински, а младший лениво переводил. Речь шла о проповеди Евангелия всей твари. Я назвал себя христианином, и, мне показалось, они чуть приуныли. После более традиционных вопросов старший сказал: но ты ведь не русский, а кто? Когда я ответил, он стал буквально скакать, как Давид перед Ковчегом, и после того, как я отказался от пред-

ложения переночевать у них дома (на противоположном нужном конце города), я отправился дальше, напутствуемый благословениями на меня и на гонимый народ Израиля. Когда через некоторое время я вышел к остановке, автобусы долго на меня не реагировали, проносясь мимо. Я обратился к велосипедисту растафарского вида (оказался алжирцем), который сказал просто: да они тут расисты подспудные; ты не блондин, так что ступай лучше на паровоз. Однако следующий автобус остановился; правда про Nirugi ничего не знал, по-английски не говорил, но взял с меня 2-20 и повез. Когда я заметил, что еду не туда, я подошел к нему с вопросами, но он только остановил автобус, не торопясь достал расписание и стал искать. Я думал, пассажиры меня линчуют. Ничуть не бывало. Все терпеливо сидели, и наконец он указал на остановку через дорогу (т.е. в обратную сторону) и я вышел, не скрывая досады. Он уехал. Я остался один в каком-то унылом пригороде. И тут случилась странная вещь, вдруг объяснившая смысл всего этого зазеркалья.

Передо мной стоял велосипед, очень старый, очевидно брошенный, очевидно на ходу, с надутыми колесами, и вдобавок элегантно опиравшийся на кочергообразную подножку. Я оглянувшись, хозяина не увидел, сел и поехал.

День склонялся к вечеру («и преклонился есть день...» — помните?), когда я увидел надпись Nirugi; еще немного проехав, решил свернуть, мол, озеро от меня не уйдет. Ехал я всё вверх, въехал в какой-то поселок, на окраине которого и заночевал под какой-то вышкой. Утром, съезжая с горы, я окончательно заплутал, и после ходьбы через лес вышел еще в какой-то поселок, где у молодого финна спросил дорогу к озеру. Он снабдил меня картой, из которой стало ясно, что я сделал изрядный крюк, и вернувшись на дорогу, должен буду еще раз въехать в Nirugi.

Найдя озеро, я начал выбирать места. Как и можно было ожидать, это оказалось совсем не просто.

[Только что подошла группа школьников, остановились на камушке в 2-х метрах от меня, и громко разговаривая и сплевывая, стали курить, а теперь ходят вокруг. Ушли. Искупаюсь — продолжу. Странные все-таки эти финны, и школьники, и собаки.]

Ну вот. Наудачу сворачивая в разных местах с дороги к озеру, я обнаружил, что или подхода к воде — нет, т.е. тростники, болото, или есть, но там уже стоит дом со всеми удобствами. Наконец я увидел в изгороди, отделявшей озеро от дороги, калитку без замка и надписей.

Войдя в эту калитку, я увидел слева от ведущей к воде тропинки пригодное для жилья место на огромном камне, высоко над озером, а прямо по тропинке вниз — спуск к мостку со сходнями. День, и два прожил я с видом на озеро (это действительно очень красиво, томительные, медленные закаты и т.д.); купался я, используя этот

самый мосток, у которого подозрительно лежал чей-то ковш, рыбный садок и два флакона от солнечных ожогов, будто мы где-нибудь в Валенсии. Никто не приходил.

На соседней даче тоже никто не реагировал ни на мое купание, ни на костер, и я решил обосноваться, т.е. для начала закупить еды.

Задумав обогнуть озеро с севера, чтобы потом выехать на дорогу позападнее, я уперся в конец дороги, и спросил людей, гулявших в саду, как мне быть. Крупный парень, английский которого звучал как родной, спросил, откуда я: “не могу уловить твой акцент”. (Сам он оказался голландцем). Когда я предложил отгадать, он сказал: Италия. Я удивился: не может быть, чтобы я звучал по-итальянски. Он говорит: да нет, просто с виду так. *[Это, между прочим, немецкая черта: не слушать, а смотреть.]* Хозяин дачи проводил меня по тропинке до дороги и я, хоть и попетляв, через пару часов доехал до магазина (он обещал мне 15 минут). Обрато я ехал примерно так же: на свою восточную сторону озера с юга был бы большой крюк, там дорога сильно уходит на восток, а потом возвращается под острым углом, все это километров 5. И вот я — у своего угла (северного), но забыл, где была тропинка; поехав не туда, я был окликнут бабой, копавшейся в огороде. По-английски она не говорила, но долго меня куда-то вела (вот, думаю, добрая, не понимает, но ведет, а я к этому времени был от финнов в полном восторге).

Приводит она меня к соседнему участку, зовет кого-то. Очень неспешно выходит старый стройный финн, лучащийся добродушием, с волосками, равномерно растущими из подбородка и из носа. Я ему объясняю свою проблему: забыл тропинку, а он все так же лучась и не спеша говорит: никакая это не проблема (а я уже таю от благодарности). Значит, едешь сначала сюда (показывает трясущимся пальцем дорогу, по которой я приехал), потом по большой дороге и т.д., то есть посылает меня целиком вокруг озера обратно, что, учитывая еще пару км, которые я сделал вдоль этой западной стороны, составит уже 7. Я говорю, да я здесь уже был утром, я ж отсюда пришел, здесь тропинка. Он говорит: нет. Я говорю, мне люди показали. Он говорит: из Таиланда? (В общем, кошмар нарастал быстро.) Здесь, видишь ли, частные владения, и лучше тебе не упрямитесь (он начинал сердиться), мы за это живем, умираем и платим, и прийти отсюда ты не мог. Я в отчаянии сел на землю (очень устал), а он спокойно встал за моей спиной, и спешить ему, очевидно, было некуда.

Посидев так минут 10 (а солнце садилось), я увидел людей на соседнем участке и устремился к ним, взывая о помощи: спасите меня от этого сумасшедшего, мне тут 100 метров пройти, а он меня посылает вокруг озера, да еще и стоит над душой. А старичок тут как тут, следит, значит, чтоб беспорядка не вышло. Они посоветовались и сказали,

что он прав. Он же, вдохновясь, стал на меня покрикивать про собственность и соседей. Я попросил не кричать. Он заорал громче. Я спросил, чего ему от меня нужно и кто он вообще такой. Он еще громче заорал: а ты кто такой?

Одновременно я хотел заехать ему в рыло — при свидетелях, которые только того и ждали — и оценивал переход всего диалога в Балаганово — Паниковскую сторону. Трезво сообразив, что платить финский штраф финской полиции мне не выгодно, я позорно удалился. Отъехав метров 100 я пошел карабкаться по склону (камни, бурелом, мох, сучки), чтобы все это обойти и вернуться на исходную. Я вернулся, попал еще на один участок, на который как раз зашла тетка из семейства вынесшего вердикт, я обратился к ним, они не понимали, тетка же на мои моления сказала, что я устану еще больше, если их не послушаюсь, монолингвисты же улыбались и ничем помочь не могли [«и все было страшно, как в младенческом сне», — помните?]. И я пошел еще раз в обход их драгоценных владений по бурелому, царапая ноги и проваливаясь между поваленными стволами, часто неся велосипед на себе и чудовищно потея (затарился на неделю, о чем еще предстояло пожалеть). Через полчаса этого ужаса я опять очутился на задах этих четырех — пяти домов, где я уже был, но ошибся *driveway*'ем. И вот впереди я вижу молодую пару с картой в руках, явно сворачивающую на искомую тропинку. В это же время справа от меня я вижу в огороде бабу, с которой вся эта сцена началась и которая медленно начинает проявлять любопытство. Я бегу к моим спасителям, лихорадочно ныряю на тропинку и захлебываясь пересказываю им давеча пережитое. Перед нами провололочная изгородь, справа от которой гладкая тропинка, а слева — не гладкая. В правой я узнаю то, куда мне нужно, но они говорят: это чья-то собственность, а вот тут — недалеко. И я малодушно иду с ними, сразу же глубоко протыкаю голень; их дорожка — такой же бурелом и все это уже было. Я говорю: нет, мне сюда, извините; они говорят да тут всего “*a few*” сотен метров. Я говорю: благодарю покорно и — наутек. Пропотела рубашка страшно, и на следующее утро (суббота) я на утреннем купании ее прополоскал, да там на скамеечке и оставил сушиться. Самое время появиться хозяевам, — думал я, кипятя воду для чая. Действительно, приходят хозяева, видят чуждую футболку, поднимают глаза и видят на своем участке дым, а больше всего на свете финны боятся лесных пожаров, а такого сухого лета не было 45 лет. Что было следствием свиданья, увы, не трудно угадать. В самую жару я вынужден был искать другого места со всеми своими покупками. И вот я здесь, в окрестностях городка Veikkola (произносится с запинкой между обеих к). Здесь и менее чопорно и уютнее и ягоды есть (там-то всё выгорело на солнце). А нашел я это место, попросту заблудившись во время поездки в магазин.

И вот теперь я ухитрился еще раз заблудиться точно так же и попал куда хотел. Я подозреваю, что в такой близости от столицы это место — лучшее. Но, какая тоска, Цинциннат! Ведь я отправлялся искать потерянный рай, а он бывает только потерянный, и это сказано давно и не мною.

Понедельник. Сегодня первый не выходной день здесь. Поглядим, чем он отличается. Вчера поставил палатку. Во-первых, ночами холодно (поспал в палатке, всё равно холодно: дело в граните, на котором я сплю, он прикрыт тончайшим слоем мха, и ночью остывает как ледник, надо было наковырять моховых подушечек в лесу и уложить, а теперь лень). Во-вторых, я не делал этого лет 15 (!) и теперь, залезая в нее, испытал душераздирающее прустинское откровение (был, правда, готов: *'expected revelation'*).

Идея, что в акте обретения времени время исчезает, и становишься неуязвим и бессмертен, звучит натяжкой, но любому кто пережил это — очевидна. В общем, в свои расселины вы приняли певца, граниты финские, граниты вековые. Когда я, переезжая в субботу, повторно заблудился, дорога кончалась каким-то отелеподобным заведением. Там под зонтиками пили пиво трое парней лет 20ти, и им я сказал, что моя карта кончается ровно на этом месте.

Только чуть погода я заметил, что они в стельку пьяны, как, по-видимому, и все окружающие. Несмотря на это, они меня усадили, стали расспрашивать, и один приволок из отеля распечатанную бумажку с картой тропинок, а другой — из машины что-то типа желтых страниц (только зеленые) с подробнейшей картой региона (третий, самый толстый, просто не мог встать). И вот когда я с третьим остался вдвоем, из-за соседнего столика что-то урчал пожилой финн в черных очках, едва ворочая языком.

Мой собеседник сообщил мне, что тот справлялся, откуда я, и он предпочел ответить, что из Греции, «на всякий случай» (ср. с отношением русских к немцам: все поголовно, и млад и стар, в немцев влюблены). И я подумал: напрасно я в разговоре с поборником частной собственности и обладателем белых волос на носу и в носу, признался в припадке первой благодарности, что я русский. Кстати, у ребят, водивших тогда меня на тропинку, я спросил, как тут с палатками. Хозяин дома ответил, что абсолютно без проблем «*unless you're in somebody's backyard*». И вот еще и это сделало меня наглее. Оказалось же, что весь берег того озера — *somebody's backyard*, т.е. чья-то собственность. Тетка, изгонявшая меня (в компании с более корректным мужем), всё интересовалась, не навел ли меня забор на какие-нибудь мысли. Но я-то тех ребят спрашивал именно об этом озере. Очевидно, всей полнотой информации не владеет никто...

На новом же моем месте пока тихо. Я живу со стороны леса, а со стороны городка к озеру подходит дачный поселок, и я надеюсь, что большинство дачников по будням всё-таки работают.

Да, а толстому мальчику за столиком я сказал: не странно ли, что любой русский для таких дедушек — непременно друг Сталина?

Погоды стоят удивительно ясные для августа. (Как у О.М.: «и, месяц цезарей, мне август улыбнулся»; обычный для него косой подход, градусов этак с 15-ти, и понятно, что он хотел сказать, но иногда хочется придраться: да нет, август — месяц Августов, т.е. государей, а Цезарь — это наследник, по-нашему цесаревич, но всё это, конечно же, мелочи). Ясно и ветрено, и сейчас меня осыпает пеплом из очага, вокруг которого метра на 2-3 всё усыпано угольной крошкой, как будто кто-то ее втирал в холмик или он горел. Станный народ эти пикникующие: срубленные стволы и тоже грязные, не присесть, битые стекла, всё как у нас, в Латвии: после выходных ходишь и подбираешь за ними банки и осколки, чтоб не наступить ненавроком (ходили там в основном босиком).

На завтрак у меня сухое имбирное печенье, на ужин тушенка (русская лучше), но видел рядом на полке оленью, надо купить. Вода в озере очень мягкая, будто мыльная (тоже как в Латвии) но очень холодная, намного холоднее немецких и тех же латвийских озер (я уже не говорю о разнице между Рижским и Финским заливами), но вот пить ее, кажется, нельзя, и приходится обращаться к дачникам: вчера добрая старушка, не знавшая ни слова по-иностранным, не только вынесла мои бутылки, наполнив их колодезной водой, но и дала мне на дорогу горсточку смородины.

Сегодня поутру проснулся в палатке (забытое, забытое! — все эти годы я довольствовался аскетическим и более портативным куском целлофана, натягиваемым тентообразно на случай дождя) с мыслью: полно, найдешь ли ты вообще, что ищешь, или выйдет как у балбесов-археологов с поиском Эдема: скучный пейзаж, ни деревьев тебе... Может быть, то же самое произойдет и с тобой, если попадешь в свой, буквальный, географический, и напрасно так подвывает *Gauja* и лепечет *Lilaste*? Может быть, всё дело в слове «выходной», «отпуск»? Вот ведь, подите же, работают, ни души пока.

Даже теперь мои родители, дважды так сказать пенсионеры, и по выслуге и по немецкому пособию, по-прежнему, по-настоящему волнуются, собираясь осенью на курорт, “в отпуск”. Бывало, бывало... Далекая, как Древняя Русь, эпоха развитого социализма; палатки, рыбалка, обрыв над рекой, в маленькие дырочки в нем с меткостью пули влетают ласточки, ночью песни у костра (песни! туристские!). Или: дощатые коттеджи в сосновом лесу, комары, земляника и грибы, речка с водяными лилиями в затонах, и, когда медленно плывешь вдоль берега в лодке, к самой воде спускаются незабудки, а на весло садится стрекоза.

Стрекозы у меня и тут есть. И шмели. И лилии есть. А вот комаров действительно нет: не соврал Бенуа. Но я не об этом (один, правда, укусил меня позавчера в губу ночью, но это не в счет, как не будем считать и придурка с лучистыми глазами и волосатым носом: финны в целом очень хороши). А я вот о чем. Может быть то, что я провел жизнь в праздности, и лишает мои поиски нужного ритма? Теперь об Эдеме. У других он обычно в детстве. У меня же, как, впрочем, и у Адама, детства практически не было. Эти проблески с ласточками и стрекозой — неплохо, не спорю, но для мечты жидковато. Ничего не отыскать и в отрочестве (футбол на переменах?) и в юности (хотя здесь есть пара студенческих поездок на “колхозные” работы). Вот кажется теплее...

Когда я попал в Гауйский лес, я впервые очутился среди “своих”. Не то чтобы эти люди (особенно глядя сейчас и отсюда, задним числом) были лучше, чище, умнее, тоньше или образованнее других людей. Просто они были „свои”. По этой же причине я не могу с чистым сердцем сказать кому-нибудь: как вы много потеряли! -- я знавал вполне с виду подходящих людей, которые ничего в этом месте особенного не нашли. Хотя — и объективно были преимущества.

Черники — очень много. Теплая вода и в море и в озере, в озере еще и питьевая. Дюны как почва гораздо теплее гранита, да и домашнее, гостеприимнее: через каждые 30 метров полянка плоского мягкого мха для палатки, через 100 — для лагеря. Здесь, сколько ни высматриваю, не видал еще и квадратного метра, подходящего для жилья и для костра, поэтому сплю на этом глетчере, и стряпаю в грязи.

И народ тем временем (к вечеру) запоявлялся. Так что и в будни — всюду жизнь. Одно радует: мосток со сходнями не чей-то жирно-буржуинский, а общественный. Судя по вчерашним детям, всё, что не огорожено и не частно, воспринимается как подчеркнуто общественное, так и сидели они и вопили прямо у меня над головой, даром, что я тут явно живу, или там, пишу: мало ли какие ‘клошары’ водятся в колоннаде Одеона или на площади Вогезов! Но это черта даже не европейская, а общечеловеческая. Когда случалось подолгу жить в пещере на Мангупе, мимо проходили иногда какие-то детские экскурсии. Каждый второй ребенок заглядывал ко мне, и, видя меня, спящего, он не делал остальным знака говорить потише, а орал в мою сторону: тут кто-то живет!!

Сейчас спустился со своего холмика к воде вытереть о мох свой коврик, испачканный у костра (надо что-то придумать, но не знаю что). А на мшисто-болотистой полянке — полно клюквы, к сожалению вся зеленая.

Интересно, что хотя ‘пьяный финн’ — не миф, спиртное продается в отдельных магазинах “Alko” и стоит зверски дорого — вдвое-втрое дороже чем в Европе, воображаю, каково им видеть русскую водку по 2 евра за бутылку.

Еще о праздности и Мангупе. Живя там в свое удовольствие, в нищете и неге (формула из „Др. Берегов”), я иногда видел карабкавшихся в гору толстых советских тетушек — группу купивших путевку с туром по всяким неудобовосходимым местам с конечной целью на побережье, т.к. “чистых путевок” на Южный берег было не достать. Я буквально оплакивал их скотскую рабочую жизнь, как они откладывают деньги из своей скудной зарплаты, чтобы увидеть труднодоступные и малоинтересные места, которые мне, бездельнику, в силу неизбежной связи вещей, открывают свои самые увлекательные секреты и притом совершенно даром. Сегодня мне случается всплакнуть и над своей жизнью. Чему это учит нас? Не знаю. Я только заметил, что люди делятся в смысле своего отношения к наслаждению на две очень неравные части. Одни не признают бесплатных или просто дешевых благ. Они даже стремятся переплатить, извлекая из этого, в силу какого-то ментального кувырка, добавочный *bliss*. Для меня же малейшее усилие лишает удовольствие его сути. Это — врожденное, и тут ничего не поделаешь.

Что еще можно добавить о Гауе? Этот участок дюн и леса был ненормально огромным, я думаю км 10-15 квадратных. Он включал в себя пустынную, очень длинную береговую линию залива, обращенную на запад, с тонким мягким белым песком, фосфоресцирующим ночью, несколько озер, больших, средних и малых, сосны, рдеющие на закате и т.п.; и в нем не встретить было чужой души, до того как туда повадились экспедиции местного хулиганья под предводительством участкового майора из городка Царникава за рекой. Всё это счастье просуществовало лет 12 (до этого было, говорят, *Vitrupe*) и для тех, кто выросл в то время, было школой, почище лица.

Когда я позавчера пришел сюда, мне показалось (на несколько минут, на полчаса) что я нашел замену тому, на месте чего уже много лет — незарастающая дыра. Что-то было в сочетаниях: цвет воды, отражения сосен, мох и вереск. Но вместо радости или там облегчения... Нет, восторг — был, но приправленный жутью и потусторонним ужасом. Я был один и было тихо. Я сидел на мостике и обсыхал после купания. Садилось солнце. Почему-то с закатами справляться особенно трудно, когда ты один и предстоят такие милые, такие знакомые вечерние лесные хлопоты. Помню свой предпоследний, что ли, приезд в уже становящуюся неприятной Латвию (скрытая полуцитата из „Лужина”). Я высадился на *Lilaste*, (следующая за Гауей станция), там был в прошлом году лагерь.

Солнце уже село, но был июль и подобие белой ночи, т.е. почти до полуночи было довольно светло. До лагеря от станции около двух километров. Я подходил в полной тишине, не встретив ни души. В общем, это довольно обычно, но что-то зловещее было в этой пустой поляне, еще сохраняющей остатки недавней жизни, как будто кто-то уходил второпях, не успев всего прихватить. На меня ве-

яло катастрофой. Понятно, это всё воображение; как я потом узнал, люди просто переселились, да и людей было немного, но этот момент ужаса я запомнил. Очень подавленный, я поставил палатку рядом с муравейником, в темноте не разобрать, муравьи живут днем (а палатка там необходима, иначе комары не дадут заснуть). Да и раньше-то, во времена сравнительно безоблачные, знаменитый подмосковный человек И. говаривал, что хорошо тем, кто здесь в первый, второй раз, а “для меня годы наслаиваются, за каждым кустом призраки”, — я не ручаюсь за цитату, но смысл был такой. („Толпой нахлынули воспоминанья, отрывки из прочитанных романов, покойники смешались с живыми, и так всё перепуталось, что я и сам не рад, что всё это затеял”). Это придает полифоничности, но вредно для здоровья. А еще я почти как *Kinbote* боюсь одиночества. Неужели я бывал когда-то не один? Или моя жизнь мне приснилась? Снусмумрик ставит свою палатку. Здесь он будет какое-то время жить, курить свою трубку и сочинять новые песни.

Где-то рядом здесь и *Zembla* и Муми-дол, я думаю и то и другое чуть западнее. *Pale Fire* я взял с собой, как более на вес легкое, глубокое, слоистое и, ergo, медленнее читаемое. А муми-сказки не взял: прочел бы раз, потом два, три, и сошел бы с ума, а это ни к чему. Хотя в следующий раз, пожалуй, возьму.

В Латвии было так: первые дней десять привыкали, осматривались, лопали чернику до отвала, а потом начинали просто жить, т.е. не делать ничего, но не торопясь.

Понятно, случалось и ссориться и влюбляться, но лес придавал всему какой-то волшебный оттенок, или это сейчас отсюда так кажется? Да нет; иногда я имел глупость увидеться в городе с той или другой из лесных подруг, и видел совершенно чужую тетю, но и они смотрели на меня как на выходца из другой жизни.

Как же быть мне теперь? Подруг нет. Друзей, по-моему, тоже давно нет, а знакомый здесь сгодился бы на некоторое время, но в целом обратил бы всю затею в бессмыслицу, по опыту знаю.

Иногда я думаю так. Когда нас изнутри треплет, мы становимся сами не свои, т.е. жизнь наша перестает принадлежать нам и становится жизнью *персонажной*, начинает вписываться в готовые схемы, прожитые (проживаемые) другими персонажами. Т.о., она теряет смысл и заканчивается смертью, более или менее эффектно подобранной автором, который бессмертен. Осмысленна только жизнь автора, придумывающего своих персонажей, даже если (как в случае с лирикой) это его собственный лирический герой, которого публика может и не отличать от него самого. Но мы-то знаем!

Вторник. С утра облачно. Просыпался несколько раз от холода и от страшных и ярких снов (надевать, что-ли, на ночь всю мыслимую одеж-

ду?). Клюква есть и рядом с “купальной”, но вся зеленая: какие идеальные шарики, не то что какая-нибудь брусника. Странно всё же, что я так мерзну. Ведь 20 лет назад, когда я впервые попал в Латвию, не было всех этих удобств, облегчающих лесную жизнь: пластиковых бутылок и пакетов, “пенковых” ковриков, а у меня к тому же практически никогда не было спального мешка: один раз выпросил родительский немецкий (!) спальник и очень хороший рюкзак, да и те были благополучно сперты прохожими грибниками.

Да, а попал я туда так. У меня завелся приятель из Риги, очень положительный, кажется сын прапорщика. Помню только животную роскошь квартиры, в которой я оставил подаренные мне родителями за неделю до этого часы (это были единственные в моей жизни “мои” часы, потому и запомнил; так с тех пор их и не ношу). Над рекой было открытое кафе, где околачивались более или менее волосатые бездельники. У одного из них, на удивление плохо говорившего по-русски, я спросил, как ехать в лес, он нарисовал схему, я поехал и, разумеется, ничего не нашел.

Отчасти это, может быть, объясняет то, что мои частные поиски подобных мест всегда оканчиваются — как и в этот раз — полумерами. Все места, о которых мне сегодня приятно вспомнить, я нашел не сам, а был направляем.

[По моему берегу ходит бесшумно местная баба и собирает „мою” морошку. Болит сердце, вроде бы здоровое, с чего ему болеть? Может быть, чай? И одета она опереточной бабой, в национальные цвета, что-то белое с голубым. Побрызгал дождик, допью чай и поеду в магазин, благо *Veikkola* под боком.]

И только на следующий день я встретил в городе знакомых (а в те времена в Риге нельзя было не встретить кого-нибудь), и уже все вышло как надо. На мне была какая-то светлая короткая курточка, и на плече болталась сумка, в которой было не помню что. Денег со мной тоже не было. И жил я в лесу с людьми, которые видели меня впервые (только одну ночь я провел не в палатке, а у костра), и при этом сносно питался. Мне кажется, что-то изменилось с тех пор в мире, вряд ли это просто ностальгическое брюзжание. Крупа или там пахта стоили копейки, главной заботой был хлеб и сигареты *Baltija* (или более многофункциональный *Беломор*, название которого, кажется, никогда не связывалось с государственными стройками). Две пустые бутылки, найденные на улице, обеспечивали, в сущности, дневное пропитание. И я помню как Андрей З. снаряжался в город, прятал под кепку толстенную рыжую косу и ехал продавать коллективно собранную чернику по рублю стакан. По сравнению с тем временем я сегодня миллионер. Чего же (или кого) мне не хватает?

Отчего мне так грустно в этом лесу, где нет ни милиции, ни хулиганов, и никто не обращает внимания на мой костер, и пахнет хвоей?

На другом берегу, метрах в ста, из-за холмика (здесь узко) послышалось, потом показалось дачное семейство. Детишки заметили первыми (глазастые!), хотя нет, заметили не меня, а палатку, (желто-красная!).

Здесь тихо, но тишина не абсолютная: летают самолеты и смутно жужжит трасса километрах в трех. Главное же — нет шумов специфически городских.

Вообще пресловутая моя печаль здесь окрашена гораздо более просветленно, чем это было бы в каком-нибудь более “белозубом” и наглom месте, в той же Ментоне, например.

И если бывают в природе места для той или другой больной души полезные (должны быть, раз есть безусловно вредные), то здесь имеется почти всё, что мне нужно. Сегодня временами брызгает дождик, как бы репетируя, и погода более меланхолическая, чем в последнюю неделю. По пути из магазина нарвал при дороге пучок полувыхошедшей земляники, поплавал, перенес очаг в более удобное место, сделал чай с земляникой, теперь валяюсь, и в кружке отражается небо и сосны, как в озере.

Отошел немного по тропинке за надобностью, слышу шорох, поворачиваю голову, а в траве блещит змея, красивая такая, со сплошным зигзагом, свилась в кучку, готовясь к прыжку, смотрит на меня и шипит, открывши рот. Пока я бегал за дежурным колом, она, естественно, удрала, сама, должно быть, испугалась. Тоже вот, переживание. А наступи я на нее ненароком — куда бежать с ядом в ноге, температура подскочит, брр! Это вам не комары. Зато ещё один компонентик Эдема. Деревьев много, но все без опознавательных знаков. Ева то ли не сотворена, то ли отлучилась. Лилитка прилетела третьего дня, но я ее вовремя рассекретил. Сейчас из-под слоя облаков показалось садящееся солнце сквозь верхушки сосен на том берегу. Аллегория надежды?

Среда. Неделя как я в Финляндии. День снова ясный и теплый, я уже думал — осень. Листьев морошки везде полно, а ягод нет. Нет и грибов, на болотцах растет какая-то подозрительная мелочь, наверняка, не простая, но пробовать не буду, за все время видел всего один подберезовик, насквозь червивый...

А я ведь здесь, на озере — единственный житель. Озеро делится надвое, как колбаска, подвешенная за поясok; поясok — это непролазная отмель с лилиями, а за ней жилая часть озера, с дачами. А на моей половинке больше никого.

Хорошо с утра, пока идешь к мостку — первая горсть черники. Сидел после купания на ступеньках, смотрел в воду. Ряби не было, в черной воде проплывало облако вроде подушки, из него росли стебли кувшинковых листьев.

Я думаю, сказки ставят на берегу реки или моря, чтоб была возможность развития действия. Интересно, почему я больше люблю озера? Река, впрочем, тоже ничего. Но море угнетает меня ужасно, бесконечностью, что-ли, возможностей, с которой не справляется голова? Может быть, если случится мне попутешествовать (неправильное слово), поплавать на корабле (моя давняя мечта), это отношение изменится. Снова идут облака. Палатка моя изнутри (на просвет) абрикосовая, борта лимонные (уж какая есть), поперек крыши лихо выведено: *Explorer. Very apt!*

Итак, я здесь один, озеро — мое, но я несомненно в гостях, хотя бы и у кого-то весьма гостеприимного. А где же твой дом, спросит участливый голос (интонация из финала PF). Если чтобы ответить нужно ответ знать, то ответ будет: не знаю. Но чувствовал я себя дома, у себя дома, именно “на Гауе” (я думаю, товарищ майор с подручными от души бы над этим посмеялись) и отчасти на Мангупе (пещерный город, вернее, то, что в виде пещер осталось от византийского города, на горе в южном Крыму).

Ни одна из родительских квартир ощущения дома мне не давала. Может быть, исключение в этом смысле — первая их квартира, где я прожил свои первые 5 лет, сохранившаяся в памяти вспышками: пальма у окна, заветный черно-белый телевизор, показывающий хоккей поздним вечером (голос Озерова: “Коноваленко на месте!”). Вообще, кажется, словечко „застой”, бывшее так в ходу лет 20 назад, многие принимают больше на веру и склонны к этим штукам относиться с преступным добродушием. Доставшиеся же в наследство от тех времен великодержавные амбиции (мы делаем ракеты и перекрыли Енисей) я провинциалам прощаю охотнее, чем Петроградцам (не поворачивается рука написать: *Ленин*). Недавно в *корпусе Бенуа* была выставка советской живописи, всякое-разное, и для настроя была (не лишняя ехидства) попытка реконструкции типичного тогдашнего жилья с винными этикетками, наклеенными на дверь клозета и сигаретными пачками в серванте (причем я, сам собиравший их в детстве, оценил искусство для искусства со стороны дизайнеров, т.к. скажем *Camel* был как в 70е, сейчас он другой). Так вот, в “гостиной”, уже мягко переходившей в собственно экспозицию, стоял телевизор (тогдашний же), и в нем то играли *Песняры*, то жизнерадостный чукча пел “увезу тебя я в тундру”, и это было как окошко в преисподнюю, хотя в сущности — просто в детство, убогое и захолустное.

Четверг. Ночь была ясная и потому прохладная, но я придумал складывать “пенку” вдвое, чтоб на ней лежала так сказать опорная часть меня, от плеч до хвоста, ноги обычно не мерзнут, и, представьте, действует, хорошо высыпаюсь. С утра тепло и в общем ясно, хотя облака есть, и свежо уже немного по-осеннему, кое-где на березах листья желтеют, а рядом с купальней маленькая рябинка с ярко-красными листьями. На той же тропинке, что и вчера, наткнулся на ту же гадюку, сходил уже потихоньку за колышком, подкрался и — ... Живая тварь, понятно, ну а если в третий раз она меня первой куснет?

На пляжной скамейке сидели парень с девкой, спросил их о местных змеях. Они сказали, что тут их бывает всего две, одна цвета тины, водяная и не опасная, а от второй (на здешнем языке называемой *Кю*, так я во всяком случае услышал) — ребенок может и помереть, да и тебе будет не очень, так что если и убил, не переживай. Обещали погоду без изменений, хотя откуда им знать? Сказали, что воду вскипятить пить из озера можно, но от чая из этой воды, мною тут же предложенного, отказались, впрочем, это обычная финская дистанция. Надо повспоминать, кто не отказывался. Вспомнился только Виргинский студент во Флоренции, который почти не раздумывая пошел ко мне на ужин под кипарис на холме *San Miniato*.

Начал — в который раз — *PF*. Я думал, *in the state I'm in* я не смогу читать. Но — или мне полегче, или действительно искусство льет примирительный елей, но эта мощь рассказа затопляет тебя прямо с эпиграфа про котов. Обычный человек, между прочим, не понимает простой вещи, что читать труднее, чем писать. Я сейчас говорю о процессе, не о результате “на выходе”. Большинство моих знакомых (не странно ли, что почти все мои знакомые таковы?) претерпевают — непрерывно — такие внутренние шторма, что просто не могут читать. При этом многие пишут, или хотя бы пописывают. Есть даже такие (разумеется, дамы), кто берется, нет, хватается за перо только в состоянии истерики, а в спокойном виде из них ни строчки не выжмешь.

Теперь про кукушек и петухов. В хвосте кинжки приведены несколько хвалебных *blurb*'ов об авторе. Среди них один — *by M. Amis* (по фильму он показался мне из критиков, которые знают, что *надо* бы похвалить, но не знают как, из партийных что ли соображений, типа Берберовой, но скорее всего я ошибаюсь). Так вот. Высшая оценка чувственному удовольствию — *неземное*. *Now comes the bulrb*. “To read him in the full flight is the nearest thing to pure sensual pleasure that prose can offer”. Понятно, что он хочет сказать, но все равно забавно.

Здесь у меня вокруг полянки сосны и елки, елки есть и совсем маленькие, и когда на одну из них я вешаю какой-нибудь мешочек или носки, то кажется что Рождество и (не умея назвать это получше) разрывается сердце. С нервами что-то, должно быть...

Много плавают на воде мертвых насекомых. И как-то нет трагедии. Как красива на черном белая бабочка. И уже совсем не то — убитая змея, эта безжизненность, сразу потускнел узор, вместо металлического блеска какая-то серая тряпочка. А еще когда-то кто-то у какого-то озера убил чайку (вот бред!).

На Гауе август считался концом сезона, все двигались — кто в город кто на юг. Я думаю, я много потерял, не оставаясь на август, судя по тому, который я таки провел в лесу, правда в обществе уютной девицы из Вильны. Было очень покойно, безлюдно, много грибов. Странно, я всегда был положительно уверен, что никогда, никогда не примусь за что бы то ни было, приближающееся к воспоминаниям. «Память моя противится всему личному» — помните? и работает, скорее, как и у него, над отторжением прошлого.

Что же заставляет выковыривать изюм из жизненной сайки, как выразился Пастернак (хотя где это он видел сайку?) или выжимать (что более похоже) уксус из губки? Инстинкт? Перевести “жизнь в литературу”, как поступал Свистонов у Вагинова, т.е. тот же автор, но чуть-чуть сдвинутый? Или найти узор, рисунок в том, что очевидно, вопиюще бессмысленно? Или найти точку, с которой рисунок виден?

Часто всплескивает в тишине рыба, но лень мастерить удочку. Когда закат с горизонтальными полосами облаков, как сейчас, выходит как-то чересчур красиво, Билибин какой-то: сосна, под ней чахлая елочка в обнимку с чахлой березкой, все это над водой, блестящая рябь, а на другом берегу — уже черный — ряд елок в перспективе, и прямо над ним — солнце, перечеркнутое облаком. А вода сегодня будто бы теплее, или я привыкаю?

Глупо, но я уже различаю впереди день отъезда.

Как плосок Блок со своей критикой Анненского. («Как скучны статьи Катенина» — помните?)

К закату всегда ветер стихает, и было бы абсолютно тихо, если бы не трасса за лесом.

Отношение Блока к Анненскому таково же, как Ахматовой к Кузмину и в прямом смысле и в математическом: оба знаменателя на размер больше числителей. Нет, вру. В первом случае на половинку, во втором на пяток. Вдруг появились комары. Не было -- не было, и вот: получите! К чему бы это? Предвкушение России или с погодой что-нибудь?

Пятница. Вылезает из палатки прямо в хвойный воздух и попадаешь в середину мелкой птичьей жизни, перепархивание, попискивание,

шуршание в ветвях, постукивание дятла. Над водой пролетела какая-то гагарка, а очень высоко, мерно и хрипло крикая, пролетела утка. А по воде не плавают. Нынче день ясный и мало ветренный, т.е. жаркий. Больше хожу босиком.

На завтрак чай — из озерной воды, вроде бы ничего. Прямо над головой устроился дятел, перестают бояться, это лестно. Пока я завтракал, на мостик (это метров 120) пришел очень тихо мужик (обычно слышно когда ходят), у меня неприятное подозрение, что он пришел, когда я тут, злоупотребляя безлюдьем, рыдал над книжкой. Очень бесшумно поплавал, как бы боясь нарушить тишину, сейчас долго лежит на мостике, загорает.

Русский человек, увидя палатку, непременно подошел бы, порасспросил, француз полюбпытствовал бы, но ограничился улыбочивым *bonjour*'ом, немец — демонстративно бы отвернулся, но на всякий случай вызвал бы полицию. А здесь вот дистанция, но без враждебности. Лучше ли это русского амигошонства? Depends... (причем русский считает поводом для разговора любую “нестандартную” ситуацию, по его, разумеется, ощущению: видя рыбака, велосипедиста, необычную одежду). Только что собирался написать: «вторая половина дня на удивление безоблачна и безлюдна», как вернулись две тетушки с лукошком, часа полтора назад проходившие мимо озера, сейчас лезут в воду, хотя солнца на мостике уже нет, правда, и ветер стих. Правда, подозреваю, что для них эта вода — очень теплая (путешествующих финнов я видел только в Выборге). Стоят в тени, уже вылезши из воды, не проявляя никаких признаков зябкости.

На Гауе эпохи расцвета был большой общий лагерь, на поляне стоял длинный стол со скамьями, над ним был натянут здоровенный танковый тент, раздобытый в стоявшей неподалеку военной части. (Помню самовольщиков, приходивших по ночам на «волосатый» огонек — зрелище и абсурдное и трогательное.) Чтобы хаос из двух дюжин анархистов обоих полов привести в что-нибудь целое, кто-то должен был это мягко организовать; тогда общий котел варил еду, и мылась посуда, и народ ездил в город, выполняя поручения, (до Риги было минут 40, до Saulkrasti — 2 остановки), очень странная в целом идиллия. Не знаю, все ли замечали эту странность — мечта утопистов, осуществляемая людьми, заведомо выброшенными обществом.

К концу 80-ых, впрочем, центобежные силы взяли свое, и жили уже мелкими лагерями, так сказать, по интересам. Например ‘торчать’ в большом лагере не приветствовалось, и любители жили отдельно. В июле дожди бывали редко, и основным занятием было сидеть на озере утром, и на море вечером — берег был обращен к западу, и в море садилось солнце. Иногда устраивались ночные купания (почему-то в основном москвичами) с большим костром на берегу из коряг, от-

беленных и отполированных приливом...

Каждый вечер, на закате приходит толстая стриженная бабуля в очках и не торопясь проплывает все озеро туда, потом обратно, очень необычно, и по-моему неудобно, загребая руками далеко назад. Очевидно, ей тоже не холодно. Ветер, как обычно, к закату успокоился, и теперь совсем тихо, только бабушка, сидя на скамеечке, разговаривает по мобильному телефону.

Пахнет хвоей. На корне, о который я отчасти опираюсь, и который, как я теперь вижу, какие-то кретины пытались рубить, несколько капель смолы, совершенно прозрачные шарики, один крупный, миллиметра 4 в диаметре. В палатке громко что-то жужжит, не может найти выхода, пойду выгоню.

Суббота. 12 (чтоб не забыть число, вчера посмотрел на чек в магазине).

Снова ясно. Ночь была очень холодной. *Карикатура южных зим.* Почему не наоборот? Как никогда не мог разобраться с количеством “не” в “не без того чтоб не вздохнуть.”

Все-таки *не добро быть человеку одному.* Живешь тут, как какая-нибудь Дерсу-Узала, хоть я и не знаю, кто это.

Всю жизнь я просыпался с ужасом. Никогда новый день никаких радостей мне не сулил. Радость всегда была вспышка, беззаконие, “ворованный воздух” (помните?). Только “на Гауе” я не помню этой тупой тоски при пробуждении. Единственное место, как теперь оказалось, где я просто жил, в остальных местах я “телесно пребываю”. (Иногда исключение Петербург и, пожалуй, Париж, где можно жить городом, просто «пребываю» в нем.) Что же сообщало такую несомненность и реальность обычному с виду сосновому лесу (впрочем нет, на дюнах росли толстые искривленные сосны как на китайских картинках)? М.б. то, что все было игрой, маскарадом, так хорошо подходившим лесу? Неигрушечными были только бедность и нежелание участвовать в гнусных взрослых играх.

[Подошел к велосипеду повесить фуфайку, а на руле уже какой-то предприимчивый паучок протянул паутину. У очага лежат собранные дрова, ближе всего — можжевельная палка, пахнет ярче всех запахов вокруг, и хвои и воды. Вчера набрал малиновых веточек с подсыхающими ягодами, так что чай сегодня — малиновый].

Причем карнавал этот был не декоративный (как иногда сразу скажешь: ряженный) а как-то по-своему очень функциональный, в смысле, что ли, соответствия внешнего и внутреннего. Когда я впервые увидел Пашу К., я испытал прежде неизвестное мне ощущение ладности, сродни гармоническому восторгу: если бы этого не было, его нужно было бы выдумать, вроде реакции на впервые услышанный Т.Рех: вот чего бы в мире не хватало.

Паша был не то чтобы страшно умный, книжек не любил, был ворчун и алкоголик, но от него разило такой цельностью, что хотелось впитать хоть немного от нее, как кто-то из старых хасидов говорил, что учился у Маггида, глядя как тот завязывает шнурки. Паша никогда не стягивал волосы ‘хайратником’, и я вижу его длинный тощий силуэт, согнутый даже не вдвое, а в несколько раз, чтобы сунуть рыжую бороду в костер, раздуть угольки, и волосы висят над самым огнем. Несмотря на полную асоциальность (впрочем, случалось, он поговаривал о семинарии, но туда не брали без службы в армии), Паша иногда женился. Помню его с милой уютной Ириской. Картина: пустынный берег, бледное желтоватое море, белый песок, я иду им навстречу, им — т.е. двум фигурам под ручку: длинный сутулый Паша и круглая, на последнем месяце Ириска с зонтиком.

Поравнявшись, мы чинно раскланиваемся и чинно проходим дальше, естественно все действующие лица без одежды. С тех пор я всегда чувствую абсурд, когда какие-нибудь “нудисты”, скажем, здороваются *за руку*: даже такие условности требуют светского вида. Я жил в Пашиной палатке, и как-то, проснувшись, не увидел его ни в ней, ни поблизости.

Оказалось, ночью “началось” (рассчитывали недели через 2), и он повез Ириску в город (“застопил” машину). Т.о. практически в лесу родился малыш (помню даже число, 9 июля), которого через год Женя С. Обзывал Синебрюховым, было очень похоже и смешно. Отца, правда, из К. не получилось (он пил даже ‘туалетную воду’ за несколько копеек, едва выйдя из магазина в Саулкрастах, прямо на папертеобразном крыльце), и на следующий год у Синебрюхова был уже другой папа.

[Только что мимо меня пробежал какой-то любитель лесных “кроссов”, я подумал: латыш. Сегодня очень ветрено. Скоро осень.]

На *Петра и Павла* Паша доставал из рюкзака очень белую вышитую белорусскую рубашку (он был из Гродно) и ехал в город, в церковь.

Вообще среди «старших» христианство было “хорошим тоном” (теософия и Индия, не говоря уже о Кастанедах, появились попозже, как результат “перестройки” и декаданса). В отличие от западных аналогов, где юными балбесами и пацифистами церковь воспринималась как часть государства, в России конца советской власти церковь понимали как оппозицию этой власти, и, по существу мало зная об этих вещах, просто чувствовали *там правду*.

Развеселившись ввечеру, Паша брал гитару и исполнял какой-нибудь *hit*: или белорусскую версию “Постой паровоз” (билетер, тисни на храповик) или “Теремок” (что-то непристойное про лису, зайца и ежа) весь *point* которого заключался в матюгах, или всеми любимого “Дельфиненка” (чудовищно сентиментальная вещь из песенных

тетрадок в ходу у советских школьниц “переходного” возраста), здесь надо было петь с рыданием в голосе, тогда аудитория ревела от восторга.

13-е, воскресенье

Ветер.Облака.

На Гаую приезжали без посуды, ее был вдоволь. В конце сезона, разъезжаясь, котлы и миски заворачивали в пресловутый черный тент и зарывали в дыру, выкопанную в боку дюны, а в начале сезона — откапывали. В последний раз, что я присутствовал на погребении посуды на зиму, ее затопили в озере, привязав за веревку в непосещаемом месте берега, вроде того, на который я сейчас смотрю (кочки, вереск). Думаю, на этом дне она до сего дня, и я уже не уверен, нашел ли бы я теперь это место.

После месяца лесной жизни, что-то происходило и с телом и с сознанием, я, разумеется, говорю о своих, как более удобных для наблюдения, но мне кажется, то же самое происходило и с остальными (или их сознание и не бывало другим?).

Тело становилось бородатым, загорелым и крепким, спокойно ходящим босиком по шишкам на большие расстояния, экономя обувь. Сознание же становилось не то чтобы более возвышенным, но менее суетным. И вот это сравнительное “менее” давало совершенно другой взгляд на вещи, людей и себя. С тех пор такого «менее» мне не удавалось достигнуть никогда.

Ветер все время с востока. Утром через поляну проползла вперевалку толстая гусеница сантиметров семи длиной, интересно в кого она превратится? Вода все-таки очень холодная. Наверно, мне уже не привыкнуть. Вообще всё здесь, разнообразие фактур, цветов, отношений — мечта пленэриста: кора — лишайник; камень — мох; черника с листьями то зелеными, то красными, то тронутыми ржавчиной; свежая зелень маленьких елочек и охра палой хвои. Но жить лучше в дюнах, правда, я об этом уже говорил.

Неужели будет *как всегда*: как только встретишься и приладишься — пора уезжать?

Весь день был сильный ветер. Ближе к вечеру ходил гулять по болоту, и ветер вдруг стих. Сейчас полное безветрие. Может быть, вода понемногу остывает по ночам? Несмотря на выходной, купальщиков почти не было.

Понедельник. Иногда мне кажется, что подобные периоды тревоги, или как говорят люди попроще, *депрессии*, даются мне для того, чтобы я мог оценить обычное состояние обычного человека. Мне кажется, в двух словах, это — забота о будущем. Именно мысли о будущем делают жизнь адом. Как не вспомнить нагорную проповедь!

А с персонажами дело обстоит так. Забота о них автора — чтобы они были убедительными. И совершенно другие отношения связывают его с другими авторами, читателями.

Внешним — в притчах, т.е. им довольно басни, рассказа. А с учениками мы равны («область дал чадами Божьими быти»): вам дано знать тайны, Тайны Целого.

То, что *на Гауе* учились (по крайней мере я) завязывать шнурки — не только шутка. Ведь дисциплина стиля и есть дисциплина мысли. Все чуждое, наносное, примазывающееся — беспощадно осмеивалось, и как (мне) показало время — в подавляющем большинстве случаев справедливо. Помню, как случайный мальчик (“пионер”) явился со значком — портретом Че Гевары, и в процессе обмена “феньками” этот значок был назначен (втихаря) переходящим, дававшимся (при неведении награждаемого) “самому редкостному мудиле”, т.е. отличившемуся наиболее на данный момент феноменальной глупостью.

Я замечаю, что *Kinbote* в начале этих записок помянут неспроста.

Вместо намеченного “финского дневника” идут заметки о потерянном королевстве, а мелкие вкрапления “slang’a” выглядят почти земблянскими инкрустациями.

Серый день. Странно, что меня так радует изредка выглядывающее солнце (я всегда отгораживался от этого популярного источника хорошего настроения, особенно в городе, а не в городе ценю его как “прибор для нагревания воды”, к восторгу любителей “парадоксов”).

Каждый день меня сопровождают в виде фона разные привязчивые мелодии, то *Дельфиненок*, то еще какая-нибудь чушь. Сегодня, наконец, что-то осмысленное, фрагменты чудного стихотворения, которое я не помню где слышал в авторском чтении: «...те же тучи и дождик с утра... Вчера ты была у меня, но тебе уж тоскливо со мной, под вечер ненастного дня ты мне стала казаться женой; Что ж, (едва заметная пауза) прощай! Как-нибудь до весны проживу и один, без жены» (самая естественная речь из всех *великих*, что я до сих пор слышал, уверенная, ясная, без аффектации, давшая мне как бы в щелку подглядеть, точнее, подслушать, почему все, даже не любившие его как писателя, заслушивались его разговорами). «...камин затоплю, буду пить», — и тут же захотелось бежать на поиски магазина и купить фляжку *whisky*, по-моему, самый дешевый здесь напиток.

Оказывается, не так все просто (дописываю часа через 4). Все опрошенные согласились в одном: ближайший *Alko*-магазин в *Nummula*, разошлись только в расстоянии до нее: 8, 20 или 10 км. К счастью оказалось верным последнее.

Я, правда, колебался какое-то время, да и пара человек сказали-таки: 20, но потом решил, что день довольно свежий, ничем я особенно не занят, выпить вечером захочется, и, наконец, не худо бы размяться перед поездкой в *Helsinki*, это 33 км по трассе + до *Veikko*’ы 5.

Интересный всё же у них быт: спиртное — один магазин на 30-40 км, и это на главной дороге

страны *Helsinki-Turku*, Аризона какая-то, а каково где-нибудь в Лапландии?

Поиски смысла ведутся Разумом, субъектом смысла. Он-то и будет поворачивать свой предмет так, чтобы его образумить. Т.е. не обязательно даже поиски, сама проблема ставится им.

Вторник (15-е?). Тучи с утра были низкие и серые. Пошел спросить воды у дачников. Никого не нашел, но на одном участке увидел колодец, решил набрать сам, если и заметят, не убьют. Колодец с конической надстройкой, к которой прислонено дивное ветхое ведро на не менее дивной палке. Ведро оказалось еще и дырявым, все как положено, но удалось набрать две бутылки по 1,5 л, вода очень вкусная и холодная. Искушался на обратном пути, распугивая водяных жучков, ловко они по воде бегают.

Только вскипятил воду — пошел дождь, завтрак в палатке. Смотрю на озеро, вода как мутное зеркало, и капли скачут по поверхности, как мошкара. Прилетел дятел. Ему дождь ни о чем. Дождь то прекращается, то начинается снова. Подвязал кверху угол палатки, теперь в треугольнике еловые ветки, гладкое зеркало с прыгающими точками, и плывет какая-то утка, а на том берегу серые камни, как в сказке, и снова елки. Ударяя от костра под крышу, набросал сверху дров, чтоб не мокли, теперь разгорается, судя по запаху.

Пора, значит, кипятить вторую порцию. Ужасно вкусный чай из этой воды.

Не наступает ли реванш за “самое сухое лето”?

Положил в костер самые “долгоиграющие” (как выражались наши родители) дрова, остальные уложил вокруг гнездом, а сам — в палатку.

Молодец я все-таки, что ее взял. Когда идет дождь этак по-фински, не торопясь, передохнет — дальше пойдет, кажется, что теперь это как минимум надолго, или наступила осень, а осень здесь длинная, до самой зимы.

(Пока я так размышлял в стиле Ондатра, я заметил, что подтекают борта, т.е. палатка натянута кое-как, и в окна затекает, пришлось срочно выбегать и натягивать крышу). А теперь вот припустил, может, выльется сегодняшняя норма. Перестал. Какая свежая зелень, какой запах! Одна досада: мокрые дрова. Сейчас сосна на том берегу напоминает по цвету Сезанна. Почему на Севере нет великих художников? (Мусатов? Левитан?)

Ведь сколько благородства в цвете. Серый ствол сосны совсем рядом, кора, а на сером — холодные, бледно-бледно-зеленые пятна лишайника. Сислей бы знал, что делать с этим серым. Стандартный искусствоведческий ответ: мол, южане более в ладу с предметным миром, а север больше по части туманов, фантазий, но это не ответ.

Утром у мостка слетали с березы и плавали по темной воде желтые аккуратные листики. А ночью в совершенно неожиданном месте взошла луна, половинка. Потом подумал и решил, что всё нормально, с востока. И ночь-то была ясная, све-

жая, первый раз видел Медведицу, там север. А с утра вот сырость, серость, туманы, фантазии.

Почему-то ни с того ни с сего примерещился Таганрог; и ведь был-то я в нем часа 2... А проснулся я под бубнение (внутри головы, не снаружи) Пастернаковского «Августа», я его послушно прокрутил до конца, немного сбиваясь. Много странного в нем, но самое странное — «вдруг кто-то вспомнил, что сегодня 6-ое августа по старому», — т.е. они еще помнят старый календарь, но в церкви уже давно не бывали («вдруг...»). Слегка запутался я в конце, кто поле чьего сраженья, но вообще, конечно — вещь. Причем, как часто у Пастернака, попробуешь разобрать по частям, — что-то не так, одно неточно, другое неловко, а в целом — мощь, поток, сметающий мусор. Секрет *drive'a*, — пора, пора этому слову в калашный ряд, как говорил Герман. Разбирать, кстати, Пастернака на части уже пытался Адамович, и всегда выходило „quod erat demonstrandum“. Но с Адамовича какой спрос, не постеснялся же он объявить, что проза Кузмина переживет его же стихи.

Сквозь палатку кажется, что показывается солнце. И дятел как-то повеселел. Точно: дыры голубого неба, а на каждой ёлочной иголке по блестящей капельке, но эти штуки уже как визитная карточка русской литературы, будем скромнее.

Всегда, как только Kinbote заговаривает о священных предметах, он сразу загребаёт боком в кошунство. К чему это? Структурный прием?

Признак безумия? И как он, боясь преследования, всё о себе рассказывает, вернее, о том самом «я», которое боится? Надо внимательнее в Boyd'a заглянуть, он умный. А ветер нынче западный.

Среда.

Или это в том же ряду, что земблянские шутки и поговорки («lost glove is happy»; «What Emperor?»; «Gut mag alkan, pern dirstan»), — откровенно дурацкие?...

С вечера на всём была роса. Даже у костра было холодно. Ночью просыпался, выходил (вернее, на рассвете, собственно ночи-то часа 4 всего), всё в тумане, не видно соседней ёлки, не то что другого берега.

Было душно, и снились кошмары про нацистов.

С утра очень солнечно. А вымокло всё лучше, чем от ливня. Хорошая палатка. И легкая, и не промокает, и колышки в комплекте. Советский турист должен был иметь топор, делать колышки большие и маленькие, брезент был и потяжелее, и все-таки промокал, как ни натягивай.

Неясно, как сюда занесло этот кусок. Вставить перед «в чай» (привет от Kinbote'a!)

В чай падают ёлочные иголки. Спустился по камню вымыть руки, мыльница раскрыта, а в крышке подарок: жёлтый березовый листок с ржавчиной по краям. Кстати, березовая зелень по спектру гораздо теплее осиновой, м.б. поэтому осина краснеет, а береза желтеет.

Как только я открыл последнюю страницу текста („more competent Gradus“), на неё села большая хищная муха, держащая во рту другую, маленькую и очевидно менее хищную, села точнёхонько в месте концевочной виньетки, очень выверенно по композиции, и долго, минуты 4, оформляла мне книжку.

Не знаю, говорил ли я уже, но все «пингвинские» книжки очень слабо cover designed. Здесь, например, на обложке свеча, фрагмент Латуровой картины. При чем тут свеча? Как будто оформителя обязали не заглядывать внутрь. И так везде: на *Seb.Knight*'е какой-то сомнительный молодой человек в очках, на *Лолите* — возмутительная картина враскоряку.

Когда персонаж обращается хоть к Б., это не более, как фигура речи, т.к. только его автор решает его судьбу. «God will help me, I trust, to rid myself of any desire to follow the example of two other characters in this work.» Здесь мы видим замечательный пример самосознания персонажа.

Забыл сказать. Ночью было промежуточное пробуждение под Ж. Иванова: «раз начинаются воспоминания, значит — а может быть всё пустяки?» etc.

На мосток пришли две тетki уже часа полтора назад, я сижу к ним спиной и слышу только голоса. Сейчас обернулся — ловят рыбу. Невозможная картина в Германии.

Ясное утро сменяется понемногу очень облачным *afternoon*'ом (как это, кстати, по-русски?). Ветер неизменно западный, так что „anything may happen“. Да, осень. Только самые настырные спортсмены ещё плавают, вроде дружелюбной тетki с веселой овчаркой, от которой надо бы попрягать промокаемые вещи. М. б., не только от неё. Вот и в упоминавшемся «Августе» осень ясная, как знаменье, к себе приковывает взоры, хотя там про Переделкино, которое гораздо южнее.

Две недели — пролетели (прямо считалка). На послезавтра, если не будет дождя, намечен отъезд. И куда девать в городе велосипед?

С дождем, кажется, пока пронесло, показалось солнце, уже опускается, блестят всякие паутинки, как у Тютчева.

Четверг. Утро сравнительно ясное, по краю неба идут тяжелые характерные облака, иногда выглядывает солнце. На воде невозмутимо раскрылись лилии, как белые звезды. Сейчас только заметил, какой странный мох на корнях ближайшей сосны, то многопалыми лапами, то трубочками (удлиненные, раструбом кверху) бледно-голубых оттенков, иногда с киноварными пятнами по окружности, вроде инопланетных пейзажей времен «научной фантастики».

Ночью было не так мирно. Только принялся варить рис, пошел дождик, я продукты — в палатку. Начал есть — дождик перестал. Я — обратно. И так несколько раз. В конце концов покурил у костра при вспышках декоративной, т. е. безобидной

грозы и неиссякаемых потоках капель с негустой на вид сосны. Зато ночью пошел сильный дождь и лил до утра.

Сейчас ветер, «естественно», западный, так что опять можно ждать чего угодно.

3-й том *Добротолубия* (тоже прихватил). «Когда душа начнет уже не похотевать красных земных вещей, тогда прокрадывается в нее большею частью некий унывный дух, который ни охотно потрудиться в служении слова не допускает ее, ни твердаго желанія будущихъ благъ не оставляет в ней.» (бл. Диадохъ)

Психологи старички! Воображаю, каково продирается сквозь всю эту скукотищу «изучающим средневековую философию». Воображаю также, какое облегчение — первые проблески атеизма или переход к ученым, занятым не «спасением», а более специальными вещами. Так что это всё — только «человеческое», а не советское.

Сходил к дачникам за водой, душевные старички, копались в багажнике, я их слегка напугал, подойдя сзади. Накачали воды из колонки, улыбались, махали ручкой. А по-чужому не говорили. Тот полиглот с волосатым носом, кажется, еще и в этом смысле исключение (заявил, что понимает по-русски, правда разговаривать отказался, а когда я сказал, что приехал из Германии, без напряжения спросил: was machst du in Deutschland? — бывший снайпер, наверно). Возвращаясь, посидел на мосточке, посмотрел на очень низко идущие на меня облака; был сильный ветер, и я впервые вечером не плавал, решил, что намокнет одежда, когда пойдет дождь и т.д.

И оказался прав. Тут же началась теперь уже, видно, ежевечерняя нервотрепка: то шибче пойдет, то притихнет. Забросил вещи в палатку и, разведя огонь, живо накидал побольше дров, пускай дымит, а то возись потом с мокрыми. Хорошо: есть забота, иначе одолела бы «предотъездная» тоска. С последней, кажется, все просто: если она сама есть, то повод найдет. Как все же неприятно: уехать бы завтра, т.е. было бы ясно хоть с утра. А что делать в городе, если придется ночевать? Придумаем что-нибудь. Опять пошел сильнее. Костер гаснет. Вылезать неохота. Ходил за новыми дровами — показалась первая сыроежка, прямо на тропинке, взял было, потом бросил.

Все-таки выскочил, уложил новые дрова так, чтобы не заливало угли.

Плетеные тапочки совсем разваливаются. Есть в этих записках что-то японское. Разгорается! Сверху лежит драгоценная, можжевелевая.

Как пахнет дым!

Сергей ОГИЕНКО

Люботин

СРЫВ

Кохов досмотрелся в одну точку до такой степени, пока она наконец не приклеилась к его взгляду, войдя в мозг и не желая отпустить. стакан с чем-то остывающим всеми гранями впивался в его сжатую ладонь, безуспешно пытаясь выловить Кохова из его вязкого состояния. Но Кохов не поддавался на уговоры жизни, ему хотелось обрести гранитом и сделаться памятником, солидным и одиноким.

Вокруг Кохова, как, впрочем, и в сердцевине его судьбы, как-то сразу и везде суетилась жена Лида-Лидушка. Сейчас она скребла ножом в чернеющей горем сковородке и ругала Кохова своим тонким пронзительным голосом; голос больно впивался в Кохова и мелко-намелко крошил его виноватую сущность под салат или Лидин-Лидушкин борщ.

Лида-Лидушка ругала Кохова, елозя сквозным голосом по самым разнообразным чертам мужа: ругала о том, какой он плохой едок и работник, и всё ему идёт не в тело, а куда-то мимо и в пропасть, и вообще, даже сына носом в его обязанности ткнуть не может.

Кохов отпустил стакан на пластиковую волю белолицего стола и перебросил интерес на смуглую ухоженную муху, бредущую стеклянной пустыней окна. Муха ощутила внимание и принялась грациозно покачивать крылышками.

— Да ты слышишь меня или нет? — кинула петлю голоса Лида-Лидушка и намахнулась недоскрёбанной сковородой в адрес мужа.

— Нет, — от неожиданности честно ответил Кохов и сиротливо двинул лопатками над задним выкатом майки.

— Так! — выдохнула остатки сил Лида-Лидушка и присела на рядом стоящий табурет. — Я уже больше не могу!

Кохов притянул к себе жену и легко обнялся с нею, проверяя: не чудится ли? Оказалось, нет; сковородка утвердительнобрякнулась на пол.

— Я тоже, — в сваленную кучу её признаний он поверженно подбросил свои.

От накатившей тени безысходности кухня сделалась совсем маленькой, душной. Из позабытых жилых комнат в неё резко впился растущий резвее курса доллара сынулик Гришка и озабоченно задвигал ртом:

— Ма! Па! Вы не коптитесь: я эту двойку хотите исправлю?

Родители с абстрактностью загнанности махнули руками куда-то через окно, куда, заслоненная мухой, устало закатилась жизнь. Гришка понял это как «Гулять!» и худосочно поволокся в дверь. Блуждающая муха потеряла ритм и сломанно установилась на одном месте.

Кохов посмотрел в рисунок глаз жены, каждый раз новый из-за косметики, но не заметил там ничего, кроме закопченного отражения кухни. Глаза Лиды-Лидушки забегали по сторонам, пытаясь вытряхнуть занозу изображения. Кохов отвёл свои вбок и опустил вниз, словно как раз оттуда должна была воспарить некая спасительная идея.

— Да, — обкладываясь словами, подытожил Кохов, — мы так больше не можем.

— Не можем, — поддержала его жена. — А что мы можем вообще?

Оба, как под копирку, посмотрели в пустыню окна: до земли было так далеко, что неизвестно, останется ли она там на долгое время падения... На отдалённую землю, как всегда вдруг, неожиданно выбрался их росточек Гришка, постоял и шмыгнул в не видную сверху сторону.

«Нет!» — в один голос решили про себя супруги и отвели мысли от тяжело тянущегося зрелища.

Муха вспомнила ритм и снова пошла блуждать по стеклыне.

Лида-Лидушка подхватила сковороду в ожившие руки и с новой силой включила резак голоса. Кохов отыскал забытую точку и вновь вклеил в неё светлеющий взгляд, одновременно захватив граненый стакан в уже готовый паз руки. Вязкое состояние обтекло его со всех сторон, пригласив с собой мысли о памятнике, солидном и одиноком.

Срыв был подавлен.

БУДЕТ ВЕСНА

Раньше, если хорошо вспомнить, весна была какая-то более дружная: ветер южный установится, солнышко пригреет, снег сразу просядет и потечёт, птицы наслетаются. А сейчас — бардак: то снега вовсе нет, то солнце скрылось, то ветер не в ту сторону дует — один саботаж кругом! Природа — как у людей учится.

Так думал Васик, топя вечером на работу. Путь его пролегал через навозные топи, потому как Васик, хотелось ему или нет, работал сторожем колхозной фермы.

День как бы щурился и быстро темнел; что-то такое имелось в воздухе, отчего Васик чутко определил: к снегу.

Васик прошёл мимо крика светящегося окна кабинета завфермой Бабунина. Бабунин, со своим серым извилистым волосом на голове, издали похожим на мозги, кричал кому-то в телефонную трубку: «Десять, да! Все десять!» — и, так показывая, растопырил пальцы, что их казалось не менее двадцати.

Васик прошагал мимо, и видение окна исчезло, вокруг него плотно запахла молодая тьма. В лицо что-то беспомощно ткнулось, вроде бы попросилось внутрь. Васик, проверяя, протянул вперед ладонь, и точно: на неё присела и не хотела таять первая снежинка. Васик сдул её, и она неохотно рассталась с уютом его руки. «Ручная», — подумал он и ощутил, как в душу пробралось тепло и мягким котом свернулось на сердце.

Возле входа в коровник его поджидал сельский дурачок Раклуша: серые шапка, фуфайка, штаны, экватор обильной поросли через всю голову. «Такой же, как я, точно! — вдруг открыл для себя Васик. — Только взгляд непонятный, смазанный». Говорили, раньше был учителем, но потом от бурного чтения подвернул перегруженный ум и перестал выговаривать некоторые буквы — правда это, нет ли, Васик не знал: в этих местах он жил недавно, после срока и лагерей.

Вши по Раклуше ходили концентрическими кругами, он их, наверное, не одну династию вывел.

— Коля, Коля! — радостно подскочил Раклуша, он всех называл Колей. — А у тебя будет, будет?

— Не знаю, — поочередно пожал плечами Васик.

Глаза на тесном лице взрывообразно расширились:

— Коля, Коля! Умá — есть? Есть, а?! Как без вина асенького?! — весь зажил и запрыгал Раклуша.

— Ладно, ладно, спокойно, — сказал Васик, ища умом, как отвязаться. — Тебе бы вина совсем нельзя.

— Коля, Коля, надо, надо! Праздник сегодня! Я до Пáси соседки добрался! Посиловáл её в самые губы! Теперь, Коля, готово: двое будет! Двое!

— Двое? — удивился Васик. — А кормить кто будет?

— А сама! — очень убеждённо махнул рукой Раклуша. — Коля, друг, дай на вино!

«Не отстанет ведь!» — подумал Васик и полез в карман.

— На!

— Ау! Ау! — вместо «ура» закричал Раклуша и прямо поскакал прочь. — Пасю посиловал в губы! А носька тёмною-ю была-а!

Васик рванул на себя дверь и стремительно зашагал мимо внимательных коров: он всегда избегал их серьезных влажных взглядов, будто бы имел перед ними какую-то вину. Однажды, будучи сильно спьяну, он приволок и установил прямо в коровнике цветной телевизор. «Пусть, — кричал, — коровы сериал смотрят, они ведь тоже бабы!» Но на коров сериалы действовали сильно отвлекающе. «У них, — объясняли скотники, — от переживаний всё молоко перегорает, а у нас колхоз и так еле держится!» Пришлось потрезвевшему и смущённому Васику телевизор обратно смаывать.

Войдя в бытовку, он, не включая света, уставился в окно, за которым совсем не по-весеннему сыпался снег.

Васик прикрыл глаза. На секунду из него вырвался весь мятный ужас его положения: один, без нормального дела, без будущего. Он открыл глаза и наспех, комкая, запихал свое отчаяние назад, вглубь: чем меньше видишь, тем меньше знаешь.

Редкие снежинки кружились за стеклом, и всё это напоминало ему балет «Лебединое озеро»; они старались развлечь его — снежинки были добрые.

Васик посмотрел на ту ладонь, на которой ещё недавно ютилась хрупкая жизнь их сестры — ладонь после этого прикосновения выглядела намного приветливей.

«Жизнь... — смекнул про себя Васик. — И это — моя жизнь...» Ему вдруг захотелось вдоха, движения; он тронул выключатель и потонул в фёрте света. Подумав, он толчком распахнул дверь в коровник: пусть хоть животные будут не одни.

Коровы тянули свои сострадательные морды, из их ноздрей, ласковый, струился пар. Сразу сделалось легче, музыка света смягчилась.

Будет, конечно, будет весна...

Елена РАЙГОРОДЕЦКАЯ-ГУБИНА

Харьков—Хайфа

ГРАНИЦА НА ЗАПОРЕ или ИСТОРИЯ С КЛИЗМОЙ

Я — старый командировочный волк, границы пересекал многократно, с личным багажом, с товаром, с промышленными изделиями, с валютой декларированной и — признаюсь! — недеklarированной. Меня шмонали, но частенько — пропускали без шмона. Я хорошо усвоил, в каком кармане держать документы, в какой угол дорожной сумки класть тапочки, в какой — книжки, как обертывать носками главные режущие-колющие предметы командировочного (открывалка, штопор, нож) и как укутывать рубашками бутылки «жидкой валюты». Не для того, чтобы спрятать, Боже упаси! Для того, чтобы упихать побольше вещей в пространство небольшого объема и для того, чтобы избежать «усушки, утруски, боя» при погрузке багажа.

Особенно это актуально при путешествиях по воздуху. Перевес багажа карается финансово, а его неудачная упаковка — потерями. Я знал, что угроза шмона, долгого и унижительного, становится сильнее, когда сумки забиты до вырванных зубов молнии, а чемоданы топорчатся неаккурат-

Родилась в Харькове. Училась в Харьковском институте культуры (режиссер), в Харьковском университете, на курсах кинодокументалистики в Москве. Как тележурналист начала работу на первом негосударственном телевидении бывшего СССР — РТВК «Тонис-Центр» (1991-1994), и продолжила ее «вторым пришествием» (2001-2004). В телевидении — студии «Видео-линия», «Ирма-видео», «Ника-видео», «Школа», региональный телеканал «Simon», «Независимая служба новостей». В прессе — газета «Харьковские ведомости» и другие издания. Самые известные телепроекты — «Однажды», «Одна», программы «Защита» и «Городская среда». Автор документальных фильмов «Отцы и дети. Неклассика» (2 серии), «Первый день Нового Года. Три века вглубь» (3 серии).

Автор книги «Женская метка» (Москва, АСТ 2006). Гран-при фестиваля «Гелиос» (1999, телепрограмма «Однажды»), победитель конкурса «Лидеры Украины» (2000 г., цикл телепрограмм «Однажды»), первый приз Международного фестиваля журналистики (2001 г., цикл телепрограмм «Одна»), специальный диплом на конкурсе «Золотой Георгий» (2002), первое место на международном тематическом конкурсе по проблемам безработицы в области (тележурнал «Трудовая книжка», 2002 г.).

Фильм «Отцы и дети-2» (израильский вариант) стал призером фестиваля «КинОле» (Израиль, Хайфа, 2011 г.).

С 2009 года живет на две страны, работает и в Харькове, и в Хайфе. В Израиле комиссия по абсорбции творческих работников рассмотрела ее работы и присвоила Е. Райгородецкой категорию «выдающийся специалист» в номинации «кино и телевидение». Член НСЖУ (с 1999 г.).

ными углами. Еще я знал три правила общения с пограничниками и таможней: не спорить, не пропустить и не шутить.

В общем, образно говоря, мой опыт открывал мне заборы от границ, но ровно на ту щелочку, в которую таможенники и пограничники соглашались пропускать серьезных, послушных и аккуратных.

Израильской авиакомпанией «Эль-Аль» я летел впервые. Списка дозволенных к провозу в Обетованную Землю вещей я придерживался строго, поэтому досмотра ни с той, ни с другой стороны не опасался. Все лекарства, даже початые упаковки, как положено, я засунул в обертки, собрал все вкладыши. У меня была специальная сумочка имени моей мамы, куда я сложил свою аптеку. Мама проверила по списку: сердечное, обезболивающее, слабительное, закрепляющее, снотворное и... протянула мне клизму.

— Зачем? — поразился я.

— Сынок, — вздохнула мама. — Ты едешь в страну, где проблемы с водой. А от этого бывают проблемы с желудком.

— Для этого есть таблетки! — возразил я.

— Таблетка может подействовать через два-три часа, а может — на следующий день. Это непредсказуемо. А клизма действует здесь и сейчас!

В руках у мамы была румяная резиновая груша с небольшим металлическим наконечником. Мамы сжала ее для усиления эффекта «здесь и сейчас», клизма пискнула и выпустила струю воздуха с запахом талька. Я понял, что мне не отвернется, и решил, что, в конце концов, могу выбросить клизму по дороге в аэропорт. Или, по крайней мере, потом запрятать ее в дальний угол чемодана, чтобы она лежала там до конца моего пребывания в пустынной безводной стране. На глазах у мамы я сунул клизму в наплечную сумку, и она ввинтилась туда — носом вниз, задом кверху. И так застряла. А я о ней забыл.

Моя машина по закону подлости завелась не сразу. По дороге в аэропорт я отстоял в пробках, понервничал, покурив влать и поматерился в окно машины с соседями по несчастью. Припарковался, с трудом найдя место на долгосрочной стоянке. Чуть не подрался за тележку для багажа, погрузился в нее и встал в очередь к хранителям замков от наших границ. После всей этой мелкой, но противной нервозности, они показались мне чудесными ребятами, не хранителями, а просто ангелами-хранителями.

Мои дорожные сумки, перепоясанные скотчем, благополучно уехали в багажное отделение самолета. Паспорт проверили. Осталось нырнуть через арку металлоискателя, и можно было отдыхать в накопителе, пить коньяк в буфете, ожидая бесплатных напитков в самолете. Сервис «Эль-Аля» высоко ценили все мои приятели, побывавшие в Израиле.

Впереди меня оставались несколько человек. Семья с ребенком лет четырех ставила на ленту ручную кладь в количестве восьми сумок и пакетов. Ребенок вертелся, дергал родителей и просил-ся туалет.

— Давайте быстрее, все металлические предметы вынули, сюда в ящик положили, — недовольно торопил их таможенник. — А потом пойдете в туалет... в буфет... Куда хотите...

Он почему-то произносил твердую букву «э», как будто подчеркивал брезгливое отношение к проблемам проверяемых им личностей. Женская сумочка зазвенела на въезде в металлоискатель. Из нее таможенник извлек косметичку, из косметички какой-то чехольчик, из чехольчика — маникюрные ножнички.

— Зачем вам ножницы в самолете? Что будете рэзать? — таможенник без улыбки смотрел на даму.

— Ой, это для маникюра...

— Давайте сюда, — таможенник поморщился и бросил ножнички в ящичек для конфиската.

Народ в очереди пересмеивался о том, как дядя будет делать себе маникюр конфискованными инструментками, «или маникюр, или обрезание...». Но я помнил, что шутить нельзя, и сдерживался.

В это время женщина впереди меня быстро сложила в ящик ключи, зажигалку, звякнула еще чем-то. У нее была всего лишь одна сумочка через плечо. Она поставила ее на ленту, но брезгливый страж границы схватил сумку. Сначала пощупал снаружи, потом вытащил из нее коробку. Когда открыл крышку, стало видно, что это коробка с лекарствами.

— Зачем вам столько упаковок сенадэксина? — спросил таможенник.

Женщина, стоя ко мне спиной, что-то шепнула.

— Запор? — громко озвучил ее проверяющий. — Вы считаете, что в Израиле нет слабительного?!

Я подошел на пару шагов и увидел, что коробка практически заполнена одним только сенадэксином. Таможенник брезгливо перебирал пальцами облатки с коричневыми таблеточками. У меня стало нехорошо на душе. Но делать нечего, когда опозоренную даму, наконец, отпустили вместе с залежами слабительного, я поставил перед таможенником свою сумку.

— Колюще-режущие предметы есть?

— Нет. — я был краток и серьезен.

— Весь металл из сумки, из карманов вынимайте. Складывайте в ящик.

— У меня нет металла.

Сумка поехала, я пошел. Сумка зазвенела, я был тише воды...

— Вернитесь! Открывайте сумку!

Таможенник вытащил из сумки клизму, о которой я успел забыть, и она блеснула своим металлическим наконечником. Он рассматривал ее с огромным удивлением, потом поднял повыше и кто-то в очереди сказал: «Ого! Вот это размерчик!» Я обернулся. Смеялся пожилой мужчина с мощным носом.

— Зачем вам клизма в Израиле? — спросил, как мне показалось — нарочно громко, хранитель границы.

Я молчал.

— Я спрашиваю: зачем вам клизма? — он явно издевался, и у него это получалось с помощью чуть искаженных слов. И я не выдержал. Я нарушил правило.

— Зачем клизма? А вы не знаете?! — сострил я. — Могу рассказать о цели и о месте применения этого предмета...

— Металлические предметы в салоне самолета запрещены. Ваша клизма останется здесь.

Таможенник постучал металлическим наконечником, помахал клизмой у меня перед носом и бросил ее в конфискатный ящичек. Она упала на бочок, резиново хрюкнув. Народ хохотал мне в спину.

Когда мы шли по «рукаву» к трапу самолета, меня догнал носатый старик.

— Нет, зря, зря отдали такую красавицу! В Израиле таких не делают...

Он тоже искажал слова, но как-то не так, как хранитель запоров от границ. Он разговаривает, как в одесских анекдотах, подумал я.

— У нас в Израиле клизмы маленькие (он показал колечко из толстых пальцев), с во-от таким наконечником (он развел пальцы пошире)... Одноразовые, молодой человек, одноразовые... — и старик покачал головой.

Я не понял, что значит — одноразовые, хорошо это или плохо. В самолете нас развели по местам очаровательные «эляли», стюардессы авиакомпании «Эль-Аль», которые говорили только по-английски и на иврите. На этих двух языках они и провели положенный инструктаж. Я уже ослабился и приготовился к дальнейшему сервису, как среди «элялей» началось какое-то смятение, движение, они явно поглядывали на меня и вели переговоры с кем-то по радиосвязи. Знакомый старик сидел впереди меня, он высунул свой нос между сиденьями и что-то показывал мне пальцами. Что-то круглое.

И тут хлопнула дверь нашего салона, и по цепочке выстроившихся в проходе стюардесс, передаваемая из одних женских ручек в другие, поплыла моя злосчастная клизма. «Эляли» прикасались к груше нежно, удивительно эротично. Одна из них, по-английски и на иврите, обратилась к пассажирам рейса с просьбой кого-нибудь помочь с переводом. Я не успел сказать, что немного говорю по-английски.

— Молодой человек, это вам! — вскочил пожилой израильтянин, явно одесского разлива. — Погранично-таможенная служба возвращает вам клизму! Это (он показал на наконечник) можно не записывать в металл!

Он перехватил клизму у стюардессы и потрогал наконечник. Потом погладил резину, поцокал языком и передал мне грушу. Все пассажиры смотрели на меня. «Эляли» стояли навтыжку и улыбались. По-моему, я стал одного цвета с клизмой.

Выпив коньячку и закусив отличным полетным обедом, я вспомнил о брезгливом таможеннике, и, засыпая, каламбурил про себя: хранитель запоров, ревнитель запоров...

А клизма в Израиле мне так и не пригодилась. Таблетки, к счастью, тоже.

МИНИАТЮРЫ

БИОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАГАДКА

На нижней полке их было трое — полковник, врач и раввин. Полковник был родом из Москвы, воевал в трех войнах, ушел на пенсию в каком-то израильском чине, звание полковника сохранил как прозвище из российского прошлого. Он был в плавках.

Врач был настоящий еврейский доктор, маленький, самоуверенный, голый, но в очках.

Раввин был просто рав. Он был голый и в пайсах.

Эта компания в сауне собиралась регулярно. Сауна была специальная — для религиозных евреев большая скидка, поэтому там их всегда было много. Из троих друзей обрезанных было двое, полковник же соблюдал политкорректность.

Доктор вдохновенно врал:

— ...И что ты думаешь? Хирург на то и хирург, он даже в качестве мозля работает профессионально. Отрезать кусок члена — не вопрос, а нащупать рядом адэномочку, а уретрочку просканировать? У одного снял крайнюю плоть вместе с остатками триппера, и после обрезания мужик стал как девственник! Биологическая загадка!

Раввин добродушно пропыхтел:

— Все ты врешь. А триппер в крайней плоти не бывает.

— А-а-а, дружище рав, я понял, понял! Он, наверное, в глазу бывает? Да?!

Полковник молча поддернул плавки. Раввин почесал глаз.

— Если бы все евреи были обрезаны как положено, на восьмой день после рождения, твоему хирургу-мозлю не надо было бы возиться с грязью.

— Это больной человек — грязь?! Это больной тебе грязь?! — возмутился доктор. Очки его давно запотели, но он их не снимал. Как и полковник — плавки. — Для меня, как для эскулапа, не бывает грязи в человеческом теле! И триппер — не грязь! Ни в члене, ни в глазу!

— А причем здесь глаз? — не понял полковник.

Вокруг стали собираться слушатели. Полемика живо заинтересовала моющихся голых евреев. Они нависали своими животами над сидящей над полке троицей. Доктор даже встал, чтобы не обращаться прямо к их голым аргументам.

— Посмотрите, евреи! Здесь... — тут он так взмахнул рукой в сторону обсуждаемого объекта, что ближайший к нему голый слушатель отшатнулся, взмахнув пайсами. — ...Гнездится куча медицинских проблем! А настоящий хирург — он и в синагоге хирург, как отрежет — так отрежет все лишнее, все!

Полковник схватился за причинное место. Раввин и остальные остались спокойными.

— Вы, ..., с ума посходили?! — заорал полковник. — Я еврей в сто пятьдесят пятом поколении, у меня, кроме еврейских, других корней нет, но я ни за что и ни кому не дам, ..., резать член! Ни куточка, ни капельки! Ни вершка, ни пяди не отдам!

Похоже, полковник вспомнил советскую песню. Раввин примирительно похлопал его по мокрому колену.

— Ты просто боишься, друг. Как ребенок ботится зубного врача. Конечно, немного больно, особенно в твоём возрасте. У вас в Москве такой шойхет приличный был в синагоге... Ай, как же еврейская мама не позаботилась в детстве?!

— Еврейской маме не дал еврейский папа надругаться над сыном! — взревел полковник. — Он знал, что мне еще в армии служить, притом в советской!

— Я тоже в армии служил, притом в советской, — заявил врунишка-доктор. — А в Израиле пришел в синагогу и сделал обрезание. Мне было больно и страшно, да! Но я вытерпел! Я даже горжусь собой!

— Гордишься?! Герой нашелся! Я воевал, а ты... а ты чего герой— герой своего члена?! Кавалер ордена крайней плоти?!

— А ты... А ты... А может, ты просто боишься, что у тебя там тришпер обнаружат? А?! — доктор подскакивал вокруг полковника.

Голые животы и прочее вокруг спорщиков заколыхалось от смеха. Раввин погладил доктора по мокрому плечу.

— Дружище эскулап, позднее обрезание — это как поздняя любовь: больно, но гордишься тем, что смог...Сладкое чувство победы над собой. Бог это оценит. Как и твои боевые заслуги. — Он положил другую руку на плечо полковника.

Присмирив, доктор продолжал:

—... так вот, биологическая загадка такова — уже разработаны методики нехирургического обрезания: есть равы, которые наложением руки и даже — прошу мне верить! — взглядом убирают крайнюю плоть. Никаких травм! Правда, это только у младенцев. Такого, как ты, пожалуй, не возьмет...

Доктор посмотрел на плавки полковника. Полковник показал ему средний палец. Раввин, сидя между ними, улыбался и смотрел в потолок сауны, где в сгустившемся пару ему виделось что-то. Евреи мылись накануне субботы.

БЭЗУСЛОВНО, БЭСТОЛОЧЬ...

Мария Абрамовна абсолютно не изменилась внешне. Только в Израиле старики не молодеют, как в Америке, не нищенствуют, как в России, не гибнут от холода и голода, как у жестоких народов Севера, не долгожительствуют до полного извращения, как на Кавказе, а просто консервируются в том возрасте, в котором приехали сюда.

Со стариками репатриантами в Земле Обетованной происходит простенькое чудо: они делают первый вдох и с воздухом Израиля проглатывают некий консервант. Дальше они не будут стареть, слабеть, изменяться. Нет, бессмертия им никто не обещал, но они уйдут такими же, какими пришли на эту землю.

Мария Абрамовна ступила на Святую Землю с папиросой в зубах и подбитым глазом. Она курила как сапожник и регулярно с кем-то дралась. Еще она произносила два любимых слова: «бЭзусловно» — это положительное, «бЭстолочь» — это отрицательное. Вообще же она говорила мало. Ей хватало минимума слов, как Эллочке-Людоедке, поэтому с изучением иврита у нее не было проблем. Она его просто не учила. Обходилась своим, законсервированным словарным запасом.

Я сразу увидел знакомый фингал, сигарету в зубах и крикнул: «Маша! Мария Абрамовна!». Обнял ее и спросил: «С кем подралась?» «А, бЭстолочь одна...» — махнула рукой старуха и смачно затянулась. Дым поплыл незнакомого запаха, неотечественный. Сигарета была слабенькая, любимых «Беломора» или хотя бы «Явы» здесь не было. И фингал под глазом был неэффективный. В нем не было разноцветья былых битв, когда каждый день после победы (или эффектного поражения!) глаз Марии Абрамовны окружала новая оправа: сначала синяя, потом в легкую сирень, затем желтинка с прожилками, а под конец просто зеленоватый отсвет.

— Скучаешь?

— БЭзусловно.

— Воюешь с кем-то?

— БЭзуловно.

— Внуков нянчишь? Или уже правнуков?

Старуха уезжала еще не старухой. Ее увозили с собой сын с беременной невесткой. Пока невестка была беременная, Мария Абрамовна с ней не дралась. Мы заключали пари, сколько продлится это перемирие до первого фингала.

Израильский бланшик под глазом Марии Абрамовны блеснул. Под затяжку сигареты старуха незаметно вытерла глаза.

— Нет, чужих бЭстолочей...

— Почему?!

— Они погибли. Оба. Когда внуку было полтора года. Пошли на дискотеку, молодые бЭстолочи... А внука у меня забрала эта... Увезла.

Мать невестки не получили имени у Марии

Абрамовны. Русское слово «сваха» было ей непонятным, русское имя этой женщины – лишним. Они были далеки друг от друга даже тогда, когда еще жили по соседству в старом русском городе.

– Что же ты делаешь здесь? Почему не вернешься домой, к внуку?!

– А я дома. Он скоро приедет ко мне.

Мария Абрамовна докурила. Сигареты без лишнего никотина и почти без запаха не удовлетворяли ее.

– Ты в Израиле нянчишь чужих детей и ждешь своего внука?! Маша, это бред! Он может никогда не приехать! Вообще!

Законсервированная старуха поднялась. Пачка облегченных сигарет закончилась, и она хотела закончить разговор

– В Израиле нет чужих детей. А мой внук еврей по отцу. Здесь это проблема. Но он приедет и все решит сам. Я думаю, мы вместе пойдем на кладбище. Поговорим, покурим. Ведь ему уже 18.

– Маша, ты ждешь его все это время?!

– БЭзусловно.

– А если просто не захочет? Просто не захочет и не приедет?!

Мария Абрамовна почесала неэффективный фингал. Она пошла от меня, даже не попрощавшись. Маша никогда не страдала избытком воспитания.

– Ты куда?

– Лучше бы привез «Явки» или чего-нибудь покрепче, бЭстолочь...

Она совершенно не изменилась за 20 лет.

Юлия ФАЛЬТЕР

Москва

И ПО-МОЕМУ, ЗВАЛСЯ ОН САШЕЙ ...

— то ли юноша, а то ли виденье.

Самая первая любовь. Настолько, насколько она может быть первой. Начаться, чтобы не заканчиваться, но раствориться незаметно в воздухе благоуханьем слетевших, как снежинки, лепестков — и воскресать в воспоминании. И та была отсроченным ударом. От которого, в отличие от последующих, совсем не было боли.

Это было где-то в мае, в цветущем повсюду, вселенском мае детства на границе отрочества: мне было десять. Так и представляю себя просыпающейся среди облаков сирени, душистой небесной белизны, на нежно-пасмурных простынях... Просыпающейся с этим совершенно новым, но и почему-то таким знакомым чувством.

Накануне вечером по телевизору, в одной из тех программ для детей и подростков, Там-там-новостях, что ли, помимо всего прочего показали сюжет о соревнованиях по кикбоксингу и чемпионке их, такого немного застенчивого темноволосого парня лет четырнадцати-пятнадцати (а глаза запомнились нежными синими просветами — но впрочем, сначала ничего особенного в нём не приметилось, кроме чемпионства). Он негромким, смущённым голосом отвечал немногословно на какие-то обычные в таких случаях вопросы.

Это всё услышится потом, через ночь и через годы: и контраст застенчивости-смущения с решительностью и мастерством в бою, и рыцарская скромность, и что вообще *так дорог этот стыд небесной красоты* — а пока было важно только то, что этот мальчик в таком возрасте выигрывает уже далеко не первое соревнование, а родом он, насколько я поняла, откуда-то из наших краёв, да и школа где-то на Володарке, вроде, находится.

И показали-то его мельком, и черты лица толком не запечатлелись в памяти, и фамилия сразу вылетела из головы, а имя — то ли Саша, то ли Серёжа. И я, хоть моё увлечение боевыми искусствами, пока безответное (мечта внезапно сбудется осенью, застав врасплох), пребывало уже в хронической стадии, — я посмотрела, по-детски восхитилась-позавидовала, и не более. И забыла. До погружения в сон.

Там тоже был май, майский день, такой же, как эти, нежно-прохладный, но необычайно, волнующе праздничный: упомянутые соревнования проводятся на сей раз в нашем Дворце спорта! И мы с одноклассницами, такой большой и весёлой компанией (что навряд ли могло бы быть в действительности хотя бы потому, что увлечения моего никто не разделял, да я и не очень распространялась о нём), идём смотреть. Участвует тот парень, и выступает блестяще, все единодушны, и судьи, и зрители, наблюдаем заворуженно каждое движение. Никогда не приходилось ещё так восхищаться чьей-то техникой, личной неповторимой манерой и мастерством — и харизмой, обаянием в нём, пусть я едва понимала, что это такое. Искусством не вообще, а в лице одного человека. Помню только, что он вёл бой как-то легко, изящно и играючи, без тени натуги, страха, злобы. Размашисто, как в полёте, как плеском крыльев: оттого и остался этот образ могучего ангела, мощь и нежность. Спокойной уверенностью обезвреживает довольно сильного, по-видимому, соперника.

И побеждает любя. И помимо первого места и призов завоёвывает нечто неведомое: чьё-то сердце.

После, «за сценой» — в какой-то обшарпанной кафельной раздевалке, наполняя эти старые, унылые, болезненные пространства своей радостной силой и небесной чистотой, наш герой общался с толпой новообретённых поклонников. Мои спутницы перешучивались и заигрывали с ним. Восторженные дети помладше хотели узнать секрет его побед, какие-то особые приёмы. Он стал показывать удары — снова подобные взмахам ангельских крыл...Обыкновенный такой парень, но такая точность и красота движений! «И мне, мне удар!» — заражённая его смелостью, легко, весело, как во сне, просила я, встав перед ним в стойку,

чтоб он показал на мне это буквально, как атаковал соперника. Взмах... круговой удар ногой, тот, что в каратэ называется маваши, над моей головой — я успеваю то ли увернуться, то ли заблокировать, да и не стремится партнёр меня реально ударить, но это неважно: я поражена, я подброшена ангельским крылом, окружена вихрем этой силы,

и отзываюсь на неё слабостью, совершенно блаженной (вот что ново!).

С этим чувством и просыпаюсь, как просыпаются с температурой. *И на завтра был больной целый день я...*

**СТАТЬИ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

СТАТЬИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Владимир БРЮГГЕН

Харьков

НЕПРОЗАИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Мольеровский герой был потрясен, узнав, что он всю жизнь разговаривает прозой. Это немедленно оживило его надежды доказать свое высокородное, аристократическое происхождение. С другой стороны, в бытовой повседневности мы нередко используем понятие «прозы» в критическом, негативном смысле. «О Боже, какая всё это проза!» — говорим небрежно о клубке приземленных деловых проблем. «У него такая сухая, чёрствая, прозаическая натура!» — воскликнет какой-нибудь мечтатель и фантазер.

И в таком укоре — ощущение собственного превосходства. Оно частенько ищет своего оправдания в склонности к стихоплётству. Мало кто не поддавался в юности чарам этой упоительной инфекции...

Но вот харьковчанин Давид Данилов-Абросимов избежал непереносимого периода сочинения стихов. Ему захотелось немедленно ухватить быка за рога, сразу же отметить в наиболее сложном и трудном жанре прозы. И он создал повесть «Дембель через повешение» (издательство «Крок», Харьков, 2001 г.). Эта работа привлекла

внимание литературной публики. Были в ней запальчивость и острота, непосредственность и правдивость, убедительная атмосфера взросления юноши, развития в нём сильного мужского характера в условиях необычных, напряжённых, подчас драматических. Проявилась и природная способность автора удерживать читательское внимание, вызывать интерес и доверие к описанным людям и событиям. Герой повести внушал несомненные симпатии.

Ещё одна грань натуры Данилова-Абросимова отчётливо выступила в его юные годы: об этом сказала вторая книга автора с хлёстким названием «Скандальный детектив, или философия порока». По сути, она была даже первой, ибо вышла на год раньше. Здесь Данилов-Абросимов — дотошный искатель истины, внимательный и цепкий читатель, стремящийся анализировать и обобщать поразившие его факты. Я не склонен рассматривать «Скандальный детектив», основанный на изучении эпистолярного наследия Карла Маркса, как попытку литературного эпатажа или же пример юношеского апломба и «всезнайства». Разумеется, автор книги не ставит целью дать «общую оценку» деятельности и творчества К. Маркса, но собранные в ней факты и эпизоды выстраиваются в какую-то определенную линию, заставляют задуматься, ибо заключают в себе несомненные характерологические черты одного человека, сыгравшего немалую роль в истории. Говоря шире, книга свидетельствует об активности автора в эпоху, когда рухнули многолетние кумиры и потеряли силу многочисленные идеологические табу. Она расширяет представление о диапазоне творческих возможностей литератора Данилова-Абросимова, говорит о его тяге к историко-публицистическому направлению, об интересе не только к художественно-психологическим сюжетам, но и к значительным социальным темам.

Время показало, что путь к литературному мастерству не стал для Данилова-Абросимова ни легким, ни коротким. Но заманчивость художественного творчества для него не исчезла, наоборот, окрепла и уже вполне определенно предстаёт, как неслучайность, как знак судьбы, как неотъемлемая черта и свойство человеческой личности. Об этом ясно и убедительно говорит представленный на суд читателей новый сборник рассказов и повестей Давида Данилова-Абросимова.

Есть некоторые признаки и параметры, играющие особую роль в определении качества прозы.

К ним относится, например, умение писать любовные отношения людей. Такое умение не всегда проявляют даже широко «раскрученные» авторы — как легко скатываются здесь к банальности и стандарту, как просто плюхаются в лужу пошлости и безвкусицы! Наш автор интуитивно и напряжённо ищет свою собственную тропинку в этом лабиринте. И удача нередко ему сопутствует. К первостепенным достоинствам писателя относится способность развернуть сюжет, насытить его интригой, удержать интерес и внимание читателя. Сама оригинальность мышления служит залогом успеха. Как и стиливая отточенность текста. С последней у Данилова-Абросимова не всё благополучно. Иной раз путаешься в неожиданных переходах из реальной плоскости в нереальную, фантастическую. В другом случае остаются непрояснёнными какие-то условия и обстоятельства действий, их последовательность и первопричинность.

Вязь прозы предъявляет к автору свои жёсткие требования, он должен безошибочно чувствовать, какой стороной повернуть действие в каждый момент, как нащупывать и обнажать глубинные эмоционально-логические связи в развитии сюжета, как избегать опасного и ненужного многословия. Век живи, век учись, а литератор учится до последнего дня.

Возьмём рассказ «Био». В нём трое персонажей — двое мужчин и женщина, остающаяся за кадром. О ней лишь говорят и вспоминают. Форма рассказа — беседа в кафе двух давних приятелей, которые несколько лет не виделись. И возникает между ними новая связующая (и разделительная!) нить, поскольку женщина героя Сени, когда-то была именно с этим его приятелем, Прямовым. И вот насыщенный эмоциональный клубок начинает разматываться на наших глазах. И читательский интерес к происходящему постепенно растёт, потому что из многих деталей, штрихов, нюансов вырисовываются своеобразные человеческие фигуры, чья несхожесть даёт пищу воображению, втягивает читателя в авторские размышления и переживания. Так возникает драгоценный эффект причастности, сочувствия, совместного думания, без чего чтение оставалось бы поверхностным, безэмоциональным. Автор не решает никаких «проблем», но он щедро их ставит.

Какой линии придерживаться человеку, глубоко уязвлённому в своих чувствах и мужском достоинстве?.. Способна ли дружба преодолеть конкуренцию страсти?.. Стать выше её?.. А чем диктуется поведение женщины, ставшей между приятелями?.. Легкомыслием, прихотью, меркантильным мерилом?.. Из мозаики подробностей выступает довольно-таки непримечательный образ женщины, игрушки собственных капризов, лишённой глубоких чувств, остающейся в плену мелких побуждений и мелочных расчетов. Очень интересно сравнивать у всех троих шкалу интел-

лектуального уровня. Она вполне «прощупывается» в беседе, в реминисценциях героев. Пальму первенства, безусловно, следует отдать главному герою, который предложил нам содержательную (и убедительную) версию событий.

Такие рассказы пишут у нас нечасто. Литература такого толка далека от поверхностного бытописания и дешевого эпатажа, она даёт представление об уникальности личности автора, с которым хочется продолжить знакомство.

Потенциал творческих возможностей Давида Данилова-Абросимова особенно рельефно ощутим в рассказе «Движение». Его с полным правом можно назвать повестью — и по объёму, и по значительности содержания. А само название повести включает серьёзный диалектический смысл. Оно проецируется и на событийный ряд, подверженный непрерывным переменам, и на общественные сдвиги, столь заметно влияющие на судьбу героя, и на самый его характер во всех внешних и внутренних (психологических) проявлениях. И это — одно из самых весомых и читабельных произведений Данилова-Абросимова.

А наивысшая форма читабельности возникает, когда одновременно движутся, взаимодополняясь и взаимоперетекая, основные линии повествования: сюжетно-событийная, психологическая, эмоциональная, интеллектуальная... Вот когда читательское внимание и воображение бывают вознаграждены, получают достаточную подпитку для своего поддержания и укрепления. В сочетании с безупречной стилистикой такие произведения имеют шанс превратиться в настоящее литературное событие. О стилистических особенностях письма Данилова-Абросимова мы ещё будем говорить, а покамест хочется пристальнее взглянуть на повесть «Движение». Ветры современности гуляют по её страницам. Обвеваемый ими, взрослеет герой повести Мурашкин, в трудах и сомнениях ищет своё место в жизни. По всему видно, что это произведение для автора наиболее автобиографично, что он вложил в него многолетние размышления и переживания, что нанизанные на стержень сюжета эпизоды имеют внутреннюю связь, многочисленные точки соприкосновения. Наш герой не умеет и не хочет жить бездумно, а поскольку на его долю выпала эпоха больших общественных перемен, серьёзной психологической ломки, то и они находят вполне естественное отражение в его настроениях и поведении, определяя общую атмосферу повести — тревожную, эмоционально насыщенную.

Помнят ли сейчас о повальном «челночном движении» (еще одна форма «движения»!), которое не так-то и давно буквально заплонило страну, сдвинув с места десятки, а то и сотни тысяч людей! В поисках средств к существованию, хоть каких-то форм заработка люди перемещали товары и деньги из одного места в другое, из

одного города в другой, из одной страны в другую... Хлебнул этого опыта и Мурашкин, и посвященные этому периоду страницы — одни из самых ярких и колоритных. Автор наблюдателен, ироничен, раздумчив. Он наделён способностью к реальной самооценке и достаточно высоким уровнем самокритичности.

Психологической основой сюжета, конечно же, является «взросление» героя, его духовное и душевное становление, выработка и закалка характера. Он человек не однолинейный, выступает в разных ипостасях, которые сливаются в целостном облике живой, динамичной натуры. Обстоятельства приводят его и в заводской цех, и в швейную мастерскую, где он овладевает профессией кутюрье; знакома ему и радость первооткрывателя над страницами серьёзных и мудрых книг, но с меньшим азартом и увлеченностью отдается он боксу. Сцены боёв на ринге служат своеобразным рефреном всего повествования, рельефно оттеняя волевою, целеустремленную природу этого характера.

Невольно сопоставляя героев повестей «Дембель через повешение» и «Движение», чувствуешь кровное родство между ними: именно таким путем и должна была идти, развиваться, самоутверждаться эта незаурядная натура. Её личный опыт становится убедительным достоянием литературы. Лишнее подтверждение, что появление повести «Движение» для Данилова-Абросимова неслучайно: обе они концентрируют главные мысли и представления автора о сильном мужском характере, который уже прочитывался и в юном призывнике. Только теперь он обогащён новым опытом, теперь он вполне сформирован и сознательно ищет наиболее целесообразную и перспективную точку приложения своих сил. Что ж, предпринимательская деятельность в нынешних условиях кажется и естественной, и логичной и достойной ареной действий. В конце концов не место красит человека, а человек — место. Любая должность сама по себе ничего не значит, она есть абстракция, условность. Имеет значение лишь индивидуальный смысл, присваиваемый ей человеком, лишь сумма его конкретных личных качеств, которые заслужат ему почет и признание.

Итак, прозаик Данилов-Абросимов доказывает, что ему доступна и тонкая материя душевно-эмоциональных отношений людей, и не чужда сложная социальная проблематика, отсюда — достаточно объёмное, «стереофоническое» звучание его прозы.

В ряде случаев прослеживается и явное стремление автора формально разнообразить свои рассказы, обогащать изобразительные приемы, добиваться большего эффекта в обрисовке персонажей, как и в сюжетных поворотах. Похвально и его тяготение к лаконичности и ёмкости суждений, контрастному сопоставлению характеров и взглядов. Возьмём крохотный, на две

странички, рассказ «Во имя жизни». Начинается он откровенным публицистическим пассажем на тему истории человечества, исполненным сарказма и скепсиса. Вероятно, автор затеял нечто фельетонное, памфлетное. Но оказывается, что пассаж был обращен к любимой женщине, а её реакция на красноречие избранника выглядит совершенно неожиданной:

«Луиза интуитивно чувствовала его и, пожалуй, любила на должный срок, но, будучи умной женщиной, воспринимала большинство мужских слов, как радио, источник рекламы. «И от кого только ни приходится беременеть несчастным девушкам! Да, он прожектёр и заурядность, да, болтун и позёр. Но зато он мой!»

А мы, читатели, видим в героине не только «умную женщину», но и уверенную в себе хищную самку, готовую любой ценой свить домашнее гнездо и заполучить для него работника и кормильца. Вот такая нюансировка рассказа говорит в пользу автора, да ещё и обнажает в нём человека с юмором и иронией, что всегда благотельно для прозы.

В рассказах «Особое царство», «Пророк в юбке и змеелов», «Внучка Далай-ламы», «Впросак», «Рок и металл» найдём немало острых ситуаций, ярких сцен, живых зарисовок, даже «случайных» эпизодов (попавшее в художественное произведение — уже не случайно), весьма широкий эмоциональный спектр — от безмятежного юношеского азарта до реального драматизма и даже трагичности жизни. Всё это делает прозу Данилова-Абросимова читабельной и нестандартной, живой и привлекательной. Стоя на реальной почве, автор не смотрит на неё скучающим взглядом, «всезнающим» или заносчивым, он сам открывает для себя новое и интересное в жизни и в людях. В этом смысле его проза отнюдь не прозаична, не монотонно однообразна, в ней угадывается и прочитывается встревоженный, обеспокоенный взгляд на современного человека и его проблемы.

В рассказах «Особое царство» и «Рок и металл» в атмосферу юной любви и беспечности нежданно вторгается жестокая случайность судьбы, как бы напоминающая о легкости, с какою может быть задумо трепетное пламя человеческой жизни.

Контрастность сопоставлений — отличительная черта и мышления, и стиля писателя. Он думает напряжённо и глубоко, он увлекает ходом своих рассуждений, его произведения требуют активно-го и вдумчивого читательского восприятия.

В самом начале повести «Движение» Данилов-Абросимов замечательно раскрывает головокружительную радость героя, который своим трудом и упорством добивается максимально возможной для себя свободы действий и поведения. Она сопрягается с ощущением своей силы и умения, она подчеркивает огромную роль настойчивости и целеустремленности в жизни молодого человека. А на последних страницах той же повести с

неменьшої виразністю передані думки і почуття вже повзрослішого героя, пов'язані з долею поколінь, з відносинами батьків і дітей, їх складністю в силу різниці характерів і судиб, смаків і уподобань. І знову з задоволенням углибоюємося в емоційно насичену авторську мову, де є і гумор, і сумнівка, і горіч, і надія...

Я вже відчуваю, що, завершуючи загальне знайомство читача з прозаиком Давидом Даниловичем-Абросимовим і виділяючи найбільш важливі і характерні сторони його творчості, врятую в межах цієї статті докладно поговорити про недоліки і просумувати стилю, що було обіцяно раніше. А такі промахи є. Але головне в тому, щоб постійно і незмінно прагнути до безупреци мови, зробити це підспудно і завжди ошутимим мислю, своєю першою потребою. Тоді тільки і виникає письменник. Я б сказав, що письменник — це людина, котрою, крім всього іншого, дає велику радість спілкування з рідною мовою. І Данилович-Абросимов це розуміє. Але іноді він увлечено громоздить фрази, використовує надто багато слів замість пошуку єдиного необхідного. Плавність і музичність мови обов'язкові при будь-яких стилевих нахилах. Гармонізувати авторську мову, давати героям чіткі мовні характеристики, будувати їх індивідуальні «мовні партії» Даниловичу-Абросимову належить більш суворо і продумано. Молодий прозаик — в дорозі і в пошуку... А рух до досконалості безперервно і нескінченно. І я впевнений, що творчий потенціал Давида Даниловича-Абросимова, повністю успішно заявлений в книзі оповідей, далеко не виснажений, таїть нові можливості і нові сюрпризи, здатен завойовувати симпатії і увагу в широких читаческих колах.

КНИГА ЯК НАСЛІДОК І ПРИЧИНА

От не люблю, коли по-дурному пропавають цікаві, змістовні, потрібні тексти. Саме тому вирішив розпочати цю статтю з газетної інформації, що мала з'явитися в «Літературній Україні», про яку клопоталася харківська літературна громадськість, але яка (інформація) так і не з'явилася в газеті через недбалість і непрофесіоналізм її працівників. Отже —

ВЕСІЛЛЯ З ГЕНЕРАЛОМ

Пам'ятаєте чеховське «Весілля з генералом»?.. Так-от, генерал-полковника Бандурку на презентації нової книги в Харківській організації

НСПУ назвати «весільним генералом» не можна ніяк. Адже героєм цієї книги є саме він, Олександр Маркович Бандурка. А її автор — харківський прозаїк і критик Геннадій Буйдін. Книга ж називається: «История, запечатленная в судьбе» і має поважне додаткове титульне означення: «Олександр Маркович Бандурка — Судьба. Творчество. Личность. Экспериментальное исследование».

Такої розумної, змістовної, стилістично яскравої (додамо: веселої) критичної книги в Харкові не з'являлося дуже давно. Висловлюючи різні думки, про це казали всі, хто брав слово. Г. Буйдін показав і довів, що широко знаний громадський і політичний діяч О. Бандурка є також серйозним літератором, наділеним художнім смаком і творчими здібностями. Розвиваючи свої погляди і концепцію книжки, Г. Буйдін не побоювався залучити до розповіді широкий класичний (вітчизняний і світовий) літературний досвід. І вже не здається дивним побачити в книзі імена Івана Гончарова, Анатолія Франса, Сомерсета Моєма, Миколи Гоголя, Козьми Прутков та багатьох інших. Бо все це потрібно для глибокого розкриття теми, бо все це лишається в межах розумної коректності й критичної прискіпливості. Адже Г. Буйдін шукає, прагне наблизитися до об'єктивної істини в оцінці літературної праці О. Бандурки.

В обговоренні нової книги взяли участь Леонід Тома, Анатолій Стожук, Олексій Аулов, Володимир Субота, Людмила Мойсеева, Дмитро Панцир, Анатолій Перерва, Світлана Кублицька, В'ячеслав Романовський, Володимир Брюгген. Присутні з великою цікавістю прослухали виступи Олександра Бандурки та Геннадія Буйдіна. Провів презентацію Володимир Брюгген.

Йй-право, й досі пригадую із задоволенням жваву, невимушену, демократичну атмосферу тої презентації, спільний інтерес до одвічних — завжди нових і свіжих — проблем художньої творчості, на які, здавалося, всі зголодніли. Природно й неминує презентація від початку набрала подвійного характеру й значення: утвердження прозаїка Олександра Бандурки, утвердження критика Геннадія Буйдіна. Це розширило межі полеміки, надало їй додаткових і колоритних рис. Книжка Г. Буйдіна змусила й мене пильніше придивитися до творчості О. М. Бандурки, вчитатися в його рядки, зважити міру невідповідності їхньої появи на світ.

Будь-яка значна художня книга огорнена серпанком загадковості, ґрунтується й тягне за собою цілий ланцюжок причинно-наслідкових обставин. Якщо автор може їх тільки відчувати (свідомо чи несвідомо), то критик покликаний аналітично розкрити у взаємозв'язках і взаємозалежності, простежити послідовність ланок, не випускаючи із поля зору й тих життєвих реалій, які спроможні міняти місцями причини й наслідки. Має він також поцінувати й

ступінь самостійності й переконливості авторської волі, здатної в художньому творі суттєво переакцентувати наголоси, вибудовуючи нову, мистецьку дійсність. Я думаю, що найбільшим успіхом Олександра Бандурки є «сімейна сага», автобіографічна трилогія про українське село та його людей — в аспекті історичному й сучасному. Тут найбільше емоцій і картинної вражальності, тут найбільше соковитих подробиць, живих облич, людських доль, до яких линеш думкою і почуттям, тут найбільше і масштабності мислення, здатного охопити великі відтинки історичного часу, наочно представити побут і традиції сільського люду, а голос оповідача злити з народним. Тут є незгасна любов і повага до свого родового коріння, що відчувається як плодоносна надія, збережена у спустошливих вітрах історії. Олександр Бандурка виступає як щирий, послідовний і безсумнівний патріот України. Переконалим українським державником є він і в своїй громадсько-політичній діяльності (нечаста обставина у верхніх чиновницьких ешелонах!). Але йдеться про художню творчість, і в тій царині такі риси вдачі, поглядів, свідомих переконань виявляються в іншій площині, іншими засобами. Письменник підносить і поетизує сім'ю, українську сільську родину, яку гуртують любов і взаємоповага, яка знає ціну хлібові й чесній праці, в якій молоде покоління легко й природно всотує досвід і приклад батьків, набуває визначальних, необхідних якостей для самостійного життя.

Більше того: прекрасно знаючи фальш і негаразди сучасних суспільних умов, здатні трітати й спотворювати молоді душі, письменник розглядає сім'ю як форпост, фортецю проти навальної суспільної брехні, як охоронця народних звичаїв і традицій, одвічних моральних принципів і духовних цінностей, що їх заливають брудом верескливі трубадури «глобалізму». Немає для них більшого ворога, як національна гордість і незалежність.

Думки такого плану виникали в мене давно, надто в Прикарпатті й Закарпатті, де бував колись мало не щорічно. Уявлялося: скільки чужоземних загарбників панували тут у різний час, намагалися привласнити ці чудові землі, а українці, як і сотні років тому, пасли овець, вирощували дітей, кохалися в безмежній красі свого краю. Мало не кожна гуцульська хата — справжній витвір мистецтва. Радість праці, красу землі, голос предків ніде так гостро не відчувають, як в українських селах. От і Олександр Маркович Бандурка після смерті свого батька видав книжечку його поетичних рядків, що їх записував усе життя — не міг не записувати! — цей звичайний український селянин, але з артистичною душею. Із задоволенням і душевним щемом читав я ці прості й щирі слова. І я розумію, чому в творі О. Бандурки домінують світлі, радісні ноти, чому пам'ять вибирає з довжелезного ланцюга спогадів передусім те,

що формувало життєствердну й діяльну натуру юного Сашка, для якого духовна й душевна краса близьких людей єдналася з красою природи, з відчуттям своєї причетності до великої історії великого народу.

А от критикові Геннадію Буйдіну здалося, що повість «оминає» труднощі, трагічні події та катастрофи, якими переповнена історія українського села. Звичайно, не тому, що О. Бандурка не обізнаний з ними, або через те, що лихі роки не торкнулися його родини... Та письменник малює картини, що їх обирає й групує інтуїтивна творча свідомість, керована художньою метою. Це право письменника. І, вочевидь, з'ясовуючи для себе дану обставину, Г. Буйдін визначає спогади прозаїка як «щасливий сон» дитинства та юності. А відтак, розробляючи й поглиблюючи тему, сміливо зближує його «сон» із класичним знаменитим сном Обломова, що його описав Іван Гончаров. І цей несподіваний ракурс виявляється плідним, дозволяє акцентувати чимало тонких нюансів порушеної проблеми.

Загалом мушу відзначити з великою втіхою, що критичний стиль Геннадія Буйдіна позбавлений усякої однолінійності, одномірності, регламентованості. Він пише експресивно й мислить широко. Йому хочеться «вловити істину», його цікавить рівною мірою як творча осолбистість автора, так і сама його людська подоба, вдача, характер, погляди. Книгу Г. Буйдіна дуже збагачують численні діалоги з «піддослідним автором», своєрідні інтерв'ю, що він їх бере в нього. Торкаються ті діалоги також особистого життя письменника, взаємин у його родині, поглядів на шлюб... З'ясовуючи все це, Г. Буйдін виявляє необхідну міру й тактовність, але знову робить несподівані й ефектні літературні зближення, зіставлення, ремінісценції. Він цитує абсолютно блискучі пасажи американського письменника Торнтон Уайлдера про кохання, любов, шлюбні взаємини, і знову це дозволяє розгорнути ланцюжок цікавих і змістовних міркувань, висвітлити проблему та взаємини людей в неочікуваних аспектах, збагатити висновки, які дають щедрю поживу для активного читацького думання.

В цьому й полягає особлива приналежність нової книги Геннадія Буйдіна — вона налаштована на співпрацю, співдію з читачем. Ми вже забуваємо, яка це приємна і корисна річ — думати над книгою. Бо «сучасна література» надто часто взагалі позбавлена думок, як охайно доглянутий громадський туалет. Отямимось, звичайно, аби не запізно.

Оця нестандартність аналітичного методу Геннадія Буйдіна, пошук нових підходів до вивчення й оцінки художньої книги дуже вигідно вирізняють його «експериментальне дослідження». Праця Олександра Бандурки виступає ніби в яскравому стереоскопічному освітленні.

Отже, могутній подих рідної землі, органічний, родинний зв'язок із нею, незрима, але реальна присутність у сучасному житті великої історії великого народу прислужилися головними причинними поштовхами для появи однієї книги. Наслідком цієї з'яви стало народження іншої, аналітично-яскравої праці, значення якої виходить далеко за межі оцінки й утвердження одного конкретного літературного факту. Отакі-от плідні причинно-наслідкові ланцюжки й становлять особливий смисл, дорогоцінну якість і саму суть літературної творчості. Мені хочеться привітати Харків і харків'ян: на мистецьких обрядах великого міста з багатою історією засвітилися зірки самобутнього, продуктивного, багатотемного прозаїка і небайдужого, аналітично-винахідливого, перспективного критика.

Євген БАРАН

Івано-Франківськ

ЗОРЯНА ЩІЛЬНІСТЬ ВОЛОДИМИРА БРЮГГЕНА

*До 80-літнього ювілею Самітника із вулиці
Астрономічної*

Початок III-го тисячоліття критик, перекладач, афорист Володимир Брюгген із Харкова розпочав досить активно. Я тільки назву ті книги, які вийшли: «Блокноти» (2001), «Блокноти» (2003), «Блокноти» (2007), «Блокноти» (2010), «Блокноти» (2012), «Люди і книги» (2006), «Прозріння» (2008). Він є лауреатом двох літературних премій – ім. Василя Мисика та ім. Олександра Білецького. Якщо зважити, що першу літературну рецензію він опублікував у 1951 році, перша книга літературно-критичних статей під знаковою назвою «Людина творить добро» вийшла 1966 року, а членом Національної спілки письменників України Володимир Олександрович став у 1965 році, – то перед нами один із могиканів романтично-легендарної доби шістдесятництва. Я не називаю ще перекладів, здійснених Володимиром Брюггеном, а це з французької С.-Ж. Перс (вперше вийшов українською 1995 року), а ще Л. Селін, Р. Фалле, Л. Буссенар, Ж. Верн; з англійської А. Крісті, Д. Чейз, Б. Меламуд, а ще для росіян переклав двотомник соромицького фольклору В. Гнатюка...

Але головною книгою Володимира Олександровича Брюггена залишаються «Блокноти» – книга афористичних блискіток. Знаменно, що перша і п'ята книги цієї унікальної енциклопедії людської мудрості вийшли українською.

Володимир Брюгген належить до авторів, які зце-

ментували мої естетичні і світоглядні принципи. Це він влучно зіронізував/сконстатував: «У житті важлива не поза, а позиція»; це він самоіронічно зауважив: «Критиків не любить ніхто, і в цьому є щось заспокійливе»; це він виголосив основне кредо літератури: «Література – професія, яка зобов'язує бути закоханим»...

Володимир Брюгген належить до авторів, яких я перечитую. Їх не багато, але й не мало. З критиків це Євшан, Шерех, Світличний, Брюгген, Ільницький. З афористів – Дмитро Арсенич, Валерій Ніколенко і знову Брюгген. До того ж, він найвіртуозніший з названих афористів. Арсеничу інколи бракувало легкості, Ніколенка зачасто роз'їдає сарказм, Брюгген залишається найоптимальнішим. Навіть банальності у вигляді Брюггена є стилістично довершені.

Так склалося, що ми знайомі вже більше десяти років. Наше знайомство довший час було заочним – листи, телефонні дзвінки. У грудні 2009-го мені пощастило відвідати Харків. І одним з найкращих вражень було спілкування із Володимиром Брюггеном. Це не означає, що Брюгген лагідний і відкритий до всіх. Але він уміє бути вдячним другом. Брюгген належить до людей, які є ворогами побуту. Але він уміє створити комфорт для людей, які йому симпатичні. Він уміє бути поблажливим до них.

Його любов до Харкова фантастична. Про кожную вулицю в Харкові, про кожний будинок у центрі Харкова він розповідає із юнацьким захопленням і закоханістю. Я не знаю, чи знає Харків найзакоханішого у нього письменника?

Брюггена-критика відзначає такт, виваженість, логічність і аргументація. Його приятелями були Ігор Муратов і Роберт Третяков. З ним любив розмовляти Василь Мисик. Його друзями залишаються Іван Драч, Іван Дзюба і Юрій Щербак. Цей письменник є феноменальний у своїй любові до життя. Цей мислитель є феноменальний у своєму розумінні світу людей. Цей чоловік найбільше любить споглядати природу і мандрувати. Він є зятим велосипедистом. Нарешті, він є тим унікальним творцем власного світу, небайдужим до інших, який все життя висвічував талант інших. І як такий Володимир Брюгген для мене є взірцевим у ставленні до літератури і до життя. За що йому вдячний і з чим його вітаю.

Дмитрий ГУБИН

Харьков

ПЕРВЫЙ ОПЫТ РУССКОГО ИМИДЖМЕЙКЕРСТВА

Сейчас редко вспоминают **Николая Ивановича Греча** (1787–1867). Произведения этого энциклопедически образованного человека до сих пор попадают в хрестоматии. Современники-классики его не жаловали, но, в отличие от его многолетнего компаньона Фаддея Булгина, считали рукопожатым и признавали его вклад в литературу, филологию и журналистику.

В этой статье я не стану описывать его биографию, но остановлюсь лишь на одной истории из его жизни, которая служит уроком для пиарщиков уже 169 лет. Речь идет о попытке опровергнуть выводы известного автора-француза о России в глазах европейской общественности. В 1839 году Петербург, Москву и Нижний Новгород посетил маркиз Астольф де Кюстин. Три года спустя он издал книгу своих впечатлений, которая переиздается по сей день. Автор пытался быть непредвзятым путешественником, но это у него не вышло.

Неприятие Кюстином русской жизни происходило на всех уровнях — от логического и ми-

ровозренческого (осуждение крепостного права и рабской психологии всех слоев общества) до физиологического (описание клопов в домах всех сословий, неухоженности русских женщин и т. п.). Человеку, воспитанному в России и ее культуре читать это произведение нестерпимо больно по сей день. А уж тогда это и вовсе было больно. «Подобно моралистам, вы действуете с помощью мыслей тонких, емких, острых как жало, которое достигает самой глубины сердца», — эти слова Бальзака, сказанные по поводу книги Кюстина об Испании, можно запросто отнести и к его книге о России.

В. А. Жуковский назвал Кюстина собакой, однако не смог не признать того, что большая часть написанного соответствует действительности. Ф. И. Тютчева назвал книгу «новым доказательством того умственного бесстыдства и духовного растления, благодаря которым (...) иные авторы дерзают судить весь мир менее серьезно, чем, бывало, относились к критическому разбору водевиля». А С. Хомяковым упомянут некий «маркиз», который поступает с русскими, «как его предки с виллениями» (крестьянами), и наполняет свою книгу «путаницей», «бесстыдной ложью» и «наглой злобой».

Разумеется, хотелось подданным государя Николая Павловича ответить в стиле, который в советские времена назывался «критикой буржуазных фальсификаторов». Книга Кюстина, разумеется, была в России запрещена и до 1910 года не переводилась на русский язык даже в сокращенном виде (тогдашнее образованное общество, замечу, поголовно читало по-французски и было с ней знакомо в подлиннике). Поэтому попытки написания «анти-Кюстина» делались именно в расчете на европейского читателя. В записке, датированной 19 июня 1843 г., министр просвещения С. С. Уваров предлагал не опровергать Кюстина впрямую и от лица русских, но найти в Париже, «где — при соблюдении некоторых предосторожностей — все покупается и — при наличии определенной ловкости — все продается», именитого писателя, купить его услуги и издать под его именем труд, который министр брался написать сам.

Первоначально на роль такого известного писателя прочили Бальзака, однако предложение то ли не было принято, то ли даже не было сделано. Единственный намек на эту ситуацию в письме писателя к Э. Ганской не проясняет дела; «Здесь ходят слухи, — сообщал он ей из Парижа, — что я пишу опровержение на Кюстина, и получил за это в России немало серебряных рублей. Я отрицаю только рубли! остальное вы знаете».

Вместо этого в сентябре 1843 г. в Париже была выпущена анонимная брошюра работы русского

дипломата польского происхождения К. Лабенского «Реплика о сочинении маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году», сочинение русского автора». «Рукопись написана превосходно, но она ничего не опровергает, — жаловался работавший в Париже резидент гр. Я. П. Толстой шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу, — это не более чем блестящее и очень пространное рассуждение о духе сочинения Кюстина вообще, рассуждение с немалыми претензиями, чересчур чопорное, чересчур манерное и, простите мне это выражение, слегка притянутое за волосы. Не так пишутся обычно подобные памфлеты; это — великолепная сатира, которой недостает только рифмы».

Брошюра самого Я. Толстого «Россия в 1839 году», привидевшаяся г-ну де Кюстину, или Письма об этом сочинении, присланные из Франкфурта» (на фр. яз.; под псевдонимом Яков Яковлев) вышла в свет в конце января 1844 г..

Если Толстому и Лабенскому опровержения были заказаны, то Н. И. Греч написал свое «Рассмотрение сочинения маркиза де Кюстина под названием «Россия в 1839 году» по собственной инициативе!; 24 августа 1843 г. он прислал текст своего опровержения из Германии управляющему III Отделением Л. В. Дубельту, а месяц спустя Бенкендорф, внося в текст Греча незначительные поправки, одобрил его, и вскоре оно вышло в свет на двух языках — на немецком в конце 1843 г., а на французском — в январе 1844-го. Публикация эта сопровождалась громким скандалом, так как из-за нескромности Греча европейская публика узнала о причастности к ней российских властей, которую те вовсе не стремились афишировать. Опровержение Греча не пропускает ни одной мелочи, вроде формы еловых брусков, которыми вымощен Невский проспект. Именно поэтому, как утверждал Я. Толстой, оно в Париже не произвело ни малейшего действия и почти никем не читалось.

Греч надеялся, что николаевское правительство компенсирует ему издержки на написание и издание брошюры: «Я охотно сделал бы все это за мой счет, если бы был в состоянии, но вам известно, какие потери я потерпел». Дубельт ответил отказом, аргументируя как западной практикой (писатели там не субсидировались властью), так и тем, что «некоторым образом подкупать журналы для помещения в оных угодных нам статей не было бы согласно с достоинством и всегдашним благородством нашего правительства». Судя по дальнейшей переписке Греча с III Отделением, некоторую компенсацию он все же получил, но издержки не покрыл полностью.

Ни ирония, ни описание фактических ошибок Кюстина не срабатывали. Ответ всегда труднее сделать убедительным, чем вызов. Русским читателям остается только повторять вслед за Пушкиным: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство».

И если бы идея Уварова о приглашении к сотрудничеству более доброжелательного к России европейского литератора была доведена до ума, то книга Кюстина, по сей день считающаяся на Западе одним из наиболее надежных источников о России, была бы списана в утиль. Ведь получилось же в 30-е годы у советских идеологов создать приятное впечатление о себе благодаря Б. Шоу и Л. Фейхтвангеру!

ГИЁВКА — ЛОНДОН — МАГАДАН

Гиёвка — это теперь окраина Люботина. На холме над прудом стоит заброшенная княжеская усадьба. Именно в этом доме в 1890 году родился выдающийся литературовед-энциклопедист, известный как Д. Мирский (князь Дмитрий Петрович Святополк-Мирский, 1890—1939).

Гиевка — Петербург

О предках Дмитрия Петровича писали неоднократно. Напомню лишь, что дед и тезка — князь Дмитрий Иванович — герой Крымской и Кавказской войн, участвовал в пленении Шамиля и во время царевбийства 1881 года был харьковским временным генерал-губернатором. Отец, князь Петр Дмитриевич, остался в истории как тот самый министр внутренних дел России, который не смог предотвратить «кровавое воскресенье» 9 января 1905 года. Мать, Екатерина Алексеевна, урождённая графиня Бобринская, названа в честь своей прабабки Екатерины II.

Теперь же речь пойдет о последнем поколении этой ветви рода. Дмитрий Петрович сначала в Гиевке, а затем в Петербурге получил отличное домашнее и гимназическое образование, с детства знал несколько иностранных языков.

Молодой князь поступил в Петербургский университет и несколько лет искал свое призвание. Переводясь с одного факультета на другой, остановился, в конце концов, на филологии (в числе профессоров университета были в то время такие выдающиеся ученые, как востоковед В. Бартольд и лингвист Бодуэн де Куртене). Будучи активным членом «Общества свободной эстетики», князь писал литературные рецензии, а в 1911 году он выпустил сборник стихов, получивший отзыв Николая Гумилева: «Изящнее, новее, но все-таки в том же духе «Стихотворения» князя Д. Святополк-Мирского. При чтении их возникает сомнение, не нарочно ли автор так существенно сузил свой горизонт, отверг острые переживания и волнующие образы, полюбил самые невыразительные эпитеты, чтобы ничто не отвлекало мысль от плавной смены отточенных

и полнозвучных строф. Как будто он еще боится признать себя поэтом, и пока мне не хочется быть смелее его».

Однако дальше в научной и околосредственной деятельности Мирского наступает перерыв — он отправляется на военную службу, как когда-то дед и отец. Но генерала в третьем поколении из него не вышло. В 1911—1913 годах Мирский служил в 4-м лейб-гвардии стрелковом полку, квартировал в Царском Селе. Затем он вновь учился в Петербургском университете по отделению классической филологии, участвовал в Обществе свободной эстетики, где познакомился с писателями и критиками из круга акмеистов: О. Мандельштамом, А. Ахматовой, и др.. Написал в то время князь статью о метрике русского стиха. Среди его внушительного наследия отыскать ее невозможно — статья утрачена в Гражданскую войну.

Воинская служба князя возобновилась в Первую мировую войну, а затем он дослужился до полковника в Добровольческой армии. Во время допроса на Лубянке в 1937 г. сам князь дал такие показания об этом периоде своей жизни: «Я служил в Кубанском кавалерийском корпусе. С этим корпусом мне приходилось участвовать в следующих боях против красных: В районе Ровеньков в марте-апреле 1919 года (все стилистические и прочие погрешности принадлежат перу составившего протокол пом. нач. 5 отделения 3 отдела ГУГБ лейтенанта государственной безопасности Мулярова. — Д. Г.), в Задонской степи в р-не Великокняжеской и в направлении на Царицын, в мае, в апреле того же года. После этих боев я был переведен в корпус Май-Маевского, продолжая быть при штабах первой, затем третьей дивизий, во время боев в р-не Льгова и Орла. В октябре 1919 года, я был переведен в штаб девятой дивизии, находившейся в Нежине, и участвовал в боях под Нежином и во время отступления до гор. Черкас. В Черкасах, я заболел сыпным тифом. По выздоровлению выехал в Тирасполь, где присоединился к штабу дивизии, с которой отступал до Гусятино (польская граница). В Гусятино отряд генерала Бредова в который входила девятая дивизия был разоружен и по согласованию с командованием белой армии был направлен в концентрац. лагерь в Познане, для отправления оттуда к Врангелю. В 1920 г. апреле м-це я из лагеря бежал в Варшаву к моему родственнику, помещику — Святополку-Мирскому Михаилу Николаевичу».

Через Афины в Лондон, из белых в красные

Протоколы допроса рассказывают о дальнейших злоключениях князя: «Ответ. Я жил там (в Варшаве — Д. Г.) всего лишь несколько дней. С помощью Святополка-Мирского (Михаила Николаевича, двоюродного брата отца — Д. Г.) я выехал в Австрию и оттуда в Грецию, где жила моя

мать эмигрировавшая из России во время революции».

Далее о жизни в эмиграции на допросе 3 июня 1937 года кн. Святополк-Мирский показал:

«...Я жил на средства моей матери ничего определенного не делая. Будучи в Греции я списался с моим знакомым английским писателем М. Берингом, который мне устроил литературную работу в английских журналах. Беринг устроил мне возможность уехать в Англию. В январе месяце я выехал в Лондон, я занялся работой по линии английской литературы».

С 1921 по 1932 г. князь жил в Лондоне (часто наезжая в Париж), читал курс русской литературы в Королевском колледже Лондонского университета. Издал за это время Святополк-Мирский несколько антологий русской поэзии и ряд книг и статей о русской литературе на английском языке. Князь защитил магистерскую диссертацию о Пушкине («Pushkin»; L.-N.Y., 1926). Посещал он лондонские литературные салоны, печатался в журнале «Criterion» под руководством будущего нобелевского лауреата Т. С. Элиота.

Владимир Набоков называл англоязычную «Историю русской литературы» (переведена затем на русский язык и издана в Москве только в 2008 году) Святополка-Мирского «лучшей историей русской литературы на любом языке, включая русский».

С 1922 г. князь был участником Евразийского движения, одной из важнейших задач которого видел сближение эмиграции с СССР. В этот период он был влюблен в Веру Гучкову (дочь лидера октябристов), которая была агентом ИНО ОГПУ и выступала как переводчик с русского, англоязычный романист и кинокритик под псевдонимом Вера Мирская), а также в Марину Цветаеву. Её князь поддерживал материально и приглашал в Великобританию с поэтическими вечерами.

В 1926—1928 гг. Мирский — учредитель и соредатор крупного евразийского журнала «Вёрсты», где печатались и советские писатели. Публикации журнала вызвали довольно резкие отклики в среде эмиграции, непримиримой к СССР, саркастические оценки деятельности Мирского принадлежат Ивану Бунину, Зинаиде Гиппиус и Владиславу Ходасевичу.

К концу 1920-х Святополк-Мирский переходит на марксистские позиции. В 1928 году посетил в Сорренто Максима Горького. Его соратник по евразийству кн. Н. С. Трубецкой в 1929 написал, что Мирский, «став марксистом... внезапно обездарился и сделался совершенно неинтересен». В 1931 году белогвардейский полковник вступил... в компартию Великобритании.

*Лежал впереди Магадан,
Столица Кольмского края.*

В 1932 году при содействии Горького Мирский переехал в Советский Союз. На родине он публи-

ковал статьи по теории и истории русской и западной литературы, о современной западной литературе, особенно английской. Теперь уже бывший князь, проживавший на Большом Каретном переулке в Москве, популяризировал Элиота, Джойса, Хаксли и др.. В коллективной книге советских писателей «Канал имени Сталина» (1934), посвящённой строительству Беломорканала силами заключённых, Мирскому принадлежит глава «ГПУ, инженеры, проект». С 1934 г. — член Союза советских писателей (билет № 52).

Вот лишь некоторые воспоминания о Мирском того периода. Корней Чуковский увидел его таким: «...обедал в «Национале» и встретил там Мирского. Он сейчас именинник. Горький ... в «Правде» ... отзывается о нем самым восторженным образом.

— Рады? — спрашиваю я Мирского.

— Поликратов перстень, — отвечает он.

Мил он чрезвычайно. Широкое образование, искренность, литературный талант, самая нелепая борода, нелепая лысина, костюм хоть и английский, но неряшливый, потертый, обвислый... Денег у него очень немного, он убежденный демократ, но — от высокородных предков унаследовал гурманство. Разоряется на чревоугодии. Каждый день у швейцара «Националя» оставляет внизу свою убогую шапочку и подбитое собачьим лаем пальто — и идет в роскошный ресторан, оставляя там не меньше сорока рублей (так как он не только ест, но и пьет), и оставляет на чай четыре рубля лакею и рубль швейцару» (запись от 27 января 1935 года).

И. М. Тройский, главный редактор газеты «Известия» и журнала «Новый мир», председатель Оргкомитета Союза советских писателей, оставил такое свидетельство: «Находился одно время около Горького Мирский. Я встретился с ним вскоре после его приезда из-за границы. Как-то приезжаю к Горькому, Алексей Максимович выходит в столовую. Стоит мужчина среднего роста, с бородкой. Алексей Максимович говорит: «Светлейший князь Святополк-Мирский».

Сели за стол. Горький водки не пил, он пил виски один и тот же сорт «Белая лошадь». Стояла бутылка виски и бутылка коньяка. Я говорю: «Князь, виски пьете?» Он говорит: «Пью». Выпили. И что меня поразило? Чем больше он пил, тем делался осторожнее. Это меня поразило и насторожило.

Я сказал о своих сомнениях Ягоде и попросил его заняться Мирским — подозрительный тип!

Он говорит: «Ты всех подозреваешь!»

Я говорю: «Я советую основательно заняться Мирским — очень пахивает Интеллидженс Сервис!»

Я сказал об этом Сталину. Оказывается, Сталин был у Горького, и там был Мирский. Сталин говорит: «Он на меня произвел впечатление фальшивого человека. Дайте распоряжение Ягоде от моего имени, чтобы он этим персонажем за-

нялся».

Понятно, что за такими разговорами последовало. Кстати, сам Тройский тоже не избежал репрессий и провел в лагерях многие годы. Как говорится, доносчику — первый кнут.

В 1937 году Мирский был арестован, приговорён по «подозрению в шпионаже» к восьми годам исправительно-трудовых работ и в июне 1939 года умер в лагере под Магаданом.

Вот воспоминания бывшего колымского заключенного Б. И. Блинера: «В те же дни между бараками расхаживал целыми днями высокий, тощий мужчина — черный, крючконосый, в очках, одет в длинное пальто, желтое, в крупную черную клетку. Одежда явно не наша. Оказалось — князь Святополк-Мирский. Преподавал в Англии русскую литературу, уговорили его вернуться, а после того, как привез в Союз свою библиотеку, его самого привезли на «Вторую речку». Раз в неделю он в своем бараке читал лекции по истории русской литературы. Я слушал о Пушкине. Это — ноябрь 1937 г.».

После возбуждения новых дел против «евразийцев» (в частности, ареста мужа Марины Цветаевой С. Эфрона) НКВД постановил этапировать Мирского в Москву для дополнительного следствия по ст. 58 п. 1 «а» УК РСФСР (измена Родине) 10 октября 1939 г.; постановление было утверждено Берией, но князя к этому времени уже четыре месяца как не было в живых. Мирский давно уже был превращен в лагерную пыль, но один его тезис вошел в отчетный доклад Маленкова на XIX съезде КПСС.

В настоящее время фонд «Честь и достоинство» планирует установить в Гиевке кенотаф (символическую могилу) Дмитрия Петровича рядом с захоронениями его отца и деда. Так что скоро память о «красном князе» вернется в его родные края.

Приложение:

Стихотворение Ярослава Смелякова в сборнике «Зона».

Князь Святополк-Мирский

Князь Курбский от царского гнева бежал...

А. Толстой

Князь Мирский бежал из России.
Ты брось осуждать, погоди!
В те дни, когда шли затяжные,
без мелких просветов, дожди.
И вот он, измявши окурки
в предчувствие невиданных стран,
на месте дождей Петербурга
увидел английский туман.
Но правда, рожденная в Смольном
октябрьским, сумрачным днем,
дошла до него, пусть окольным,

пускай околичным путем.
И князь возвратился в Россию,
как словно во сне, наяву.
Весенние ветры сквозные
в тот день продували Москву.
Белье за окном на веревке,
заплеванный маленький зал.
Он в этой фабричной столовке
о Рюриковичах рассуждал.
Тут вовсе не к месту детали,

как капельки масла в воде.
Его второпях расстреляли
в угодьях того МВД.
В июне там или июле –
я это успел позабыть, –
но лучше уж русскую пулю
на русской земле получить.

Алла ДЕДУСЕНКО

Харьков

ВИТРАЖИ

Помните таинственный калейдоскоп, который мы могли часами рассматривать в детстве? Кто подолгу не смотрел, зажмурив один глаз, в маленькое отверстие этого незатейливого предмета, направляя его на солнечный свет в окне или включенную электрическую лампу? При каждом движении руки мы видели всё новые и новые цветные узоры. А каждый поворот этой игрушки создавал разные красочные орнаменты. А сколько же калейдоскопов было поломано. Сколько же детей желали разгадать тайну этих цветных камешков и обладать сокровищами, которые находятся внутри. Стекланные узоры все менялись и менялись, создавая обыкновенное чудо, игру света и цвета, не оставляя в покое наше любопытство, и наше воображение....

Вот именно эта способность цветного стекла, витражного рисунка быть всегда разным, играть красками, при разном освещении, меняться в течение дня и менять интерьер вокруг нас, создавая иллюзию нового пространства, создавая новое освещение и новый цвет нашей жизни, напоминает чудо калейдоскопа. Эти сияющие картины, это волшебство цвета и света способно лишить банальности даже самый заурядный интерьер квартиры или офиса, сделать наше окружение полноцветным...

Уже в конце первого тысячелетия оконные и дверные витражи как художественный элемент оформления применялись в строительстве зданий. В основном это были панно на религиозные темы и размещались в храмах. Свет, который проходил через стекла, наполнял интерьеры соборов переливающимися и вибрирующими красками, усиливая впечатление прихожан от службы. Лики и фигуры святых словно спускались с небес вместе с лучами солнечного света. Витраж стал важным декоративным элементом любого средневекового собора или церкви. Ремесленники той поры освоили производство стекла и его окраску при помощи металлов, их оксидов и солей, которые обладают свойством задерживать внутри стекла часть спектра белого цвета, делая его разноцветным. Добавлением золота создавали клюквенный оттенок стекла, кобальт давал синий, серебро — желтый, а смесь золота и меди формировали зеленые и кирпично-красные краски. Ещё в IX веке монахом Теофилом было написано своего рода пособие по изготовлению оконных витражей. Классическая технология, которую он описывал, мало изменилась за последующие 900 лет. И по сей день отдельные цветные стеклышки вырезаются в соответствии с заранее выполненным рисунком, затем вставляются в специальный каркас из свинцовой ленты, спаянной в ажурную композицию. Собираются, как мозаика из осколков стекла в узорчатые рамы.

В середине XIX века в Америке, два малоизвестных в то время художника — Джон Лафарг и Луис Комфорт Тиффани начали свои эксперименты со стеклом и открыли новые визуальные эффекты витражей. Это был прорыв в витражном искусстве. Лафарг изобрёл и запатентовал матовое стекло в 1879 г., а Тиффани широко популяризировал этот вид витражей, и его имя стало обобщенным названием нового направления и всей американской волны витражного искусства. Используя матовые стекла сочных цветов, Тиффани создавал выразительные произведения для многих соборов и частных домов. Он сумел найти поистине золотую жилу, разработав технологию оформления плафонов электрических ламп. Такие плафоны оставались популярными на протяжении нескольких десятилетий, и тогда же появилось много последователей и подражателей витражной технологии Тиффани.

Витражи уже давно стали массовым элементом декорирования интерьеров. Ими оформляется не только окна и двери, но и межкомнатные перегородки, светильники и ширмы. Создаются витражные композиции, которые можно использовать в качестве подвесных потолков, в стеклопакетах, витринах и мебели. Современные стили

в оформлении интерьеров требуют особого подхода к мелочам, именно поэтому дизайнеры находятся в постоянном поиске, создавая свой эксклюзивный стиль, желая найти новые формы, интересные идеи, новые тенденции для придания помещению самобытности и оригинальности. К уже существующим методам исполнения витражей с каждым годом прибавляются всё новые. Мастера дизайнерского искусства постоянно вносят изменения в технологии изготовления предметов из стекла. И конечно же изобретение в XX веке электрической лампочки дало возможность по новому взглянуть на витражное искусство. Появился постоянный источник света, который может раскрашивать цветные стекла светом и днём, и ночью, придавая ему совершенно новые формы и содержание.

Чтобы дополнить рассказ о возможных витражных техниках, можно рассказать и о способах химической и механической обработки стекла, дающих очень интересные эффекты, а также техники обжигания стекла в печах. Можно рассказывать о технологии накладных витражей, главное отличие которой состоит в том, что отдельные элементы не просто собираются между собой, как мозаика, а наносятся на основу — полотно из стекла или пластика. Но мы поговорим о таком художественном приеме изготовления витражей, как роспись по стеклу красками с помощью обычных кисточек и фантазии художника.

Художественные росписи по стеклу необычны и невероятно красивые, создают впечатление легкости и воздушности. В отличие от традиционной живописи художники имеют дело с красками, которые бывают прозрачными и непрозрачными, матовыми и переливающимися всеми цветами радуги. Использование контура рисунка, аутлайнера, который меняет свой цвет при естественном и искусственном освещении, делает такой витраж меняющимся как хамелеон, в зависимости от погоды, света и времен года. Краски, наносящиеся на поверхность стекла, добавляют глубину, выделяют детали и нюансы рисунка, изменяют динамику света, создают эффект неповторимости движения кисти и подчеркивают разнообразную текстуру стекла. Такой витраж отличается изяществом и легкостью рисунка, потому что техника росписи стекла вручную даёт возможность художнику сделать разнообразные мазки и движения кистью, выполнить линию дрожащей, мерцающей, смешивать краски, используя их естественное перетекание от одного цвета к другому. Эта кропотливая и сложная работа, которая рождает чудо, обыкновенное чудо, как игра цветных камешков в игрушечном калейдоскопе. Рассматривая роспись на стекле, каждый раз вы будете замечать что-то новое, что ускользнуло от вашего взгляда, вы будете видеть новые краски и новые цвета, угадывать новые линии и движение цветной мозаики, этого стеклянного рисунка. Техника ручной росписи позволяет использовать больше

мелких деталей, при этом линии рисунка на витраже получаются тонкими, хрупкими и изящными.

Какие же краски используют в изготовлении такого витража? Стекло расписывают либо специальными витражными красками, которые предназначены только для работы на стеклянной поверхности, или краски могут быть акриловыми. Наносятся эти разноцветные мазки кистью на плоскость будущей картины после прорисовывания контура, самого рисунка витражного полотна. И, конечно же, перед тем, как создать рисунок, этот контур на стекле, с помощью специального тюбика с краской, имитирующей свинцовый узорчатый каркас классического витража, необходимо сделать эскиз будущей картины. На тонкой бумаге создается рисунок витражной композиции, изгибы линий и контуров изображения. И это самый главный этап работы, когда художник сталкивается с обыкновенным чудом, чудом вдохновения. В воображении мастера рождается картина, которая превратится в красочное стеклянное панно...

Станислав МИНАКОВ

Харьков

НАШ ЯЗЫКОВ

Мы расточительно позволили себе задвинуть во второй ряд книжной полки такого национального гения и мастера слова как Николай Языков (1803—1846), сочинениями коего восхищались Пушкин, Гоголь, Жуковский.

И. Киреевский писал: «Именно потому, что господствующий идеал Языкова есть праздник сердца, простор души и жизни, потому господствующее чувство его поэзии есть какой-то электрический восторг и господствующий тон его стихов — какая-то звучная торжественность. Эта звучная торжественность, соединенная с мужественною силою, эта роскошь, этот блеск и раздолье, эта кипучесть и звонкость, эта пышность и великолепие языка, украшенные, проникнутые изяществом вкуса и грации — вот отличительная прелесть и вместе особенное клеймо стиха Языкова... Нельзя не узнать его стихов по особенной гармонии и яркости звуков, принадлежащих его лире исключительно».

Николай Михайлович Языков — 16 марта по нов. ст. исполнилось 210 лет со дня рождения поэта — памятен русскому человеку прежде всего поющим стихотворением «Пловец» («Нелюдимо наше море...»), а также посланием Д. Давыдову («Жизни баловень счастливый...»), вызвавшим,

по воспоминаниям Гоголя, слезы у Пушкина.

Знаменитое стихотворение «К ненашим» Языков написал 6 декабря 1844 г., за два года до кончины. Однако сочинение, вызвавшее как горячее одобрение в стане славянофилов, так и скрежет оскорбленного возмущения среди западников, а также цензурный запрет к публикации на три десятилетия (!), обильно ходило в списках. Кто-то ставил это сочинение в ряд с «Бесами» Достоевского.

О вы, которые хотите
Преобразить, испортить нас
И онемечить Русь, внимлите
Простосердечный мой возглас!

Сегодня мы читаем его как решительно актуальный текст, такое впечатление, что писано про текущие события. Кажется, не прошло полутора веков, не было помрачительного кошмара междоусобной Гражданской войны, страшных мировых войн, изничтожения собственного народа и отчей веры. Какие-то «не наши» константы остаются в русских людях и продолжают действовать против России.

Хоть Языков обращался к лицам конкретным, мы правильно понимаем адресацию как архетипическую. В стихотворении немало обличений — «жалкий ли старик, ее торжественный изменник, ее надменный клеветник; оракул юношей-невежд, ты, легкомысленный сподвижник беспутных мыслей и надежд; и ты, невинный и любезный, поклонник темных книг и слов, восприниматель достослезный чужих суждений и грехов...»

Вы, люд заносчивый и дерзкий,
Вы опрометчивый оплот
Ученья школы богомерзкой,
Вы все — не русский вы народ!

Николай Языков, русский патриот, сын богатого помещика Симбирской губернии, много лет проведший на лечении в Германии и Италии, выступил как провидец, обобщивший тему, боль, разрушительный вектор, уводящий к западопоклонничеству. Это — своеобразное предостережение окончательного культа капиталистических миллионщиков, «штольцев», наверняка ведь сочинение Языкова было известно И. А. Гончарову, писавшему свой грандиозный, самый русский роман «Обломов» с 1848-го по 1859 гг.

Языков, похоже, предчувствовал испытания, ожидавшие Россию, словно постоянно слышал, с ужасом, «Предсказание» (1830) Лермонтова: «Настанет год, России чёрный год, когда царей корона упадет; Забудет чернь к ним прежнюю любовь, И пища многих будет смерть и кровь...».

Однако мы помним историко-духовный контекст эпохи, вызвавшей к жизни яркое публицистическое сочинение Языкова. В 1842 г. — между прочим, за шесть лет до выхода в Германии в свет «Манифеста Коммунистической партии» фабриканта-эксплуататора Ф. Энгельса и юриста К. Маркса — В. Белинский под псевдонимом Петр Бульдогов напечатал резонансный памфлет «Педант», критиковавший профессора Московского университета историка С. П. Шевырёва, объявивший войну патриотическому направлению русской мысли. Сей Бульдогов наряду с оскорблениями применил саркастический термин «наши» — по адресу русских славянофилов. «Европейская» пренебрежительность сквозит почти в каждой бульдоговой фразе, начиная с характеристичной: «Зовут моего педанта: Лиодор Ипполитович Картофелин».

Ха-ха-ха?! Но чем имя «Лиодор Ипполитович» кондовой, почвенной и комичной по сравнению с именем «Виссарион Григорьевич», понять затруднительно.

В мире все относительно: примечательно, что ведь именно Белинскому был — до того — адресован памфлет Е. Баратынского «На ***» (на рубеже 1839 / 1840 гг.):

В руках у этого педанта
Могильный заступ, не перо:
Журнального негодянта
Как раз подроеет он бюро.
Он громогласный запевало,
Да запевало похорон...
Похоронил он два журнала,
И третий похоронит он.

Речь идет о состоявшемся в конце 1839 г. приглашении Белинского в сотрудники «Отечественных Записок» издателем журнала А. А. Краевским. Узнаваемый портрет. И хотя «запевалой похорон» «неистовый Виссарион» назван по причине угробления им журналов «Телескоп» и «Наблюдатель», в этой едкой эпиграмме прочитывается и суть этого деятеля. И зримо видишь в этом облике некоторых нынешних «господ пера и де-сти» — то ли «худых, но сочных», то ли, напротив, изрядно разжиревших.

Итак, «К ненашим» — ответ Языкова всем Бульдоговым. Словарь Даля дает внятное пояснение: «Ненаш — нечистый, недруг, лукавый, бес».

Языков горько восклицает, не скажешь «обличает», поскольку его слова полны страдания и сострадания к адресатам.

Не любо вам святое дело
И слава нашей старины;
В вас не живет, в вас помертвело
Родное чувство. Вы полны
Не той высокой и прекрасной
Любовью к Родине, не тот
Огонь чистейший, пламень ясный
Вас поднимает; в вас живет
Любовь не к истине и благу!
Народный глас — он Божий глас —
Не он рождает в вас отвагу:
Он чужд, он странен, дик для вас.

К «вам» из полуторавековой дали адресуется поэт Языков, говоривший на языке, ничуть и сегодня не устаревшем, к нашему смутному времени лишь набравшем силы.

Вам наши лучшие преданья
Смешно, бессмысленно звучат;
Могучих прадедов деянья
Вам ничего не говорят;

Их презирает гордость ваша.
 Святыня древнего Кремля,
 Надежда, сила, крепость наша —
 Ничто вам! Русская земля
 От вас не примет просвещения,
 Вы страшны ей: вы влюблены
 В свои предательские мненья
 И святотатственные сны!
 Хулой и лестью своею
 Не вам ее преобразить,
 Вы, не умеющие с нею
 Ни жить, ни петь, ни говорить!
 Умолкнет ваша злость пустая,
 Замрет неверный ваш язык:
 Крепка, надежна Русь Святая,
 И русский Бог еще велик!

В конце — отсыл к известному высказыванию хана Мамай, который, по преданию, именно так объяснял свое поражение на Куликовом поле: «Велик русский Бог!»

Оказалось, более страшных слов для тогдашних московско-питерских болотных, и найти было нельзя. Такое ощущение, что это же — слово в слово — мог сказать Пушкин, который, увы, к тому моменту уже семь лет лежал в земле на Святогорском холме, у стен Успенского храма. Но он успел из Михайловского в 1824 г. незнакомому, совсем молодому поэту (что вы, на целых четыре года моложе Пушкина!), адресовать свое сочинение «К Языкову», где говорил без обиняков, на века: «Клянусь Овидиевой тенью: Языков, близок я тебе».

«Спасибо тебе за похвалы, которыми ты награждаешь меня за мое стихотворение “К ненашим”. Получил ли ты другое в этом же роде — послание к К. С. Аксакову («Прекрасны твои песнопенья живые...», от 31 октября 1845 г. — С.М.) — писал Языков Гоголю. — ...Оба эти мои детища наделали много разных сплетней и разъединений в обществе, к которому и ты принадлежал бы, если б ты был теперь в Москве, т. е. в том кругу, где я живу и движусь. Некие мужи важные и ученые, старые и молодые, до того на меня рассердились, что дело дошло бы, дескать, до дуэли, если бы сочинитель этих стихов не был болен. Вот каково! Страсти еще волнуются и кипят, а мои грозные супостаты удовлетворяются тем, что пересылают мои стихи в Питер, в «Отечественные записки», где меня ругают как можно чаще, стихи мои пародируют и печатают эти пародии. Само собою разумеется, что эти на меня устремления и этот беззубый лай нимало не смущают меня и что я продолжаю свое».

И еще: «Речь идет о здешних, московских особах, которым не нравятся лекции Шевырёва и потому они лгут и клеветуют на него во всю мочь... Все личное достоинство их поддерживается в глазах так называемого “большого” света только их презрением ко всему отечественному».

Николай Васильевич скоро и сам дождался обструкции со стороны тех же «ненаших»; после 1846-го, выхода в свет гоголевского сочинения «Выбранные места из переписки с друзьями», они закружатся, эти «бесы разны».

Стрела Языкова попала в болевую точку, в общественный нерв, в «люд заносчивый и дерзкой», в «опрометчивый оплот, ученья школы богомерзкой».

Языков писал брату: «...Эти стихи сделали дело, разделили то, что не должно было быть вместе, отделили овец от козлиц, польза большая!.. Едва ли можно назвать духом партии действие, какое бы оно ни было, противу тех, которые хотят доказать, что они имеют не только право, но и обязанность презирать народ русский... Лекции Шевырёва возбуждают их злость... тем, что в этих лекциях ясно и неоспоримо видно, что наша литература началась не с Кантемира, а вместе с самою Россией. А в защите правого и, могу сказать, чистого и даже святого дела — я никакой низости не вижу, какова бы форма этой защиты ни была: есть то дух Божий и дух льстечь».

Гоголь же в восхищении писал Языкову, что сам Бог внушил тому «прекрасные и чудные стихи “К ненашим”... Душа твоя была орган, а бряцали на нем другие персты. Они еще лучше самого „Землетрясения” и сильнее всего, что у нас было

писано доселе на Руси... Бог да хранит тебя для разума и вразумления многих из нас». Стихотворение Языкова «Землетрясение» (1844) и Жуковский считал одним из лучших в русской поэзии.

Сегодня нам внятно, отчего Языков был отодвинут на обочину общественного сознания, почему его полемические антилиберальные опусы были запрещены к публикации.

«Белинский совершенно беспощадно бил по Языкову, и именно потому, что прекрасно понимал его огромную силу и понимал то значение, какое имела его поэзия в боевом арсенале противников, — писал М. К. Азадовский, — ...но за всем этим вставала и иная, для него более существенная сторона — политическая».

* * *

Вскоре после стихотворения «К ненашим» Языков написал «К Чаадаеву» — одно из самых острых стихотворений в цикле. (В 1845-м последовали послания «П. В. Киреевскому», «С. П. Шевырёву», «А. С. Хомякову»).

В письме к брату Александру от 27 декабря 1844 г. Языков поясняет: «В нашем кругу теперь волнение чрезвычайное, волны едва не хлещут друг друга... Ч, даже Ч колеблется и выходит из себя: лекции Ш сильно его раздражают и проч. Впрочем, ему и достается за дело: вообрази себе, до чего он избалован поддакиваниями и подтакиваниями его нелепейшим выходкам на все наше, что на днях, на вечере у Павлова, громогласно назвал Ермолова шарлатаном!.. Я пришлю тебе стихи, написанные мною к Ч. Не правда ли, что этакая его наглость есть оскорбление общенародное, личное всем и каждому!! И что “почто молчать?”».

Вполне чужда тебе Россия,
Твоя родимая страна!
Ее предания святая
Ты ненавидишь все сполна.

Ты их отрекся малодушно,
Ты лобызаешь туплю пап,—
Почтенных предков сын послушной,
Всего чужого гордый раб!

Свое ты все презрел и выдал,
Но ты еще не сокрушен;
Но ты стоишь, плешивый идол
Строптивых душ и слабых жен!

Ты цел еще: тебе донныне
Венки плетет большой наш свет,
Твоей презрительной гордыне
У нас находишь ты привет.

Как не смешно, как не обидно,
Не страшно нам тебя ласкать,
Когда изволишь ты бесстыдно
Свои хуленья изрыгать

На нас, на все, что нам священо,
В чем наша Русь еще жива.
Тебя мы слушаем смиренно;
Твои преступные слова

Мы осыпаем похвалами,
Друг другу их передаем
Странноприимными устами
И небрезгливым языком!

А ты тем выше, тем ты краше:
Тебе угоден этот срам,
Тебе любезно рабство наше.
О горе нам, о горе нам!

Эти строки восхищали даже М. Жихарева, племянника Чаадаева, именно он получил их от Хомякова и опубликовал впервые в 1871 г. в «Вестнике Европы». «Вот это послание и по достоинству поэтическому, и по одушевлению гнева, и по глубиной, томительной патриотической тоске, и по блеску и звону стихов (выделено мной — С.М.) чуть ли не самое прекрасное из всех, вышедших из-под столько знаменитого, в свое время, пера Языкова», — писал Жихарев. Какие блестящие, конгениальные слова!

А ведь еще в 1833 г. П. Киреевский замечал Языкову: «Эта проклятая Чаадаевщина, которая в своем бессмысленном самопоклонении ругается над могилами отцов и силится истребить все великое откровение воспоминаний, чтобы поставить на их месте свою одноминутную премудрость, которая только что доведена ad ab-surdum в сумасшедшей голове Ч., но отзывается по несчастью во многих, не чувствующих всей унизительности этой мысли, — так меня бесит, что мне часто кажется, как будто вся великая жизнь Петра родила больше злых, нежели добрых плодов. Впрочем, я и сам чувствую, что болезненная желчь негодования мутит во мне здоровый и спокойный взгляд беспристрастия, который только один может быть ясен».

На стороне «наших» был и Пушкин (обратившийся когда-то к Чаадаеву со своими хрестоматийно известными стихами «Любви, надежды, тихой славы...»), который также высказал несогласие со взглядами Чаадаева на историческое прошлое России, выраженными в «Философских письмах» 1830-х. Помним, что 19 октября 1836 г., в день Царскосельского лицея, за четыре месяца до своей кончины, Пушкин писал Чаадаеву, и это тоже знаменитая его реплика: «Благодарю за брошюру, которую Вы мне прислали... Что же касается нашей исторической ничтожности, то я

решительно не могу с Вами согласиться... Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал».

(И мы помним, что Чаадаев потом изменил свою точку зрения на Отечество.)

Не пропустим и слова из послания Языкова свояку Хомякову, идейному вождю русских славянофилов:

Несчастный книжник! Он не слышит,
 Что эта Русь не умерла,
 Что у нее и сердце дышит,
 И в жилах кровь еще тепла;
 Что, может быть, она очнется
 И встанет заново бодр!
 О! как любезно встрепенется
 Тогда вся наша немчуря:
 Вся сволочь званых и незваных,
 Дрянных, прилипчивых гостей,
 И просветителей поганых,
 И просвещенных палачей!
 Весь этот гнет ума чужого
 И этот подлый, гнусный цех,
 Союзник беглого портного,—
 Все прочь и прочь! Долой их всех!
 Очнется, встанет Русь и с бою
 Свое заветное возьмет!

Не только Белинский выступил против Языкова и Пушкина в «Обзоре русской литературы в 1844 г.», но и Некрасов, со смешной местами, но в целом вяловатой и затянутой пародией «По-

слание к другу (из-за границы)», опубликованной в «Литературной газете» 1 февраля 1845 г. Как многое похоже на ту ситуацию и теперь! Звонко щёлкают пёрыми «поэты и граждане».

«К ненашим» — мощное и значительное высказывание русского национального гения. Примечательно, что адресовано оно известным умам России, с которыми нас учили отождествлять русскую «прогрессивную» литературную мысль. Странная сложилась традиция: кто Россию критикует, если не скажет поносит, тот непременно считается прогрессивным, а у кого за нее душа болит, — тот ретроград, лапотник, сермяжник, и никоим образом не Виссарион Григорьевич, а совсем напротив — Лиодор Ипполитович Картофелин.

«...Вы все — не русский вы народ!» — сказал Языков. И кому же? Грановскому, Чаадаеву, А. Тургеневу, Белинскому. Саморазоблачительно «узнал» себя в этой реплике и Герцен, британский, с позволения сказать, «колокол», нехорошо назвавший сочинение Языкова «доносом в стихах». Передернул. В новые и новейшие времена так поступают некоторые «ненаши», десятилетиями служащие «Голосу Америки» или би-би-си. Герцен отбыл на берега Альбиона и оттуда учительствовал Отечеству. Умрет, известное дело, в «Парижике», в 1870-м. Тогда как молодые Пушкин, Лермонтов и Языков полягут на Родине, причем гораздо раньше — на рубежах 1840-х, плюс-минус несколько лет.

Н. М. Языков тихо скончался вечером 26 декабря (по ст. ст.) 1846 г. Отпевание состоялось в Благовещенском храме на ул. Тверской. 30 декабря друзья и близкие похоронили поэта в Даниловом монастыре. Рядом с ним через шесть лет упокоится и его друг, тезка — Гоголь. Прах обоих русских гениев потом перенесут на Новодевичье кладбище.

А есть ли у нас, сограждане, где-нибудь памятник поэту Языкову? Его не могло быть ни в XIX, ни в XX в. Но вот вопрос: может ли он быть поставлен в XXI-м?

«КАВАЛЕР» ИСКУССТВ ИВАН КАВАЛЕРИДЗЕ

Украинским Микеланджело его называли не только за выразительные скульптуры, но и за универсальность таланта. Он был режиссером театра и кино, драматургом, сценаристом, в 1969 г. ему было присвоено звание Народного артиста Украинской ССР. В 78 лет он открыл в себе прозаика и создал в 1960-х драматические произведения «Вотанов меч», «Перекоп», «Григорий и Параскева», «Первая борозда»). В этом году, 125-летия со дня рождения Ивана Кавалеридзе, в Киеве решено одну из новых улиц микрорайона Липинка, на Подоле, назвать его именем.

Прежде всего, конечно, он остался для потомков скульптором, явившим зримые воплощения своих деяний на улицах и площадях Украины. Принесший новое мышление, новые формы и формулы в жанр скульптуры. Его работы стоят в разных городах страны, хотя за годы лихолетий многие по разным причинам были разрушены, некоторые из них — через десятилетия, после кончины мастера, восстановлены. В Киеве, по знаменитому киевскому Андреевскому спуску, в д. 21, неподалеку от Дома-музея М. А. Булгакова, теперь существует мемориальный дом-музей И. П. Кавалеридзе.

Дом-музей И. П. Кавалеридзе в Киеве.
Фото автора. 22.11.12 г.

На этом кадре справа от дома-музея мы видим в белом камне эскиз (конца 1950-х) работы Кавалеридзе к ныне известному памятнику Ярославу Мудрому, установленному в 1997 г. близ киевских знаменитых Золотых Ворот. Памятник стал своеобразной посмертной данью мастеру Кавалеридзе.

Памятник князю Ярославу Мудрому
в Киеве. Фото автора. 27.09.2008 г.

* * *

Он родился 1 /13 апреля 1887 г. на хуторе Ладанском села Новопетровцы Сумской губернии Российской Империи. Его отцом был грузинский крестьянин Петр Васильевич Кавалеридзе, а матерью — украинская селянка Килина Лукинична Кухаренко, как утверждают, потомственная казачка. Биографы обращают внимание: некоторые работы скульптора подписаны фамилией Кхваридзе. Управитель генеральского имения на х. Ладанском Василий Кхваридзе-Кавалеридзе происходил из грузинских крестьян в четвертом поколении.

Иван был старшим из трех сыновей Петра Кавалеридзе. Рассказывают, что Николай, младший, самый тихий, осел во Львове и работал в финансовой сфере. Средний, Владимир, стал почвоведом, возглавлял исследовательское учреждение в Житомире, остался служить при «других немцах» и вынужден был эмигрировать в Латинскую Америку. Там принимал в своем жилище во время гастролей хор им. Вережки, писал брату письма в Киев, но тот рвал их.

Учился Иван в Киеве в начальной земской школе, шесть лет в частной гимназии Валькера, затем в Киевском художественном училище, с 1909-го по 1910-й в Санкт-Петербургской Академии Художеств, а после — в мастерской Аронсона в Париже. В 1911—1915 гг. работал скульптором и художником-оформителем русской кинофирмы «П. Тиман и Ф. Рейнгардт (торговый дом)».

Примечательно: Кавалеридзе, призванный в армию Российской империи (1915—1917), некоторое время побыл комендантом Царского Села, став выдвинутым «солдатских комитетов», и фактически отвечал перед Временным правительством за охрану царской семьи. Перед самим Октябрьским переворотом оказался в Киеве, есть

мнение, что он был нелегальным эмиссаром от правительства Керенского в Центральную Раду. Именно в то время началось множественное возведение памятников Тарасу Шевченко по всему Левобережью.

* * *

Бетонный памятник Кобзарю в Ромнах Сумской области Иван Кавалеридзе сделал в 1918 г. Считают, что это самый «человечный» памятник Шевченко. Установлен на том месте, где в 1845 г. стояла палатка Шевченко.

И. Кавалеридзе. Памятник Кобзарю в г. Ромны. Обновлен в бронзе в 1982 г.

Памятник Шевченко работы Кавалеридзе в Полтаве был поставлен в 1926 г. Выполнен из бетона в популярном тогда стиле кубизма.

И. Кавалеридзе. Памятник Т. Шевченко в Полтаве

В 1926 г. Ивану Кавалеридзе было доверено возвести из бетона и первый памятник Т. Шевченко в Сумах, в сквере на ул. Соборной. Скульптор создавал его, как и другие памятники того периода, при помощи беспризорных детей: мастеру предложили организовать для них художественно-промышленную мастерскую, что и было сдела-

но. Помимо совместной работы над памятниками, ребята изготавливали чернильницы, пепельницы, пресс-папье, другие предметы, необходимые в быту. Многие из этих детей впоследствии стали художниками, архитекторами, скульпторами. Кстати, беспризорники помогали своему шефу строить памятник Шевченко и в Полтаве. В отличие от полтавского сумской памятник работы Кавалеридзе не уцелел в хрущевский период.

И. Кавалеридзе. Несохранившийся памятник Т. Шевченко в г. Сумы

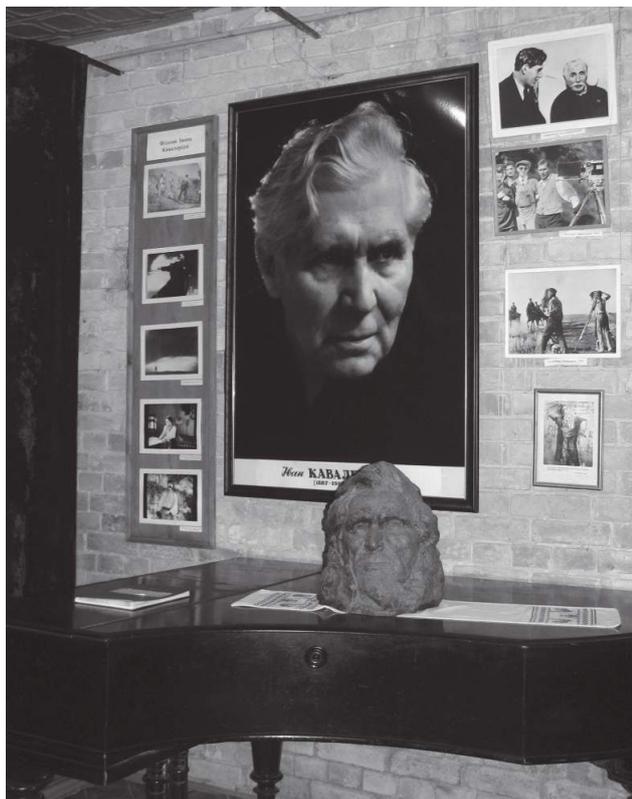
«Памятник Артему, сооруженный по моему проекту, был причислен к вредным сооружениям. Такая характеристика подействовала на перестраховщиков. В Сумах, например, был срочно снесен мой Шевченко», — писал Кавалеридзе. Это произошло в 1953 г., едва в партии сменился генсек.

По словам сумских художников, лет десять назад при замене коммуникаций в сквере Шевченко в земле были обнаружены обломки памятника работы Кавалеридзе. Сегодня они хранятся в Сумском художественном музее.

* * *

В 1934–1941 гг. Кавалеридзе — режиссер студии «Украинфильм» в Киеве. Он сразу приобрел репутацию «диссидента»: ряд его фильмов («Колливищина», 1933; «Прометей», 1935) был запрещен к показу, некоторые из памятников в те же примерно годы уничтожены, а несколько учеников и сотрудников репрессированы.

Вообще свой режиссерский путь Кавалеридзе начинал в конце 1920-х с фильма «Ливень». Рассказывают, что в той своеобразной истории Украины актерам, игравшим панов, концептуально наносили белый грим, и они казались бескровными марионетками. А вот крестьян красили «под бронзу». Такое искусство осталось непонятым.

*Кинематографический уголок
в киевском музее И. Кавалеридзе.
Фото автора. 22.11.12 г.*

Потом была «Коліївщина», снятая под впечатлением от спектакля «Гайдамаки» Л. Курбаса. Фильм «Прометей» вызвал негативную реакцию Сталина. Особенно сцена разгрома горцами русских императорских войск — он усмотрел в ней кавказский сепаратизм. 18 февраля 1936 г. в «Правде» вышла статья «Грубая схема вместо исторической правды» и режиссеру запретили работать с молодежью (он руководил серией альманахов «Украинские песни на экране») и посоветовали снимать кино-оперы.

Если его «Запорожец за Дунаем» (1938) особым успехом не пользовался, то выпущенная двумя годами ранее «Наталка Полтавка» (кстати, первая украинская киноопера) была весьма востребована даже в США. Фильм Кавалеридзе три недели подряд шел в нью-йоркском кинотеатре «Рузвельт», где и местные-то творения в ту пору не держались столь долго.

В 1941 г. Кавалеридзе оказался в оккупированном немцами Киеве, куда с началом войны пришел пешком — со съемок в Западной Украине своего фильма «Пісня про Довбуша». А. Кривцун в Интернет-издании donbass.ua так описывает непростую ситуацию, в которой оказался художник: «Ему, человеку достаточно известному даже в Европе, предложили возглавить Комитет по делам искусств при местной управе. <...> Вызволили из Сырецкого концлагеря кинооператора В. Войтен-

ко, который позже снимет знаменитый фильм нашего земляка Л. Быкова «В бой идут одни «старики»», но так как всем заправляли националисты, цели были соответствующие — создать независимую республику, пусть даже под крылом гитлеровцев. И мастер покинул управу, которую вскоре истребили фашисты».

Работа в той управе художнику потом «икалась» многократно. Тогда как его сын Игорь и пасынок Борис погибли на фронте, а дочь Нина от первого брака была казнена в Харькове за связь с партизанами.

А. Барбарук рассказал в «Газете по-українськи» (№ 348 за 13.04.2007): «Хрущев, уже в 1963-м, назвал революционные монументы Ивана Петровича "проявлениями кубизма". Александр Довженко заочно обещал лично пристрелить "изменника Кавалеридзе", когда будет освобожден Киев. Но когда увидел бедность, в которой жил непривольный соперник по творчеству, дал задний ход. Зато жена Довженко Юлия Солнцева поссорила Кавалеридзе с Александром Корнийчуком. И режиссер не снял по его сценарию фильм о Богдане Хмельницком. Относительно спокойно Ивану Петровичу позволяли экранизировать только классические украинские оперы. Здесь ему не было равных. И актерский талант Степана Шкурата открыл Кавалеридзе, а не Довженко в фильме "Земля". Шкурат еще с начала 1920-х годов работал под его руководством в Роменском театре. А уже в 1937-м пел "под фанеру" в "Запорожце за Дунаем", хотя имел оперный голос».

*В музее И. П. Кавалеридзе.
На фоне фотопортретов скульптора —
его работы: справа в кадре «Шалыпин в роли
Олоферна», 1956 г., тонированный гипс.
Слева — «Старик», 1954 г., стекло.
Фото автора. 22.11.12 г.*

В 1944–1948 гг. Кавалеридзе — старший научный сотрудник отдела монументальной архитектуры Академии архитектуры УССР. В 1957–1962 гг. — режиссер Киевской киностудии им. Довжен-

ко. В 1958 г. вышла его лента «Григорий Сковорода», а три года спустя — «Гулящая», по мотивам романа П. Мирного, где главную роль — Христи — сыграла совсем молоденькая Л. Гурченко. 74-летний Кавалеридзе, несмотря на неудачность экранизации, в сущности, открыл глубинный драматический талант этой актрисы (она была тогда уже известна по «Карнавальная ночь»).

* * *

Своя кавалеридзеана имеется и в Харькове В 1925 г. на консолях второго этажа здания треста «Донуголь» (ул. Пушкинская, 5) были установлены два каменных шахтера работы И. П. Кавалеридзе.

Скульптуры шахтеров на здании бывшего треста «Донуголь» в Харькове.
Фото автора. 13. 07. 2011 г.

Есть в Харькове и кавалеридзевский памятник Г. Сковороде, открытый 3 сентября в 1992 г. на Террасной горке близ Покровского монастыря, то есть того места, где философ преподавал в коллегиуме, переведенном сюда из Белгорода.

Памятник Г. Сковороде в Харькове.
На фоне храма в честь
Иконы Богородицы
Озерянской Покровского монастыря.
Фото автора. 21.11. 2007 г.

В Киеве на территории Софийского собора имеется памятный знак работы Кавалеридзе в честь открытия первой на Руси библиотеки Ярославом Мудрым, а в Белой Церкви Киевской обл. — памятник Петру Запорожцу.

Темпераментный в отца, он вполне оправдывал прозвище «бешеный Иван», даже в 90-летнем возрасте выдавая экстремальные формулы: «Я не визнаю родичання ”за калом”, я визнаю родичання тільки ”за духом”». Хорошо бы эту реплику взять во внимание сегодня новоявленным украинским «арийцам», тем, кто упирается носом в «Трипилля», позабыв о том, что тут, в Киеве, русская духовная колыбель.

Кавалеридзев памятник святой равноапостольной княгине Ольге, одной из первых христианок на Руси, то есть предтече великого русского крещения — бабушке святого равноапостольного князя Владимира Крестителя — стоит в Киеве возле Михайло-Златоверхого собора, в ряд с фигурами апостола Андрея Первозванного и учителей словенских Кирилла и Мефодия.

Конкурс на лучший проект памятника княгине Ольге в Киеве Кавалеридзе вместе со скульптором Сниткиным и архитектором Рыковым выиграл в 1910 г. Правда, по настоянию митрополита Флавияна в оригинал были внесены изменения: княгину лишили меча, наделили наперсным крестом, а согнутая в локте рука легла на грудь.

Поставленный на Михайловской площади, имевший на постаменте надпись «Сия первая вниде в Царство Небесное от Руси, сию бо хвалят рустиє сынове яко начальницу. Дар Государя Императора городу Киеву. Лето от Р. Х. 1911», памятник стал жертвой новой власти.

В 1919-м княгиню сбросили с пьедестала, раскололи и закопали. Боковые фигуры сперва закрыли досками, а спустя четыре года убрали все.

Лишь много лет спустя назад композиция вернулась на свое место. Части Ольги — кроме головы — удалось откопать. По эскизам и фото была воссоздана вся скульптурная группа, но уже не из бетона, а из белого мрамора. Вот такой эскиз статуи расположен в лестничном проеме дома-музея.

*Гипсовая кн. Ольга в музее.
Фото автора. 22.11.12 г.*

Восстановлен памятник к 1996 г. скульпторами В. Сивко и Н. Бильк — по разрушенной в 1919 г. скульптуре И. П. Кавалеридзе и Ф. П. Балавенского 1911-го года.

*Памятник св. Княгине Ольге в Киеве сегодня.
Фото автора. 2007 г.*

А. Кривцун пишет: «За год до того, как новая власть поиздевалась над его княгиней, Иван Петрович поставил в Ромнах (Сумщина) памятник Тарасу Шевченко — один из первых в Украине. И не восстановлен, в отличие от киевской Ольги или монумента философу Григорию Сковороде в Лохвицах (Полтавская обл.), открытому в 1922-м. За него, по словам Кавалеридзе, он получил... два пуда пшеницы. Цементный Сковорода погиб в годы Великой Отечественной войны. 29 ноября 1972 г., к 250-летию со дня рождения философа, монумент возродили в бронзе. Еще один памятник философу, о котором он даже фильм снял, мастер установил на Контрактовой площади столицы, у стен Киево-Могилянской академии, где тот учился. И было Кавалеридзе тогда девяносто».

*И. Кавалеридзе за год до смерти
возле своего памятника Г. Сковороде в Киеве.*

*Памятник Г. Сковороде
на Контрактовой площади в Киеве.
Фото автора. 22.11.12 г.*

Кстати, в Киеве есть также еще один памятник Сковороде работы Кавалеридзе, установленный в 1977 г.

* * *

Особо скажем и о еще одном известном творении скульптора.

11 сентября 1927 г. как символ торжества революции на 125-метровой скале на правом берегу Северского Донца над упраздненным Свято-Успенским Святогорским монастырем (ныне Лавра) был открыт гипертрофированно огромный (высотой 28 метров и весом около 800 тонн) бетонный памятник Артему (Федору Сергееву) — коммунистическому деятелю, который устанавливал в крае советскую власть, главе памятной Донецко-Криворожской республики. Старожилы рассказывали, что красный командир Артем с «товарищами» выводили иноков зимой на лед и расстреливали.

*Самое крупное сохранившееся произведение
Кавалеридзе — скульптура «товарища Артема»*

Кавалеридзе делал эту работу по личному заказу председателя Всеукраинского центрального исполнительного комитета Г. Петровского. И потратил на нее почти весь свой причитающийся гонорар (из 5 тыс. гонорарных рублей ему досталось лишь 92, еще 4 тыс. пошло на материалы). Энтузиазм масс тоже сыграл свою роль: древесиной и подсобными работами местные жители помогли скульптору бесплатно.

Истукан тевтонского вида стоит над Лаврой и по сей день (отреставрирован к 100-й годовщине со дня рождения Сергеева в 1983 г.), и с некоторых точек символически выглядит как подпирающий ногою купола лаврских церквей, находящихся у подножия Святых гор.

«Товарищ Артем» над Святогорской Лаврой

По-разному относились к одному из символов Донбасса современники Кавалеридзе. Можно сколь угодно рассуждать о его художественных и достоинствах, однако хорошо бы ему найти иное место. Несомненно, следует учесть и исторический контекст: эта монументальная скульптура, отличая в кубистическом стиле, уцелела в годы Великой Отечественной войны и сохранилась едва ли не единственным произведением советского конструктивизма, отразившего авангардные направления в искусстве начала XX в. В период Великой Отечественной войны у памятника Артему были захоронены воины, погибшие при освобождении Святогорья от немецко-фашистских захватчиков.

Иван Петрович Кавалеридзе ушел из жизни на 91-м году жизни, 3 декабря 1978 г., и похоронен в Киеве на Байковом кладбище. Из четырех детей пережили отца только старшая Евгения и младшая Елена.

В 1987 г. решением ЮНЕСКО отмечалось 100-летие со дня рождения И. Кавалеридзе.

Анна МИНАКОВА

Харьков

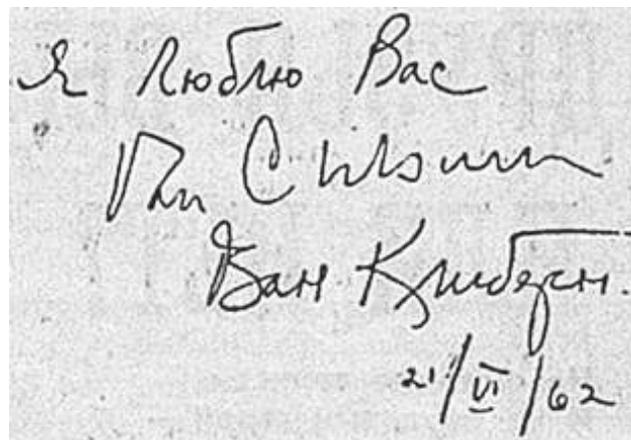
ОСТРОВ РАДОСТИ ПАМЯТИ КЛИБЕРНА

27 февраля ушел из жизни американский пианист Ван Клиберн. Без сомнения, многие любители музыки в нашей стране восприняли его уход как личную утрату. Безусловно, особую роль в русском восприятии сыграла и «есенинская» внешность пианиста: световолосый, голубоглазый, в чем-то напоминающий героя русских народных сказок. Открытый, улыбчивый, поднебесно высокий — и в прямом, и в самом высоком смысле. Трудно найти в истории пианизма XX в. более поэтичного исполнителя. Его имя всегда будет окутано романтической дымкой, его самого всегда будут любить больше, чем его записи. За теплое, сердечное прикосновение, за глубоко человеческую живую интонацию, за искренность и незамутненность исполнительского голоса. Не «деланностью», не безукоризненным мастерством он завоевывал публику. До самых последних дней он нес в себе молодость, детскость, незамороженность, простоту. Настоящий, как ветка цветущей сирени, как пригревающее утреннее солнце. Тепло и человечность у Клиберна — в каждом звуке. Простота, наивность, распахнутость. В противовес умствования. Мы можем восхищаться зрелым

самоуглубленным искусством, но вызывать мгновенную симпатию и — главное — чистосердечную радость всегда будет именно молодое искусство.

Харви Ван Клиберн родился 12 июля 1934 г. в Шривпорте (штат Луизиана). Можно говорить о русских корнях его пианизма. Его первым педагогом была мать, Рильдия Клиберн, одаренная пианистка, которая училась в Джульярдской школе у А. Фридхайма, уроженца Санкт-Петербурга. Он, в свою очередь, был учеником Листа и А. Рубинштейна, основателя Санкт-Петербургской консерватории. Когда сам Клиберн поступил в Джульярдскую школу, его педагогом стала Р. Левина, ученица В. Сафонова. Пианист рассказывал: «Моя учительница миссис Розина Бесси-Левина заставляла меня играть по 9–10 часов в день. Она была из СССР, выпускница Московской консерватории, и всегда говорила: “Помни русскую поговорку — “Без труда не вытащишь и рыбку из пруда!” После этих репетиций я падал замертво».

В 1954 г. пианист дебютировал в Карнеги-холле с Первым концертом Чайковского, который впоследствии стал его визитной карточкой. Через четыре года Р. Левина уговорила ученика принять участие в Международном конкурсе им. Чайковского в Москве.

Об истоках своей любви к русской культуре Клиберн вспоминал: «Когда мне было пять лет, мне подарили детскую книжку, там были картинки разных интересных мест по всему миру, и я очень хотел все их увидеть. Там была фотография изумительно красивой церкви (речь идет о соборе Василия Блаженного — А. М.), и я сказал: “Мама, папа, отвезите меня туда”. И вот через несколько лет я там уже был. Другое воспоминание — о том, как я впервые шел по лестнице Большого зала Московской консерватории. Я даже точно помню время — это было в одиннадцать часов утра. На этот час мне назначили репетицию на рояле в Большом зале. И моя предшественница, которая занималась до меня, — замечательная пианист-

ка из Парижа — пока я поднимался по ступеням, играла ми-бемольный Этюд-картину Рахманинова. Эта музыка меня абсолютно покорила».

Тогда, в 1958 г., на конкурсе Чайковского, 22-летний Клиберн произвел настоящий фурор. «Мы повально были очарованы и околдованы Клиберном. В его музыке была и русская ласка, и русская тоска. Он невероятно раскрепостил мышление советских музыкантов. Помню, он только взял первые аккорды Третьего концерта Рахманинова, как у меня брызнули слезы», — писал музыковед С. Волков.

Клиберн с большим теплом вспоминал атмосферу конкурса: «Я жил в гостинице “Пекин”, и около входа меня всегда ожидали русские поклонники. Мне дарили банки с вареньем, вязаные шерстяные носки, шапки... Письма для меня шли по смешному адресу: “Консерватория. Ване Клиберну”. Одну из записок я храню до сих пор: “Ванюша, дорогой! Оставайтесь в Москве, в СССР. Неужели бы мы вас здесь меньше ценили, любили бы?” Я никогда не забуду лето 1958 года. Я был тогда самым счастливым».

С первого конкурсного тура Клиберн завоевал любовь советских зрителей и жюри, в которое входили такие знаменитые пианисты, как Святослав Рихтер, назвавший молодого американца гением и неизменно ставивший ему высший балл в каждом туре, и Эмиль Гилельс, после выступления Клиберна прошедший за сцену, чтобы поздравить конкурсанта с успехом.

Клиберн признавался: «Я был гениальным только в течение получаса один раз в жизни — на Конкурсе Чайковского в 1958 году. В тот момент я ощутил: на меня снизошло Господне благословение. Я играл так, как не играл больше никогда в жизни».

Известно, что решение о присуждении американцу первой премии пришлось согласовывать с генсеком Н. Хрущевым. Хрущев сказал — если достоин, давайте. И, под аплодисменты ликующей публики Ван Клиберн был объявлен победителем.

Медаль и премию Клиберну-победителю в Большом зале Московской консерватории вручал Д. Шостакович. Сын композитора, дирижер и пианист М. Шостакович вспоминал о пианисте: «Он был абсолютно раскрепощен в своем эмоциональ-

ном настрое, именно это и поразило тогда всех. Он не играл, демонстрируя технический блеск, он был свободен, как птица в полете. Он парил в этом концерте».

Для участников конкурса была устроена экскурсия в Клин, в дом-музей Чайковского. Там Клиберн выкопал куст сирени и до окончания конкурса ухаживал за ним в номере гостиницы, а потом забрал его в Америку и посадил на могиле Рахманинова, на кладбище Кенсико близ Нью-Йорка. В Штатах Клиберна встречали как героя — в честь его возвращения на Бродвее был устроен парад. Ни до, ни после — ни один музыкант не удостоивался такой чести.

Пианист неоднократно возвращался в СССР с гастрольями, трансляции его концертов показывали по советскому телевидению, про него снимали у нас документальное кино.

Много написано о феномене В. Клиберна, о незаурядной любви к нему нашего народа. Музыкант и сам неоднократно признавался, что на родине его так не любили. А здесь — его в буквальном смысле забрасывали цветами, подарками, письмами, полными восхищения. Его встречали, словно космонавта. Он был гораздо в большей мере свой, «Ваня», чем иные здешние вышколенные виртуозы. Известно, что сам пианист впоследствии требовал, чтобы в России его называли Ваном Клиберном, а не Вэнном Клайберном (что фонетически ближе к американскому произношению его имени).

Пианист А. Гиндин, лауреат конкурса Чайковского 1994 г., признавался: «Не поверите — на днях пересматривал альбом и наткнулся на черно-белую карточку Вана Клиберна. А снимок этот дала мне моя учительница в школе: у нее, равно как и у всех тогда, было отношение к Клиберну как к своему ребенку. Родной плоти и крови. И это благодаря игре — непосредственной и искренней, — не знаю, у кого еще такая искренность была в XX веке. Клиберн как Гагарин. Точнее трудно сказать. Комета».

Неспроста ему особенно хорошо удавались произведения самых русских, самых задушевных композиторов — Чайковского и Рахманинова. В каком-то смысле он даже стал заложником своих творческих удач: пианиста везде просили исполнять концерты, с которыми он выиграл конкурс Чайковского (1-й Чайковского и 3-й Рахмани-

нова). Именно клиберновская запись концерта Чайковского, которая была сделана вскоре после конкурса, более десяти лет возглавляла список бестселлеров классической музыки и стала первой платиновой пластинкой в истории классики.

В 1962 г. пианист учредил Международный музыкальный конкурс Клиберна, который проводится и теперь в Форт-Уорте раз в четыре года. Русские музыканты неоднократно становились его победителями (В. Виардо, А. Султанов, О. Керн, А. Кобрин). Этим летом состоится очередной конкурс Клиберна, он будет посвящен памяти его основателя. Русскую фортепианную школу на нем будут представлять прошедшие предварительный отбор пианисты А. Чернов, Ю. Фаворин, Н. Хозяинов, В. Холоденко и Н. Мндоянц.

С 1998 г. одна из звезд в созвездии Лира носит имя Клиберна — с подачи Российской академии наук, в связи с 40-летием Международного конкурса им. Чайковского.

В течение долгих лет пианист был большим другом М. Ростроповича и Г. Вишневской. Он признавался, что Ростропович стал одним из его главных учителей музыки и жизни. Уже после смерти знаменитого виолончелиста Клиберн выступал на фестивале его памяти вместе с Ю. Башметом и Г. Вишневской, вручал премии фонда Ростроповича, проводил мастер-классы. Один из последних концертов Ван Клиберн дал в Москве в рамках благотворительной акции памяти жертв Бесланской трагедии.

В 2003 г. Дж. Буш-младший вручил пианисту Президентскую медаль свободы — высшую гражданскую награду страны. А в 2004 г. Клиберн получил российский Орден дружбы от президента Российской Федерации В. Путина. Об этом событии пианист говорил: «Я был счастлив, даже чуть не заплакал от гордости. Ваша страна очень много значит для меня. Вы все — такие близкие, такие родные. Обрадовался до слез, увидев на концертах тех, кто был на моих выступлениях десять, двадцать лет назад...»

Еще один пример простоты и открытости Ван Клиберна — памятное исполнение «на бис» собственной обработки «Подмосковных вечеров» В. Соловьева-Седого. Его транскрипция полна благородства и искренней благодарности слушателям.

Клиберн стал неотъемлемой частью культурного наследия именно Русского мира, стал нашим мифом, нашим достоянием. Его органичное присутствие в сознании русского человека наглядно иллюстрируется эпизодами из двух известных советских фильмов. В «Наваждении» Л. Гайдая («Операция Ы») Шурик влетает в комнату к соратнику, тестирующему радиоприемник для сдачи экзамена: «Дуб! Конспект есть? — Нет никаких конспектов! Не мешай! — А что ты слушаешь? — Ван Клиберна!». А в фильме Н. Михалкова «Пять вечеров» Клиберн вообще появляется на экране в одном из драматургически ключевых моментов. Он там — на маленьком черно-белом экране телевизора, видимого сквозь линзу, — наигрывает мелодию военной советской песни «Вечер на рейде», а потом говорит с умопомрачительным акцентом: «Я вас лублу!»

Признаваться в любви и благодарности он не уставал никогда.

Вот некоторые цитаты из его последних интервью: «На протяжении многих лет я черпал свое вдохновение в России и в ее слушателях, и теперь даже не знаю, как мне выразить свою благодарность!» «В моем присутствии никто не смеет ничего дурного сказать о России. Они знают, что я просто отвернусь и перестану разговаривать». О Большом зале Московской консерватории пианист говорил: «Это святая земля. Каждый, абсолютно каждый слушатель этого зала знает музыку. Это свидетельствует о силе русского народа. Удивительна ваша страна, от таксиста до музыканта — все любят музыку!»

А вот — фрагмент письма, которое пианист отправил 21 июня 1962 г. в редакцию газеты «Известия», прощаясь с Советским Союзом после очередных гастролей: «До свидания! Прошу вас поместить в газете мое небольшое письмо. У меня нет возможности ответить каждому из моих многочисленных друзей в Советском Союзе, и в этих торопливых строках, написанных перед самым от-

летом из Москвы, я хочу от всего сердца поблагодарить и приветствовать всех, всех, всех, кто был добр ко мне и моей матери. Я много думал о том, как много значат для меня, как для артиста, советские слушатели. Я никогда не забуду встреч с отзывчивой и чуткой публикой на моих концертах. Эти встречи вдохновляли меня, внесли в мою жизнь большую радость и счастье. Прощаясь с советскими людьми, мы хотим пожелать им большого счастья в жизни, труде, творчестве. Пусть будет мир на земле и пусть в этом мире звучит прекрасная музыка — ей открыты все границы и сердца. До свидания, до новых встреч, дорогие советские друзья. Я Люблю Вас!»

Последний раз Клиберн приезжал в Москву в июне 2011 г. в качестве почетного председателя жюри конкурса пианистов на XIV Международный конкурс им. Чайковского. Его по-прежнему окружали многочисленные поклонники, а он все так же улыбался, восхищался Россией и излучал тепло и свет. Тогда же Клиберну был передан архив, содержащий восторженные письма русских слушателей, приходившие в течение многих лет на его имя в оргкомитет конкурса. На пресс-конференции пианист признался: «Я всегда благодарю Бога за то, что у меня есть такие верные друзья. Уже тогда, в 1958 году, когда я впервые приехал в Россию, я почувствовал невероятную атмосферу любви к музыке. И публика оказала мне необычайную поддержку. До конца жизни я люблю Россию».

На церемонии награждения лауреатов конкурса Чайковского 6 июля 2011 г. Клиберн в последний раз вышел на сцену. Он произнес взволнованную речь, которую завершил словами: «Никогда не забывайте, что я люблю вас всех, всем сердцем, и буду любить всегда». Публика аплодировала ему стоя.

В прошлом году музыкант, уже знавший о своем страшном диагнозе, организовал благотворительный аукцион, на котором были распроданы его многие личные вещи, в том числе и любимый рояль 1912 г., на котором играла еще мать пианиста. Средства, вырученные от продажи рояля, были переданы Московской консерватории и Джульярдской школе. Кстати, мало кто знает, что Клиберну был вручен диплом выпускника Московской консерватории.

* * *

В конечном счете всегда оказывается, что слушателю нужна не запредельная виртуозность, даже не копание в глубинах, не философские откровения. А высказывание открытого доброго сердца. В этом мы все нуждаемся больше всего.

У меня была пластинка с записью концерта Вана Клиберна в Москве в 1972 г. И особенно нравилось, как он играет «Остров радости» Дебюсси. Признаюсь, что другого исполнения этой пьесы, которое мне понравилось бы, я еще не встречала.

Пианисты как-то странно понимают импрессионистическую радость — она звучит у них сухоовато или очень уж бойко. И — бессмысленно. И только клиберновская радость — это радость поющего сердца.

В этой связи вспомню выдающегося русского философа И. Ильина «Сердце наше поет, когда мы предаем погребению героя, служившего на земле Божьему делу. Сердце наше поет, когда мы созерцаем в живописи подлинную святость; когда мы сквозь мелодии земной музыки воспринимаем духовный свет и слышим голоса поющих и пророчествующие ангелов... Кто хоть раз доставил другому радость сердца, тот улучшил тем самым весь мир; а кто умеет любить и радовать людей, тот становится художником жизни. Каждый божественный миг жизни, каждый звук поющего сердца влияет на мировую историю больше, чем те «великие» события хозяйства и политики, которые совершаются в плоском и жестоком плане земного существования и назначение которых нередко состоит в том, чтобы люди поняли их пошлость и обреченность... Нам надо увидеть, и признать, и убедиться в том, что именно божественные мгновения жизни составляют истинную субстанцию мира; и что человек с поющим сердцем есть остров Божий — Его маяк, Его посредник».

На похоронах пианиста звучала музыка Рахманинова и Чайковского. И те самые «Подмосковные вечера»: хор местной филармонии с американским акцентом старательно выпевал русские простые слова. Так пианист писал в стихах незадолго до смерти: «Еще не ушел... Будет царственный хор петь для нас в царственном зале...» Пресса уверяет, что в тот день Форт-Уорте зацвели вишни.

Вана Клиберна не стало, но история взаимной любви американского пианиста и его русских слушателей — не кончена.

НОВОЧЕРКАССКИЕ ПОЭТЫ

НОВОЧЕРКАССКИЕ ПОЭТЫ

Виталий КУЗНЕЦОВ

ПРОБУЖДЕНИЕ

Никогда не виданный свет.
Никогда не виданной лампы...
Словно жизнь была — жизни нет,
Словно к чёрту попал в лапы!

Будто я остаюсь во сне
И другой просто не было жизни.
Только кажется, чудится мне:
Смотрит Бог на меня с укоризной.

Смотрит Бог, говорит: «Чудак,
Ты проспал свою жизнь напрасно.
Ты — никто и зовёшься — никак»
...Светит лампа кроваво-красно.

УМИРАЮЩИЙ ПИИТ (ироническая фантазия)

*Все перепуталось, и некому сказать...
О. Мандельштам*

Великое стихотворение,
Нечаянная благодать,
Невиданное озарение —
Да поздно всё это, видать.

Ниспосланное вдохновение.
Вот жалко — пора умирать!

Всё глубже, сильнее агония.
Земного осталось: кровать
И чахлый цветок — бегония.
Кто будет его поливать?

Божественный гаснет огонь, и я
Уже не сумею летать!

Лежит карандаш заточенный —
Никак мне его не достать.
Стих выверенный, отточенный —
Его только не записать.

На жизнь мой билет просроченный.
И нового негде мне взять!

СОВСЕМ КОРОТКОЕ

Значит, так оно? Значит, так!?
И помрёшь ты, скорей, поутру.
Жизнь прожил на медный пятак,
А грозился на цельный рубль!

ПОЭЗИЯ

Четыре улицы. Я вдоль и поперёк
Брожу по ним, рифмуя одержимо.
Как будто это столь необходимо!
Себя на пытку я пожизненно обрёл.

Поэзия, а ты кого-нибудь спасла!?
Кому была целебна и полезна?
Ведь ты от Пушкина беды не отвела,
Смолчала, а Марина в петлю влезла!

Поэзия, ты лишь цветная мишура,
Виньетка, бабочка на теле жизни.
Чуть-чуть изменчивей и чуть капризней
Наш мир ты делаешь. Но проще жить пора!

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Осенний грустный возраст увяданья.
Морщинки-паутинки подле глаз.
И не найти понятного названья
Тому, что так сложилось всё у нас.

Хоть чаще мы друг к другу равнодушны,
Былая нежность — нет да проскользнёт!
А может быть, привычке мы послушны —
Искать стремнину, где сегодня лёд?

Но лёд любой когда-нибудь растает.
Ведь зиму сменит светлая весна.
Тогда пойму, кого мне не хватает
И вырвусь я из тягостного сна!

ФОНАРИ-ОДУВАНЧИКИ

Фонари стоят, как одуванчики.
Снег мохнатый будто лёгкий пух.
Оказались девочки и мальчики
Прямо в сказке, что случилась вдруг.

Город был — теперь чертоги снежные.
Все деревья — белые цветы!
И снегурочки навстречу нежные,
И одна из них, конечно, ты!

ПРЕДЗИМНЯЯ ЛЮБОВЬ

Время осеннее, а радость — летняя!
Здравствуй, любовь молодая, последняя.

Радует душу предзимняя оттепель.
Я стал иным — неизменно влюблён теперь.

Я удержу тебя, птицу небесную.
Жизнь зазвонит наша радостной песнею.

Не ощущаю я времени бремени.
Я не устал — я из сильного племени!

НЕДЕЛЯ КАК ЖИЗНЬ

Семь дней как семь десятилетий:
И время то, и время это.
Закончится однажды то и то,
Износится как старое пальто.

И в понедельник ты ребёнок,
Смешной весёлый жеребёнок.
Движению любому просто рад...
Пошёл десятилетний быстрых ряд!

Прекрасна вторничная юность.
Увы! Она не затянулась.
Ушла есенински, как будто дым,
И я не буду больше молодым!

Среда — основа, сердце жизни.
Всё чаще смотришь с укоризной
На собственную в жизни суету
И рядом женщину — совсем не ту.

Четверг, вторая часть недели,
Как быстро годы полетели!
Закат гораздо ближе, чем рассвет.
И слово «Да» всё реже, чаще «Нет».

Разжат кулак десятилетний:
Пять пальцев — пятьдесят на свете
Тебе награда. Хочешь — получай!
О смерти вспомни словно невзначай.

А там суббота, выходные...
Но близятся года такие,
Когда пугает слово «Выходной».
Оно как шаг, как выход в мир иной.

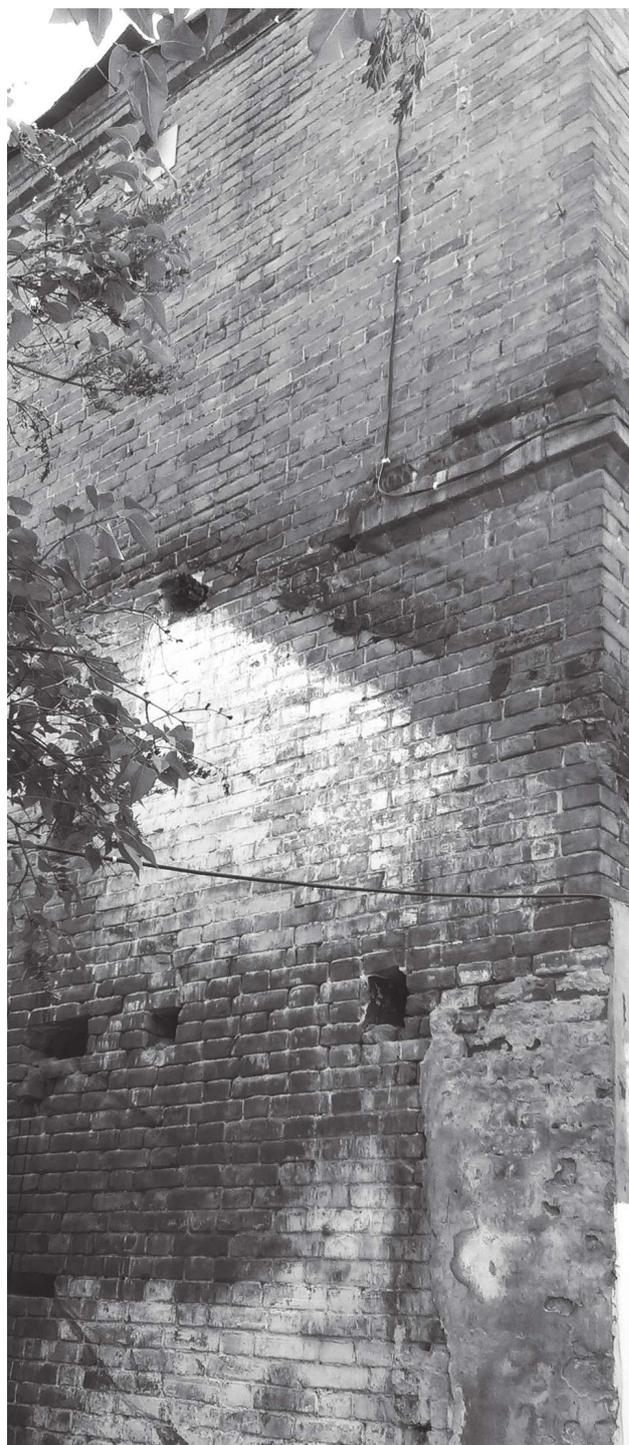
Но есть надежда — воскресенье.
Не просто день — души спасенье!
Бросаешь в прошлое спокойный взгляд.
Ведь завтра новый день — продлится ряд!

ШАЛЬНЫЕ СТРОКИ

Михаилу Репникову посвящается

Относительность бытия,
Осознание жизни конечности.
Понимаем и ты, и я:
Мы с тобой далеки от вечности.

В том не наша с тобою вина,
Что закончится жизнь, что печален стих.
Так возьмём по стакану вина,
Облегчим осознание бренности!

Михаил РЕПНИКОВ

Виталию Кузнецову посвящается

КОРОТКО ОБО МНЕ

Слова мои, как гвоздь,
Молчание — как вакуум.
Я безусловно прост,
Как истина, как атом.
Я кремень, я утес
Средь суетных течений,
Неведом мне вопрос —
Источник всех сомнений.
Смиренностью я горд
И в гордости смиренен,
В вопросах чести твёрд...
Короче, я — как ленин,
Как минимум. А слог —
Ну, чистый розенбаум.
Вот только жаль, что Бог
Не подарил мне разум.

МОЙ ПЕГАС

Мой пегас полметра в холке,
Не возносится до сфер.
А в приставке «про» в «пророки»
Не хватает буквы р.

И Парнас не выше крыши,
Под которой я живу.
Перегаром Муза дышит
И во сне, и наяву.

Мой язык для серафима —
Что баян для той козы.
Всё неточно, мелко, мимо,
Невпопад и не в пазы.

Мне Мартынов не опасен,
Грудь Дантес не поразит.
И потомкам в школьном классе
Стих твердить мой не грозит.

Перед той пятиэтажкой,
Где я с милой обитал,
Не сорвет мужик фуражку,
Мол, стихи его читал.

И не светит мне стоять
В бронзовых сандалиях
Там, где будут назначать
Влюбленные свидания.

ШЛАКИ БЛОКА

Так уж устроена природа —
Канал, квартал, фонарный свет.
Холодный вакуум небосвода,
И в общем-то, исхода нет.

Умрёшь, начнёшь опять с начала.
Начнёшь с начала и умрёшь.
Так и живешь на дне канала
Под ледяную рябь и дрожь.

От фонарей офонаревший,
Скажи во имя всех аптек!
Какой тебя попутал леший?
Что ты забыл здесь, человек?

Чего ты ищешь в тусклом свете?
Ведь сколько улиц не пройди,
Лишь ледяной канал и ветер.
Да четверть века впереди.

САМОЕ САМОЕ

Самое главное — фары в тумане,
Самое рваное — дырка в кармане,
Самый пристойный — вёшенский план,
Самый отстойный — Дима Билан.

Самые быстрые мчат по саванне,
Самые чистые нежатся в ванне,
Самые стильные стелют постели,
Самые сильные носят гантели.

Самые жуткие — с чётками ламы,
Самые чуткие — чукчи на БАМе,
Самые бравые — Сюткин и Швейк,
Самые правые — слева от всех.

Самый угодный пятится раком,
Самый негодный светится лаком.
Самый проворный ворует и врёт,
Самый просторный открыто живёт.

Самые гибкие гибнут в геенне,
Самые липкие склонны к измене,
Самое сладкое то, что не нужно,
Самая краткая — вечная дружба.

Самый не плотный — в космосе вакуум,
Самый голодный — ближе к собакам,
Самое тайное — что на виду,
Ну, а непальное — град Катманду.

Самый известный художник — Дали,
Самое близкое то, что вдали.
Самый развратный мужик — у соседки,
А к пиву сейчас подошли бы креветки.

Самое зыбкое то, что надёжно,
Самое хлипкое трогать не можно,
Самое верхнее то, что внизу,
Дальше не буду, а то не засну.

ВЕСНА

Весенние денёчки, набухают почки,
Лопается печень, легкие хрипят.
Матери и дочери расставляют точки
В спорах, и заточки в их руках блестят.

Солнышко желточно растеклось по небу,
В рощах еженочно соловьи свистят.
Женщины, уж точно, зрелища и хлеба
Жаждут так порочно. Их глаза что яд.

Но весна, однако, многих ставит раком:
Лужи, буераки — на то она весна.
Кто-то кроит лаком, кто-то сеет маком,
Кошкам и собакам тоже не до сна.

Чудеса, пророча, расцветают ночью
Чёрные акации в тишине аллей.
Вот такая порча — ночи все короче,
А у соседа дочери ноги все длинней.

Но меня не это беспокоит, Света.
Мне на всё на это, в общем-то, начхать.
По большому где-то, мне бы съесть котлету,
Но душа поэта требует писать.

ПЕСНЬ ОБ УСОПШЕМ БЕГЕМОТЕ

Тёмной ночью бегемот
Утонул в пучине вод.
И о том узнали все:
Толстый заяц на косе,
Королевские пингвины,
Воробей, чесавший спину,
Три токующих баклана,
Муха на краю стакана,
Ленка, пиво разливая,
Тетки, ждущие трамвая,
Часть отдельная Вселенной,
Всё, что вечно и что бренно,
Мёртвый шахматист Ботвинник,
В лифте замерший насильник,
Безупречный Гарри Поттер,
Smoke, который on the water,
Тайный гедонист Виталий,
Прыщ в районе гениталий,
Белорусские сябры
И какой-то хрен с горы.
Старший Буш и младший Буш,
Гоголь, автор «Мертвых душ»,

Перманентный карбонарий,
Опустевший планетарий,
Волоокая Джоконда,
В мутных водах анаконда,
Соловей, поющий в роще,
Все, без исключения, тёщи,
Пресловутый Ким Чен Ир,
Пара сотен чёрных дыр,
Небожители Тибета,
Кит из «Ветхого Завета»,
Олигарх, бухой в дымину,
Дог пятнистый у камина,
Таракан, познавший тапок
И оставшийся без лапок,
Дым от листьев в сентябре,
Жук в балтийском янтаре,
Спящий до весны сурок,
Вы и автор этих строк.

Анатолий ЧЕКУЛАЕВ

ЖИЗНИ СТИХ

Хотел понять я жизни стих,
Но понял лишь одно:
Люблю я женщин молодых
И старое вино!

И, поднимая свой бокал,
Я вспоминаю всех,
Кого любил, кого ласкал
В шальные дни утех.

Когда всё было по плечу,
И в жизни, как в кино!
Когда я жёг любви свечу,
Рекой текло вино!

Когда деньгами я сорил,
Как всемогущий Крез,
Когда я сердце покорил,
Принцессы из принцесс!

Но и сейчас скажу одно
Я, при висках седых:
Люблю я старое вино
И женщин молодых!

НОВЫЕ ВРЕМЕНА

Мне так приелись «Пентиум» и сайт,
Признания в любви по Интернету,
Я лучше выйду в маленький свой сад,
Как в мир родной, в знакомую планету.

Но воздух там — хоть лезь в противогаз, —
От выхлопов чихается, слезится.
На ветке высохшей не радуется мой глаз,
Пока что чудом выжившая птица.

Мне снятся по ночам «боевики»,
И «сникерсы», и «тампаксы» мне снятся,
В бессилии сжимаю кулаки
Под рёв сирен и трель сигнализаций.

Да, новый век коварен и строптив,
Как в бой, иду я даже на свиданье.
В руках взамен цветов аккредитив
И Кодекс Уголовный в назиданье...

ЛЯГУШКИ

Хорошо нам жить в болоте! —
Превосходный водоём!
Жаль, вы с нами не живёте,
Не барахтаетесь в нём.

На закате вечерами
Далеко наш слышен хор.
Приходите квакать с нами
Тишине наперекор.

Рады мы любой погоде
И живём, не зная бед...
Правда, цапля к нам заходит
Очень часто на обед...

* * *

Мне цыганка нагадала
По скрижалям на руке:
«Плыть тебе ещё немало
По извилистой реке»...

Что познать огонь и воду
Мне придётся на пути,
Что к тринадцатому году
Будет бизнес мой цвести.

Всё обещано, как в сказке:
И удача, и почёт,
И капризной Музы ласки,
И немалый в банке счёт,

А ещё — признанья женщин,
Мол, всегда я «на коне»...
Надо было дать ей меньше,
Чтоб сказала правду мне.

«ВРЕДНЫЕ СОВЕТЫ»

(почти по Остеру)

Если твой начальник строгий
И ругается нередко,
Ты лишь мило улыбайся
И не делай шефу зла.
Ведь сказал же кто-то метко:
— Уступи козлу дорогу,
Коль не хочешь быть похожим
Сам на этого козла.

Ели в друге усомнился
И ему не веришь больше,
Распрощайся с этим другом
И прости ему долги.

Будешь жить на этом свете
Интереснее и дольше,
Жми при встрече в благодарность
Другу руки в две руки.

Коль тебя плечом задели,
Да ещё и обругали,
Поскорее извиняйся,
Не пытайся возражать!
Невзначай случиться может,
что кому-то на неделе
сам наступишь ты на ногу...
и начнёшь его ругать.

Если предала подруга
И пошла к другому в жёны,
Ты не вздумай обижаться,
А возрадуйся тому!
Пусть у этого мужчины
Годы будут напряжёны,
А тебе обуза эта
Ну ей-богу ни к чему!

Если Муза отвернулась,
Помахав тебе крылами,
Потуши быстрее лампаду
И в прохладе сна уйди!
Без твоей нам жить придётся
Поэтической отваги...
А поэтов расплодилось
В наше время — «пруд пруди»!

ГОДЫ

А годы мчатся напролёт —
Год Тигра, Год Овечий...
Когда же всё-таки придёт
Нормальный, человеческий?

Не просто так рождались мы
«Быками» да «Стрельцами» —
Неправдой травятся умы
Годами, месяцами.

И смута длится до сих пор —
Год Лошади, Собаки...
Не звёздный круг, а скотный двор!
Ну как же тут без драки?

Годам цветы бы я раздал —
Год Ландыша, Год Мака...
И шар земной бы процветал
В соцветьях Зодиака!

СОДЕРЖАНИЕ

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Леонид ИВАНОВ	6
Владимир МОТРИЧ	13
Сергей ЧЕРНЯЕВ	14

ПОЭЗИЯ: родные пенаты

Ольга АНДРУС	18
Анжела АРСЕНОВА	20
Галина БАБАК	22
Свят ВЕТРОВ	24
Нина ВИНОГРАДОВА	25
Алексей ВОРОНЬКО	27
Алина ГЛАДКОВА	28
Марина ГУРТОВАЯ	29
Владимир ГУТКОВСКИЙ	31
Оксана ЕФИМЕНКО	34
Павел КОВГАН	37
Влад КОЛЧИГИН	38
Михаил КРАСИКОВ	41
Филипп ЛЕБЕДЕВ	42
Мила МАШНОВА	44
Аня ПАНЕВСКАЯ	45
Ал ПАНТЕЛЯТ	46
Геллада САМОЙЛЕНКО	50
Ольга ТАРАСОВА	52
Леонид ШЕПТОВИЦКИЙ	54
Герман ТИТОВ	56

ПОЭЗИЯ: IN-versia

Андрей КОСТИНСКИЙ	60
Злата ВИРАЖ	

ПОЭЗИЯ: ЗА границей

Татьяна КОСТАНДОГЛО	66
Геннадий КРЕЙМЕР	69
Ольга ОЛГЕРТ	70
Юрий ТАТАРЕНКО	73
Николай ТИМОХИН	75
Юлия ФАЛЬТЕР	77

ПОЭЗИЯ: дебют

Галина ПЕЧЕНЕЖСКАЯ	82
--------------------	----

ПЕРЕВОДЫ

Галина БАБАК	86
Дмитрий ЖУКОВ	87
Юлия ФАЛЬТЕР	90

ПРОЗА

Андрей ГЕНИН	94
Марина ГУРТОВАЯ	96
Давид ДАНИЛОВ-АБРОСИМОВ	97
Дмитрий ЖУКОВ	99
Александр ЗАРХИН	100
Игорь КОЛТУНОВ	102
Борис КРАУШ	104
Геннадий КРЕЙМЕР	109
Сергей ОГИЕНКО	121
Елена РАЙГОРОДЕЦКАЯ-ГУБИНА	123
Юлия ФАЛЬТЕР	128

СТАТЬИ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Владимир БРЮГГЕН	132
Дмитрий ГУБИН	138
Алла ДЕДУСЕНКО	143
Станислав МИНАКОВ	145
Анна МИНАКОВА	156

НОВОЧЕРКАССКИЕ ПОЭТЫ

Виталий КУЗНЕЦОВ	162
Михаил РЕПНИКОВ	164
Анатолий ЧЕКУЛАЕВ	166

Литературно-художественное издание

ЛАВА

Проект клуба поэзии АВАЛ

Концепция номера,
вёрстка, дизайн – Герман Титов

Сдано в набор 08.07.2013.
Подписано в печать 09.07.2013.
Формат 170x297/16. Бумага офсетная.
Печать офсет. Тираж 300 экз.

Типография ЧИПП «Слово»
61024 г. Харьков ул. Лермонтовская, 27
тел./факс (057) 7192195
Свидетельство о внесении
в государственный реестр:
ХК № 214 от 21.11. 2007г.